Колпаков Василий Петрович

ФАКТОРСКИЕ КУРСАНТЫ – ДЕТИ ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Василий Петрович Колпаков родился в городе Каргополь Архангельской области. Закончил Архангельскую рыбопромысловую мореходную школу и Ленинградское высшее инженерно-морское училище имени адмирала С.О. Макарова в 1973 году. До 1999 года работал в Архангельском траловом флоте на больших морозильных рыболовных траулерах помощником капитана, представителем администрации флота. Автор трех книг художественной публицистики, выпущенных Северо-западным книжным издательством и издательским центром АГМА: «Компас надежности» (1985 год), «Через три океана» (1990 год), «Корабли и капитаны» (1999 год). В книге «Факторские курсанты — дети войны» на примере одной учебной группы автор описывает дни, месяцы, годы жизни и учебы молодых курсантов от момента их поступления до окончания мореходной школы. Учеба, учебная и морская практика, взаимоотношения с командирами, воспитателями и преподавателями, повседневный быт и развлечения. Живо, увлекательно и с юмором повествует о коллективных мероприятиях, поездках в колхоз, выступления с концертами художественной самодеятельности на вечерах отдыха, непростые взаимоотношения с гражданскими сверстниками, первые увлечения и первая влюбленность и многое-многое другое. В книге размещены подлинные фотографии начальника школы, его заместителей, преподавателей, воспитателей и курсантов, всего 35 фотографий.

-
-
-
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Фотографии
- Об авторе

Светлой памяти моей жены,
Колпаковой Нины Андреевны,
посвящается…

«Память, память за собою позови,
В те далекие промчавшиеся дни,
Ты друзей моих ушедших оживи,
А друзьям, живущим молодость, верни.
Память, память, ты же можешь, ты должна…

Роберт Рождественский «Память»

Меня всегда влекло сюда, в центр Рыбацкой Слободки, называемой Фактория, где стояло здание Рыбопромысловой мореходной школы. Здесь, когда-то, давным-давно, прошли мои самые лучшие годы юности. Сейчас этого здания уже нет. По-видимому, новые хозяева демонтировали его и перевезли на другое место. На образовавшемся пустыре, заросшем сорной травой и кустарником, ветер лениво шевелил опавший тополиный пух, да там и сям виднелись разномастные, уродливого вида, самодельные гаражи.

А когда-то здесь стояло добротное, длинное двухэтажное деревянное здание с широким крыльцом и двухстворчатой дверью. Справа от парадного входа, золотистыми буквами на красном фоне, вывеска «Архангельская Рыбопромысловая мореходная школа». В этой рыбной мореходке, в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого века готовили будущий командный состав промыслового флота: судоводителей и судомехаников.

За входной дверью, в коридоре, по стойке «смирно» застыл дневальный, в черной матросской шинели, перехваченной ремнем с начищенной до блеска пряжкой. С одной стороны, у дневального красная кнопка электрического звонка, а с другой, на кронштейне висит, отлитая из бронзы рында — колокол. Дневальный время от времени смотрит на круглые судовые часы и, согласно расписания, нажимает кнопку звонка — начало или конец урока, или перемены. Удары рынды — колокола извещают о текущем времени. Прошло более полувека с тех пор, но я и сейчас, по числу ударов, могу определить время.

Входной холл разделяет коридор первого этажа на две равные части: налево классные комнаты курсантов судомеханического отделения, направо — спортивный зал и туалеты. Спортзал в субботу и воскресенье превращается в зрительный зал для демонстрации кинофильмов.

На второй этаж ведет лестница, вдоль которой, на стене, на высоте человеческого роста, грамоты и дипломы в рамках, за спортивные победы и достижения бывших и настоящих курсантов мореходки. На самом верху лестницы две доски: «Доска Почета» для отличников и «Доска Объявлений». В центре второго этажа, с Южной стороны, комната преподавателей с несколькими персональными столами и стульями. Через преподавательскую, через особую дверь, можно пройти в кабинет начальника мореходки Александра Семеновича Кущенко.

Будущие судоводители, как правило, располагались в

классных комнатах второго этажа, а будущие механики — на первом. Совсем как на корабле: штурмана на верхнем мостике, а механики внизу — в машинном отделении. Значительную часть второго этажа занимала библиотека с читальным залом, длинным столом в центре и множеством стульев вокруг стола и вдоль стен. Иногда читальный зал использовался для репетиций художественной самодеятельности и многоголосого хора курсантов.

Веселый и задорный кружок духового оркестра разучивал гаммы, марши и вальсы в отдаленной угловой комнате первого этажа.

Временами, мысленно, я прохожу по длинным коридорам этажей и слышу, как из классных комнат доносятся голоса преподавателей и курсантов и характерный стук мелка по доске. Будущие капитаны постигают основы астрономии, навигации и лоции, а будущие механики корпят над эскизами и чертежами деталей машин, изучают технологию металлов, термодинамику.

Обычно на первый курс принимали 120–150 курсантов. А в 1955 году, по какой-то причине, прием резко сократили. Принимали только 30 человек с семилетним образованием на судомеханическое отделение и 30 человек со средним образованием на судоводительское отделение. Конкурс был огромным, особенно на судомехаников. Многие стремились поступить в мореходку из-за романтики, из-за морской формы. А самое главное — пережить тяжелые времена на полном государственном обеспечении.

Это были «Дети войны» в основном 1938–1941 годов рождения. У многих из них отцы не вернулись с войны, у других вернулись инвалидами. В материальном отношении жилось тяжко и трудно, порой — впроголодь. Поступление в мореходку было средством избавления от этих трудностей.

Но время шло неумолимо, неся позитивные перемены. Архангельский траловый флот в шестидесятых годах бурно развивался и пополнялся. Десятки новых средних и крупнотоннажных судов ежегодно поступали на баланс флота. Со временем курсанты рыбной мореходки стали знаменитыми капитанами и механиками флота. Многие получили высшее морское образование. И, как показало время, стали отличными специалистами-профессионалами.

В своей книге я пытаюсь рассказать о трехлетней учебе в Архангельской Рыбопромысловой Мореходной Школе. Было бы неправильно думать, что это рассказ об отдельно взятой группе курсантов судомеханического отделения. Повествование характеризует всех, кто когда-либо учился в этом учебном

заведении. Распорядок дня, режим, условия быта, развлечения были примерно одинаковы во все годы существования рыбной мореходки. С небольшой лишь разницей: судоводители изучали одни дисциплины по своей будущей профессии, а судомеханики — свои и преподаватели были разные.

Мой рассказ будет неполным, если я умолчу о сегодняшних днях Факторских курсантов — детях войны. Примерно половина из них навсегда связала свою судьбу с Архангельским траловым флотом и отработала на промысловых судах от 30 до 40 лет. Большинство получили высшее образование и работали на крупнотоннажных судах во всех широтах Мирового океана. Имея большой стаж плавания и «полярные надбавки», очень хорошо зарабатывали, обеспечивая достойную жизнь и будущую старость. К сожалению «детей войны» настигла новая война, на сей раз внутри собственной страны. В результате Ельцинских реформ вклады в Государственном банке страны мгновенно обесценились, а владельцы вкладов из-за резкого спада производства, оказались на пенсии, без гроша в кармане. Средний заработок, стаж и условия работы не учитывался и размер пенсий бывших рыбаков, оказался мизерным, месяцами не выплачивался и его съедала галопирующая инфляция.

Сегодняшняя пропаганда называет эти годы «лихими девяностыми». Совершенно не согласен с таким определением. В русском языке слово «лихой» имеет положительный смысл. Думаю, что выражение «лихие девяностые» придумали сами демократы-реформаторы, чтобы как-то приукрасить людоедскую сущность своих деяний. В моем сознании и в моей памяти эти годы навсегда останутся «мародерскими годами», годами тех особей, которые после боя, выворачивают у павших бойцов карманы.

Статистика говорит, что за время Ельцинских реформ своих трудовых вкладов и сбережений лишились сорок восемь миллионов граждан, а восемь миллионов преждевременно ушли из жизни. Большинство из них были «дети войны». Появились «супербогатые» и «супернищие». Последних, насильно загнанных в нищету, услужливая пропаганда и новые хозяева жизни стали называть «совками», «маргиналами» или «быдлом». Думаю, это тема для очень большого разговора, следствия, суда или трибунала. Не должны оставаться безнаказанными те, кто проводил в жизнь эти гнусные, бесчеловечные эксперименты над людьми, над их судьбами, над страной. Вера и надежда в справедливость всегда остается с человеком.

Глава I
Первокурсники

В моей памяти навсегда сохранились первые эпизоды моего поступления в мореходку. Окончив семилетку с Похвальной грамотой, я поступал без экзаменов, когда мои будущие однокашники уже работали в колхозе. Перед канцелярией на Доске объявлений ознакомился с Приказом о вновь зачисленных на учебу первокурсников. Среди них была и моя фамилия. Это немного ободрило и придало уверенности.

Секретарша, она же бухгалтер, дала направление на право проживания в общежитии мореходки, которое располагалось на Юросе. Предварительно мне необходимо было пройти в санчасти мореходки медосмотр на отсутствие заразных и кожных заболеваний. После всех формальностей я предстал перед комендантом общежития:

— Кто таков? Все новобранцы в колхозе картошку копают, а ты чего здесь ошиваешься?

Я попытался объясниться, но он и слушать не стал:

— Тоже зачислен на первый курс? До начала занятий еще целая неделя! Будешь работать у меня!

Его скрипучий, визгливый голос резал слух. Он повел меня в каптерку, выдал постельное белье:

— Поселяйся в жилой кубрик на свободную кровать! Утром в 9-00 на работу!

Утром, насухо позавтракав куском батона, я уже таскал из кубрика в кубрик тумбочки, табуретки, двухэтажные металлические кровати. Пришел начальник мореходки, суровый и строгий:

— Где тут новичок? Уже в работу запрягли? Он еще не зачислен и на довольствие не поставлен! Ему надо медицинскую комиссию проходить! Может, он совсем к морской службе непригоден!

Слова прозвучали тревожно и зловеще. А я-то думал, что уже поступил! Настроение упало. Снова бегу в канцелярию, получаю медицинскую карту и наставления секретарши. Часть врачей я должен пройти в поликлинике, на втором лесозаводе, а другую часть — в поликлинике на Металлистов. Для деревенского паренька, впервые попавшего в город, это задача со многими неизвестными. Мотаться в трамвае, не зная ни города, ни остановок! Наконец, найдя поликлиники, занимать очередь, в которой любая бабушка считает своим правом попасть в кабинет

врача впереди меня. В таких условиях очередь кажется бесконечной. Моим будущим однокурсникам, которые на картошке, в колхозе, было куда легче! Все врачи медкомиссии собирались в одной большой комнате, и абитуриенты как по конвейеру проходили медкомиссию всего за один час.

Вечером у общежития меня поджидает комендант:

— Ну что, прошел комиссию? Завтра на работу? — Услышав отрицательный ответ, визжит:

— Все! Хватит волынить! Забираю постельные принадлежности и вон из общежития! Ночуй где хочешь! Ребята за два часа медицинскую комиссию проходят, а ты второй день резину тянешь!

Куда мне идти? Где ночевать? Этот сумасшедший старик поставил меня в безвыходное положение. Оглядевшись вокруг, увидел стог сена в поле, любовно сметанный рачительным хозяином одного из частных домиков Юроса. Недолго думая, сделал нору и залез в сухое, пахнущее травами, сено. Рядом пищали мыши, встревоженные вторжением незваного гостя. Мне было все равно: завтра надо закончить с медкомиссией! Перспектива ночевки в стоге сена меня не прельщала.

С раннего утра встал на очередь в поликлинике, за день успел пройти двух врачей, остался всего один. Сам поставил в медицинской карте последнюю запись: «Здоров. Годен». Совесть не мучила, беспокоила только мысль: поверит ли секретарша моим закорючкам? Секретарша равнодушно взяла медицинскую карту и подшила ее к личному делу:

— Сейчас отпечатаю приказ, поставлю вас на довольствие! Завтракать будете уже в нашей столовой!

Мелькнула шальная мысль: надо было в первый же день расписаться за всех врачей и не мучиться, не переживать! Окрыленный успехом, прибежал в общежитие. К моему удивлению, комендант обрадовался не меньше меня. Даже голос, похоже, стал не таким визгливым:

— Завтра с утра на работу! Будешь помогать печнику, поднимать кирпичи да глину на чердак!

Печник, по-видимому, принял меня за учащегося ФЗО, которого послали и на подмогу, и на практику:

— Первое дело — раствор! — поучал он. — При хорошем растворе ни одна печь не обрушится, веками будет стоять!

Работая, он распевал одну и ту же песенку:

— Стежки-дорожки, трава-мурава…

Тембр голоса у него был приятен слуху, мне захотелось, чтобы он спел песенку до конца. И я, по наивности, спросил певуна:

— Ну а дальше-то как?

Печник расправил черные с проседью усы и простодушно признался:

— Сам не знаю! Как пою эти строки — у меня все ладится. А если начну петь другую песню — все идет вкривь и вкось!

— Значит, эта песня Ваш талисман?

— Выходит, что так! — печник вытащил из кармана комбинезона часы, посмотрел и спохватился:

— Заработались мы сегодня! Тебе на ужин пора. Осталось две трубы починить. Завтра до обеда управимся!

Но работать с печником мне больше не пришлось — вернулись мои будущие однокурсники из колхоза. Из крытого тентом грузовика вылезло десятка три грязных, оборванных, в разношерстной одежде юнца и направились прямо в общежитие.

— Не пущу! Не пущу! — заверещал комендант, растопырив руки, как чучело на огороде, прикрыв собой входные двери. Толпа грязных и злых ребят остановилась и загалдела:

— Что такое? Почему? Куда нам идти? Что за шуточки, товарищ комендант?

— В кубриках порядок наведен! Чистота стерильная! Сменено постельное белье! А вас сейчас отвезут всех в баню, подстригут на лысо, под Котовского, в парилке попаритесь! Выдадут нательное белье, рабочее обмундирование, обувь. Приедете сюда чистенькие, аки агнцы! А то, небось, у вас насекомых полно! Гражданскую рвань сожгут в котельной! Ясно?

Все давно усвоили, что с комендантом спорить бесполезно. За ним — сила. Устав, администрация. К тому же он прав.

Сразу же, в бане, две женщины-парикмахера взялись обрабатывать тридцать грязных, косматых голов: черных, русых, рыжих, белокурых. Они не были дома два месяца — вступительные экзамены, медкомиссия, работа в колхозе. Большинство привыкло к тому, что за их внешностью следила мама или бабушка. У каждого на голове целая копна, только цвета разного.

— Как будто отару овец стригли! — хохочет младшая из парикмахерш, — Целый мешок шерсти настригли!

— Не шерсти, а волос! — поправила старшая, — Ты смотри, будь осторожней, не натряси на себя насекомых! У некоторых я сама видела, когда стригла!

Форменного обмундирования еще не подвезли, а всю старую рваную одежду увезли сжигать в котельную. Все с гиканьем, смехом, шуточками расхватали оцинкованные тазики. Любители острых ощущений заняли полки в парной.

— Ребята! Командир говорит, что форму привезли, но только

двух размеров, — сообщает кто-то из осведомленных, — Так что самым маленьким придется засучивать рукава и штанины на брюках!

Услышав новость, за обмундированием выстраивается очередь. Самые маленькие ростом просят пропустить их без очереди:

— А если нам достанутся самые большие размеры?

— Большие, средние… Вам хоть те, хоть другие, все равно ушивать придется!

После стрижки наголо, бани и одинаковой формы, вчерашние знакомые с трудом узнают друг друга. В казарму шли уже строем и, как все новобранцы, часто путали ногу. Несмотря на позднее время, у входа встречал комендант, визгливо и насмешливо восклицая:

— Все как один — под Котовского! Совсем как в тюряге!

Последние слова, как нам показалось, прозвучали с ностальгией и умилением. Ничего не поделаешь, знать, хорошая память осталась у коменданта о местах «не столь отдаленных», как и черный юмор.

Полуденное сентябрьское солнце уже не жгло, как в летнюю пору, но грело наши спины весьма ощутимо. У здания общежития мореходки на Юросе, больше похожего на барак или казарму, в шеренгу по два выстроилась группа курсантов судомеханического отделения нового набора. Воспитатель, средних лет мужчина, в морском казенном кителе и фуражке с кокардой, добивался ровного по росту ранжира в строю. Поменял местами нескольких человек, прищурил один глаз, как будто прицелился:

— Запомните каждый свое место в строю! В таком порядке будете строится всегда! А сейчас несколько назначений по вашей группе. Старшиной группы назначен курсант Пылинский! Курсант Пылинский, выйти из строя!

Из строя выходит Миша Пылинский и без команды делает поворот «кругом», становясь лицом к строю. Воспитатель пыжится, чтобы показать свою значимость, и продолжает:

— Группа разделяется на три отделения по десять человек! Командиром первого отделения назначается курсант Хомченко! Второго отделения курсант Баранов! Третьего отделения — курсант Мошков!

Все трое выходят из строя и делают поворот «кругом». С легкой руки воспитателя в первом отделении оказались самые рослые парни, во втором отделении — среднего роста, а в третьем самые маленькие — «цыпленыши».

— А теперь займемся вашим внешним видом, то бишь подгонкой формы по фигуре! — воспитатель просто изнывал от

желания укрепить свой авторитет:

— Всем заправить рубашки в брюки!

— «Рубашки»! — презрительно фыркнул кто-то во второй шеренге — Это не рубашки, а голландки, рабочие матроски, со времен Петра их носят навыпуск, поверх брюк!

— Разговорчики в строю! — еще больше вылупил свои коровьи глаза наш наставник, — Всем заправиться, как приказано!

Нехотя, неторопливо и молча курсанты выполняют нелепый приказ. Каждый понимает, что на первом курсе лучше не высовываться — отчислят, не задумываясь.

— Сегодня до ужина займемся подгонкой формы. Все что нужно для этого: ножницы, нитки, иголки выданы командирам отделений. Утюг включать только в бытовой комнате! Вольно! Разойтись!

На сегодня воспитатель формально утвердил свой авторитет, но получил постоянное презрительное прозвище «рыбий глаз».

Новая морская рабочая форма шьется из грубой ткани, наподобие джинсовой. На многих форма сидит мешковато, а другим попросту очень велика. Подгоняем форму, как умеем. Женя Клишев взобрался на стол, держит брюки на вытянутых руках и просит своего земляка Сашу Шмакова замерить зазор между штанинами и столом — ровно ли обрезаны и подрублены обе штанины.

— Мать честная! У тебя левая штанина на два сантиметра короче правой! Что делать-то будешь? — сочувствует Саша. Женя чешет затылок и вздыхает. Он и впрямь озадачен, и обескуражен: вроде, мерил несколько раз, а отрезал всего один… — Действительно, что делать-то, а?

— Расслабься, не бери в голову! Прихрамывай при ходьбе на левую ногу, никто и не заметит, что одна штанина короче другой! — подает совет белобрысый, курносый Витя Тестов.

— Мне что, теперь три года прихрамывать?! — простодушно возмущается таким советом Женя.

— Почему три? Через год новую форму дадут. Будь аккуратней и внимательней, чтобы в следующий год на правую не хромать!

С большим запозданием несостоявшийся портной понимает, что его разыгрывают и потому, краснея, сквозь зубы цедит:

— Ну ты и язва!

Рослым и мускулистым ребятам Житкову, Пылинскому, Романову форма как раз в пору: ничего укорачивать и убавлять не надо. Они шлифуют пряжки ремня пастой, суконкой. Ведь когда-нибудь закончится двухмесячный карантин, выдадут парадную

суконную форму, подрастут наголо отстриженные волосы, будут разрешены увольнения в город. Глядишь, и на танцы сбегать можно. Но это все пока только в мечтах и кажется очень-очень далеким, почти недосягаемым.

Тон среди старших и рослых курсантов задают вновь назначенный старшина группы Миша Пылинский и командир первого отделения Аркаша Хомченко. Хомченко когда-то с отличием окончил семилетку в Белорусской сельской школе Витебской области и без экзаменов поступил в Мурманское мореходное училище. После первого семестра учебы опоздал из отпуска на трое суток, за что и был отчислен. Пришлось поработать матросом на тральщике. Через год, как отличник, он без экзаменов поступил в нашу мореходку. К его рассказам, советам, рекомендациям внимательно прислушиваются все курсанты группы. Не новичок, не салага: кое-где побывал, кое-что повидал.

Мише Пылинскому всего шестнадцать лет, но он уже бреется каждый день, кроме того, он хорошо играет на гармони, на баяне и на аккордеоне. Может на слух подобрать мотив любой услышанной песни или мелодии. Не зря начальник мореходки назначил его старшиной группы.

Погожее «бабье лето» быстро заканчивается, наступают унылые, пасмурные и дождливые дни октября. Стремительно наступает темное время суток, а светлое время также быстро укорачивается. Едва брезжит рассвет, когда старшина Пылинский после утреннего туалета и физзарядки строит группу и ведет по бревенчатой дороге Юроса и дощатой мостовой в столовую. Солдатская неприхотливость и армейский порядок сказываются и здесь. У каждого отделения свой стол, у каждого курсанта свое постоянное место за столом. Завтрак бесхитростный, но аппетитный, вкусный и калорийный. Буханка хорошо пропеченного белого хлеба заранее разрезана на четверых, пятьдесят грамм натурального холмогорского сливочного масла, эмалированная кружка с сахарным песком и огромный медный чайник горячего, очень горячего заваренного чая. Мы все молоды, голодны и зубасты. Каждый желает заполучить хрустящую корочку горбушки. Но справедливость прежде всего: если сегодня тебе досталась горбушка, то завтра обязательно будет мякишевый ломоть. Нахрапистость, наглость или превосходство в физической силе изначально пресекается с всеобщим негодованием. После завтрака короткий переход в учебный корпус. Курсанты заметно повеселели и приободрились. И, кажется, что дождь с небес не такой противный и грязь под ногами не хлюпает и не чавкает. К тому же совсем рассвело.

* * *

Сегодня после отбоя я заступаю дневальным по казарме. Надо выглядеть согласно Устава. Через четыре часа бодрствования меня сменит другой курсант. Глажу морской воротничок, чищу пуговицы и ботинки. По кубрикам бродит сын нашей истопницы-уборщицы и сторожа. Это десятилетний паренек, которому скучно сидеть в тесной комнатушке и очень одиноко. Он вместе с матерью живет в дальнем конце длинного коридора с отдельным выходом на улицу и отдельной маленькой уборной.

Паренек всячески старается привлечь к себе внимание курсантов, поет песенку:

— На Фактории, близ Архангельска,
В семье боцмана я родился,
И мальчишкою, лет семнадцати,
На большой пароход нанялся!

Ему кажется, что это самая «модная» песня, но каждый занят своим делом, и никто не обращает внимания на пятидесятилетней давности шлягер. В одежде паренька мелькнуло что-то мне очень знакомое. Если я не ошибся, это та самая одежда, которую я оставил в бане, когда получал казенное обмундирование! А еще говорили, что всю гражданскую одежду сожгли! Захотелось подойти к пареньку и спросить: «Где взял одежду? Она же тебе велика!» Передумал: зачем смущать мальчика и его мать? Видно не сладко им живется, если подбирают одежду деревенского парня.

Прозвучала команда «Отбой!» и все улеглись по своим койкам. Дневальные выставляются только на время от отбоя до подъема. Днем кубрики, казарма совершенно пусты — все курсанты в учебном корпусе и придут сюда только за полчаса до отбоя.

Я стою около тумбочки с телефоном, как раз посреди всей длины коридора. После отбоя можно сесть на табуретку посидеть, подумать. С непривычки после полуночи неудержимо тянет на сон. Голова все ниже и ниже склоняется к тумбочке, так хочется улечься щекой на согнутую руку и уснуть. Спать нельзя — уже двух первокурсников отчислили за такую провинность! А если пожар?! А если другое происшествие?! Только бодрствующий дневальный может поднять всех по тревоге. Но глаза непроизвольно смыкаются, голова опускается на тумбочку, и я засыпаю. Мне снится скошенное поле, стог, в котором когда-то

ночевал, и визгливый голос коменданта:

— В мою скирду забрался, нашел постель!

Просыпаюсь от настойчивого бормотанья:

— Парне-ек! Просыпайся! Просыпайся же! Воспитатель или командир придут — худо будет! — наша уборщица настойчиво трясет меня за плечо и старается разбудить, привести меня в чувство в тот самый момент, когда комендант тащил меня за ногу из стога сена. Слава богу — это сон, а не явь!

Смотрю на часы: минут через пятнадцать пора будить сменщика из группы судоводителей. Кажется, все обошлось! Спасибо тетеньке — вовремя разбудила! Невольно улыбаюсь своим мыслям: может, это расплата за одежду, которую она подобрала в бане. Но она же не знала, чья это одежда! Просто совпадение, простое совпадение!

Наряд наряду рознь. В наряд идут по очереди, по списку. А если «наряд вне очереди» — это уже наказание и обязательно самая грязная работа: чистка туалетов, умывальников и другое. Дневальный по учебному корпусу, по общежитию тоже не особо легкое занятие: стоять как столб, шаг влево, шаг вправо — нарушение Устава.

Работа у коменданта учебного корпуса — разнообразие и время катится, как колобок по тропинке.

Мы вместе с Юрой Теплухиным работаем у коменданта. Натаскали по охапке дров к каждой печке на первый и второй этаж. Немного проголодались. Еще не привыкли к распорядку дня, строгому режиму. Пошли в общественную столовую, насобирали немного мелочи по карманам, купили два стакана чая с сахаром и пару ломтиков белого хлеба. Буфетчица, дама в годах, принесла на тарелке два коржика, засохших и твердых, как камень. Размочили в кипятке и тоже «умяли» — вкусно! И бесплатно!

Было уже темно, напротив детского садика какой-то пьяный мужичок, наверняка тралфлотовец, пристал к нам, хотел снять с меня фуражку, уцепился и чуть не оборвал пуговицу с бушлата. Скорее от страха, чем от агрессии, я толкнул его, и он полетел в канаву вверх тормашками.

— Бежим скорее, пока не встал! Опять драться полезет! — шепчет Теплухин.

Но убегать не пришлось: мужичок столько принял в тот вечер, что не мог встать даже на четвереньки.

Утром мы уже на грузовике отвозили грязное белье в прачечную и грузили кипы и тюки шинелей и зимних шапок с городского склада на наш склад. Стоя в кузове машины, хлопали по кабине в такт песни и весело распевали:

— Летит авто привычно, по улицам столичным,
От фар лучи расходятся дорожкой световой,
И ездить мне приятно, по улицам опрятным,
Любуясь вечно юной, веселою Москвой!

Дядя Ваня остановил машину и, выглянув из кабины, тревожно спросил:

— Чего стучите?! Случилось чего?!

Услышав ответ, спокойно и равнодушно отчитал нас:

— Стоять в кузове запрещено! Инспектор, если заметит, меня накажет, а не вас!

Мы притихли и сели на скамью. Шофер дядя Ваня всегда такой невозмутимый, немногословный. Но если что скажет — все стараются выполнять его указания. Поговаривали, что у него много военных наград, даже ордена «Красной Звезды», орден Славы 3-ей степени, а медалей — не счесть!

Мы с Теплухиным таскали тюки с шинелями, шапками, другим обмундированием по лестнице в свой склад. Скоро будем переходить на зимнюю форму одежды и какие-то из этих шинелей и шапок достанутся нам.

Перед отбоем старшина Миша Пылинский подходит ко мне:

— Ты уж извини меня, я два дня подряд поставил тебя в наряд: сначала дневальным, а потом на работу к коменданту. В свой «поминальник» не посмотрел. В следующий раз твою очередь пропущу.

— Не пропускай, ставь как будто ничего не случилось! В наряде даже интересней, чем в классе сидеть. Правда, дневальным заснул на тумбочке, не выдержал!

— Правда?! — засмеялся Пылинский, — Спасибо за откровенность, дневальным по общежитию больше ставить не буду!

* * *

— В нашу группу новенького зачислили: демобилизованный моряк, старшина второй статьи! — сообщил новость Юра Горох, только что вернувшийся из канцелярии мореходки.

— Откуда новость такая?!

— Кто тебе сказал такие подробности?

— Я в канцелярии был, относил билеты секретарше. А там как раз этот новенький, в морской форме, с завучем разговаривал. Он уже старенький: лет двадцать пять, а то и больше! Завтра на

занятия придет.

Пятнадцатилетним пацанам все люди, которым больше двадцати пяти лет, кажутся старенькими.

Утром, на первом же уроке появился новенький курсант, уверенно, по-хозяйски сел на заднюю парту.

— Ты сел на мое место: тут мои учебники и конспекты! — пытался воспротивиться такому бесцеремонному поведению новичка Гена Сивков.

Новенький не ответил, выгреб из стола учебники и конспекты Сивкова, сунул ему в руки:

— Твое место на первой парте! Ты еще малыш и тебе плохо видно из-за спин и голов передних!

Гене ничего не оставалось, как взять свои учебники, тетради и перебраться на свободное место.

— Дядя, ты что к нам со своим Уставом пришел?! — иронично спросил Миша Пылинский, который, несмотря на свою молодость, был массивнее и крепче наглого новичка.

Начался урок, инцидент временно забылся, но было ясно, что он продолжится после уроков. Все, украдкой оглядываясь на заднюю парту, рассматривали забияку. Ничего особенного: худой как велосипед, шелушащаяся красноватая кожа лица, худые, узловатые пальцы рук. Одет в парадную морскую форму, на погончиках виднелись две лычки, а на рукаве эмблема корабельного артиллериста — скрещенные стволы орудий. Регалии не произвели должного впечатления на ребят: все давно знали, что на берегу ошивается «морячков» куда больше, чем в плавсоставе.

— У нас не принято занимать без спроса чужие места: ни в классе, ни в столовой, ни в спальне! Ты, «дядя», нарушаешь общепринятые правила и порядки! — Миша Пылинский пытался мирно решить инцидент.

— Это мы еще посмотрим! — сухие узловатые пальцы новичка нервно забегали по парте, — Я буду старшиной всего первого курса: и механиков, и штурманов! Готовится приказ о назначении!

Вечером огласили приказ, где курсант Ильин назначался старшиной роты первокурсников. Прозвище «Дядя» закрепилось за ним, а глухая вражда между группой судомехаников и новеньким не затухала ни на секунду.

Преподаватели старались не вызывать Ильина к доске, потому что он говорил совсем не то, о чем его спрашивали. Разница в знаниях со вчерашними школьниками была просто огромной. Усвоить новый материал он не успевал, а обратиться к соседям за помощью мешала гордыня.

— У нас в поселке были только младшие классы, а все другие, начиная с пятого класса, учились в городе за восемь километров от поселка. Каждый день такое расстояние преодолевать невозможно! — делился Юра Горох, — И нас поселили в интернат в двухэтажное здание у школы. Девочки на первом этаже, ребята — на втором. Воспитательница — вроде нашего «дяди» — бестолковая, неорганизованная и ябеда. Только и умела жаловаться директору. Мы ее «Хиврей» величали!

— Предлагаешь сделать из «дяди» «Хиврю»?

— Он еще пока не знает, что его «дядей» называем!

— Как не знает?! Знает!

Мстительные мальчишки пакостили «дяде», как умели: наливали воду в ботинки, завязывали морским узлом штанины брюк. Ильин ругался, обещал разыскать «поганых уродов» и отчислить из мореходки. Жаловался командиру, воспитателям и замполиту. Те, как обычно, разводили руками: наводите мосты с ребятами — административными методами вражду не погасить! Прежняя самоуверенность у старшины исчезла, он как-то сник, потускнел, но «стучать» начальству на предполагаемых «заводил» не перестал.

Осмелел Сивков, выселенный когда-то Ильиным с последней парты на первую. Собственноручно перенес книги и конспекты на свое «законное» место, соответственно «имущество» Ильина положил в проходе на пол. Старшина испугался открытого столкновения и молча переселился на первую парту под смешки и хихиканье присутствующих. Это переполнило чашу терпения еще недавно уважаемого старшины второй статьи — он подал рапорт о добровольном уходе.

Аудитория или классная комната судомехаников первого курса расположена на первом этаже северной стороны здания. Солнце не заглядывает сюда даже летом. Из окон виден лишь небольшой двор с хозяйственными пристройками и сараями да высокий забор, отгораживающий нас от внешнего мира. В классной комнате два ряда четырехместных столов для курсантов, стол и стул для преподавателя, классная доска на стене. Электрическая лампочка без плафона свешивается с потолка и горит постоянно, иначе невозможно писать конспект или читать учебник.

Сегодня, согласно расписания, два первых урока: черчение и технология металлов ведет преподаватель Рудольф Леонидович Егоров. После звонка невысокий черноволосый энергичный мужчина лет тридцати пяти с журналом подмышкой стремительно влетает в класс.

— Встать! Смирно! Товарищ преподаватель, на вашем уроке

присутствует 511 группа в количестве 28 человек! Двое в наряде! Дежурный по группе курсант Березин! — Толя Березин, высокий, курносый и веснушчатый парень, отдает рапорт тонким, писклявым, скорее девичьим, чем мальчишечьим голосом.

— Вольно! Садитесь! — команда преподавателя звучит снисходительно, даже милостиво.

— Вольно! Садитесь! — пискляво дублирует команду Березин.

Рудольф Леонидович всегда для разминки начинает урок с экскурса, какой-нибудь истории, а то и анекдота. Для разминки.

— А вы знаете, что означает число вашей группы — 511? — у преподавателя громкий, можно сказать, зычный голос, не соответствующий внешнему виду. Все озадаченно молчат. Это любимый конек Егорова. И свои разъяснения он начинает громким, оглушительно громким голосом:

— 511-я группа это ни какой-нибудь порядковый номер! Первая цифра «пять» означает по классификации ВМФ электромеханическую боевую часть корабля, вы относитесь как раз к этой боевой части. Вторая цифра «один» означает, что вы учитесь на первом курсе, третья цифра «один» означает, что вы — единственная группа в этом наборе года. Поняли?

— Так точно! — радостно отзывается три десятка голосов. Все довольны этим экспромтным экскурсом преподавателя. А чего беспокоиться? Время урока идет, к доске никого не вызывают. Хорошо сидим!

Но урок все же начинается. Голос преподавателя действительно зычный, а на раскатистых согласных — громыхающий:

— Фрррронтальная плоскость! Центр-р-ральная проекция! Ор-р-ртогональная проекция!

Юре Теплухину быстро надоели рычащие высказывания преподавателя. К тому же жгла обида за полученный «неуд» по технологии металлов. Он, как ему казалось, незаметно подложил канцелярскую кнопку на стул преподавателю. Детский прием вчерашнего школьника. Этим он наказал самого себя. В стеклянных дверцах книжного шкафа как в зеркале отражалось все, что происходило за спиной преподавателя и этим нехитрым приемом он беззастенчиво пользовался: перехватывал шпаргалки, выуживал учебники, которыми пользовались ребята при ответах. Он обладал цепкой памятью и с первых дней учебы знал всех в лицо, но обязательно делал перекличку по списку в журнале. Как потом выяснилось, во время переклички он получал ценную информацию о каждом. У мальчишек всегда есть тяга к зубоскальству, шуткам, подначкам, дразнилкам и розыгрышам.

Во время переклички из разных мест аудитории раздавался громкий шепот, характеризующий статус названного: «Сын колхозника! Сын лесоруба, сын майора-пенсионера, сын учителя» и т. д. Преподаватель не только не пресекал громкий шепот, но, даже казалось, поощрял своим молчанием и кажущимся безразличием. Он впитывал и запоминал дополнительные данные об учениках, а иногда использовал в едких выпадах против недисциплинированных и ленивых.

Была у него и другая страсть: обнаружив неточность или ошибку в чертеже, он начинал подчеркивать ее острым красным карандашом, да так рьяно, что рвался ватман.

— Рудольф Леонидович, я исправлю! Сотру резинкой и исправлю! — чуть не плача просил в этих случаях курсант. Но было уже поздно: острый красный карандаш оставлял за собой глубокие царапины, рвал бумагу. Сложный чертеж из-за нескольких неточностей был безнадежно испорчен. Приходилось все переделывать заново.

Ревниво относился он и к эстетическому виду чертежа. Захватанный заляпанный лист ватмана возвращал владельцу с саркастическими замечаниями:

— Ты что, пироги на ватмане пек? Или селедку разделывал?

Старшекурсники рекомендовали простой и эффективный способ чистки готового чертежа. Утром, во время завтрака из буханки белого хлеба брали кусок теплого мякиша и, потом, раскрошив его на чертеже, ладонями рук раскатывали до сухих крошек. Чертеж становился девственно чистым, линии проступали ярче и четче.

Рудольф Леонидович блеснул коронками золотых зубов:

— Сами догадались или кто надоумил? — Конечно он знал про этот старинный способ, но не хотел нам его открывать, ждал, когда сами найдем этот способ.

Много лет спустя, когда бывшие курсанты мореходной школы стали взрослыми и получили высшее образование, при встречах признавались друг другу, что знаниями по технологии металлов и черчению они обязаны Рудольфу Леонидовичу Егорову, который во время своей преподавательской деятельности не имел даже среднего образования.

Прозвенел звонок, верхний и нижний коридоры наполнились шумом, топотом множества ног. За десять минут перемены надо успеть посетить туалет, а для курящих — сделать несколько быстрых затяжек папиросой или сигаретой, передавая «бычок» друг другу. Никому и в голову не приходило брезговать обмусоленным «бычком» дымящейся папиросы. Несколько быстрых коротких затяжек и курево уходило к другому,

нетерпеливо жаждущему своей очереди.

Но перемена быстро заканчивается и звонок извещает о начале нового урока. Английский язык считался одним из основных предметов. А для более быстрого усвоения группу разделили на две части по алфавиту. Первые по списку попали к миловидной молодой женщине с толстой рыжей косой.

— Меня зовут Вера Васильевна! — представилась она — Познакомимся с вами поименно. Каждый названый по списку поднимался со своего места и, после короткой паузы визуального знакомства, повинуясь жесту садился на место. Ребята сразу почувствовали симпатию к молоденькой учительнице, ее ровному характеру, умению держать дисциплину без криков и наказаний. Вера Васильевна не наказывала за шалости: что поделаешь, совсем еще мальчики — любят дразниться, озорничать, проказить. Короткий хлопок в ладони — значит учительница требует внимания и тишины:

— Сегодня новая тема: разговор на английском с представителями портовых властей: лоцманом, стивидором, шипшандлером!

— А лоцман нам зачем? — заныл с места Иньков, — Ведь мы — механики и на мостике почти не бываем!

— Любой диалог, любое запомнившееся слово, когда-нибудь пригодится! Уж поверьте мне! — назидательно успокоила учительница недовольного.

На вечерах отдыха курсанты постарше и посмелее часто приглашали свою молодую учительницу на танец. Она увлеченно вальсировала — толстая рыжая коса мелькала в толчее танцующих пар то здесь, то там.

Последнее время мы стали замечать, что наша учительница как будто еще больше похорошела, просветлела. Все чаще на ее губах появлялась, непонятная нам, счастливая улыбка.

— Никак влюбилась! — разгадал загадку этих перемен Коля Баранов — Ходят слухи, что объект ее любви — наш преподаватель электрооборудования судов!

Влюбленную учительницу понимали и мы. Ее избранник — высокий белокурый парень, недавно закончивший Высшее мореходное училище имени С.О. Макарова в Ленинграде. Он преподавал нам два предмета: «Электротехника» и «Электрооборудование судов».

— Главное, чтобы любовь была взаимной! — дал свою оценку эксперт по делам сердечным Хомченко.

Действительно, вскоре в нашей мореходке появилась первая семейная пара преподавателей.

Звонок на урок разбудил Володю Туркова, прикорнувшего на

последней парте в подгруппе английского языка. Он бессмысленно пучит глаза и спрашивает соседа:

— А какой сейчас урок? Почему класс полупустой, где остальные?

— Ты что, с печки свалился? — ехидничает Тестов, — Английский сейчас, другая половина занимается этажом выше!

— Понял! Подумалось, что где-то заиграились ребята. Звонка не слышали!

Турков успокаивается если урок английского языка, ему беспокоится нечего: это единственный предмет, по которому он, даже не готовясь, отвечает на «отлично».

Учительница еще в коридоре, а мы уже ощущаем еле уловимый аромат французских духов. Румяный, как помидор. Гена Сивков дежурный и пытается рапортовать.

— Не нужен рапорт! Сама вижу сколько вас. Кто присутствует и отсутствует. Все равно опрошу всех! — Диана Герасимовна редко садится за преподавательский стол, но сейчас почему-то села.

— Итак, на прошлом занятии мы с вами изучали названия судовых механизмов и основных деталей на английском языке. Сейчас проверим, как вы все усвоили и запомнили! — она произносит знакомые слова на русском языке, а мы, поочередно, переводим их на английский.

— Уже третий раз по списку вызывает! — очень тихо ворчит на задней парте Теплухин — И не надоело ей?!

— Чем больше слов будете знать, тем быстрее освоите иностранный язык! — как будто услышав реплику Теплухина, предупреждает учительница.

На перемене Разулевич, знавший Диану Герасимовну еще по начальной школе, показывает большой палец:

— Во преподаватель! Хорошие знания вдалбливает и никогда не «стучит» начальству!

— Все это так! — соглашается Шамаев, — Но английский язык вряд ли нам пригодится в жизни: дальше Баренцева моря рыбаки не ходят!

— Еще как ходят! — Аркаша Хомченко как всегда самый осведомленный — Рыбацкие базы есть на Канарских островах, в Африке, а районы промысла — весь Мировой океан!

Спор заканчивает Разулевич:

— А вы знаете, что отец Дианы Герасимовны — известный моряк, потерпел крушение в Баренцевом море? Полтора десятка человек оказались вместе с ним в спасательной шлюпке во время шторма зимой да в лютый мороз! Несколько суток изнемогая, замерзая, моряки боролись за жизнь. Некоторые погибли от

переохлаждения. Один сошел с ума и бросился за борт. А ее отца и еще несколько моряков подобрало спасательное судно!

Рассказ Разулевича произвел большое сильное впечатление на слушателей. В море надо быть готовым ко всему.

Оба преподавателя английского встретились с неожиданными трудностями в самом начале занятий. Оказалось, что в прошлом, в начальных школах, все курсанты изучали разные языки: немецкий, французский, английский и даже испанский. А курсанты из сельской местности вообще не изучали никаких языков. Диана Герасимовна поставила три условия: первое — постараемся забыть все, чему нас учили в школах; второе — начинаем изучать английский с алфавита; третье — внимательно слушаем на уроках и повторяем задание на самостоятельной подготовке и пусть самые сильные помогают самым слабым, а не подсмеиваются над ними!

Надо сказать, что английский изучали старательно. Некоторые искренне верили, что настанут такие дни, когда они посетят дальние страны и морской язык им очень пригодится.

Дни учебы шли своим чередом. Пожалуй, труднее всего было учителю математики Михаилу Берману. Перед ним стояла трудновыполнимая задача: за один учебный год освоить с курсантами трехгодичную школьную программу 8-х, 9-х и 10-х классов.

— Это невозможно! Невозможно! — вскидывал пухлые кулачки Берман в кабинете завуча — Тогда надо количество часов математики увеличить вдвое!

— Возможно! Все возможно! — успокаивающе гудел басом завуч Юрий Лусь, в прошлом капитан дальнего плавания, — Группа у тебя самая сильная: двое отличников, с похвальными грамотами и без экзаменов приняты! Остальных принимали только с четверками и пятерками! Тех, кто получил хотя бы одну тройку на вступительных экзаменах мы уже отчисляли! Эта группа отличников и хорошистов, им все по силам!

Кумиром Бермана был чемпион мира по шахматам в те времена, Михаил Таль:

— Математика — это шахматы, а шахматы — это музыка математики! Всем, кто хотя бы немного понимает в математике, я в конце года поставлю «пятерки», а кто ничего не понимает — получит «тройки»! «Двойки» ставить нельзя — вы же на полном государственном обеспечении!

И, действительно, в конце года на экзаменах пятерки получили Саша Шмаков, Гена Сивков и Виктор Тестов.

— Я же говорил! — торжествовал Володя Разулевич, презрительно оттопырив нижнюю губу — сельские отличники —

это всего лишь городские троечники!

Аркаша Хомченко понял намек, взвился:

— Помолчи! А то получишь щелчок по своей колодке!

Начальник мореходки Александр Семенович Кущенко, плотный, начинающий лысеть мужчина, беседовал в своем кабинете с замполитом:

— Василий Максимович! У меня такая простая мысль: чем больше курсанты будут заняты делом, тем меньше времени у них останется для безделья! Тем меньше мы с вами будем иметь неприятностей с нарушениями и разборками там, наверху! — начальник многозначительно поднял рыжие, кустистые брови вверх, имея в виду райком и горком партии.

— Кто бы против, а я — «За» — пошутил замполит — Целиком и полностью разделяю ваше мнение! Учеба, занятия, художественная самодеятельность, спортивные кружки, вечера отдыха! Можно и киноустановку приобрести, в субботу и воскресенье фильмы организовать в спортзале! Не только курсанты, но и преподаватели с семьями будут приходить!

— А что? Идея хорошая! У меня в областном кинопрокате знакомый есть, бывший капитан дальнего плавания! Думаю, не откажет в содействии. Самые новые фильмы будем получать! Вот только бы пару киномехаников из числа курсантов этому обучить, на курсы киномехаников направить — чтобы киноустановку грамотно эксплуатировали одни и те же лица, не все кому придется!

— Это уже не так сложно! Главное — заинтересовать ребят, чтоб каждый день в своей жизни они приобретали что-то новое! — закончил разговор Александр Семенович.

По сложившейся многолетней традиции в мореходной школе всегда был замечательный хор, выступавший с концертами по домам культуры и клубам многочисленных лесозаводов города. Состав хора набирал сам начальник школы простым и бесхитростным способом: собирал две группы первокурсников, около 60 человек, и передавал в распоряжение хормейстера, художественного руководителя будущего хора. В ту пору художественным руководителем была недавняя выпускница музыкального училища, худенькая и молоденькая девушка. Сам же отправлялся по классам вылавливать «уклонистов» — тех, кто прячется и отлынивает от общественных нагрузок и поручений.

В классе механиков находит перепуганного, пытающегося спрятаться Бубновского.

— Товарищ курсант, вы почему не на репетиции хора?

— Таланта нет! Нету таланта! — бестолково оправдывался Бубновский. Голос у него действительно был не певчий, хриплый

и гнусавый.

— Ага! Быть на полном государственном обеспечении есть талант?! А как что-то сделать для общества — талант сразу пропадает?! — начальник выразительно хлопает связкой ключей, заправленных в кожаный чехол, по парте. Лицо его багровеет от негодования. Бородавки на лице проступают отчетливее, а брови становятся еще кустистее.

— Так я сейчас побегу! Помогу, чем могу! — лепечет последний «уклонист» и бегом бежит на репетицию. Работа по организации и созданию хора в полном разгаре. Девушка внимательно прослушала вокальные данные каждого хориста и распределила соответственно: басы, баритоны, тенора. Слушая Володю Бубновского морщилась, но все-таки поставила в последний ряд поближе к басам, усмехнувшись, прошептала про себя:

— Сойдет для численности!

Каждая репетиция начинается с короткой разминки:

— Поем мы гаммы хорошо и это даже нам легко!

Девушка порхала вдоль шеренги хористов, старательно дирижировала палочкой, подпевала сама тоненьким нежным голоском. Ее бирюзовое праздничное платьице мелькало там и сям, не останавливаясь ни на минуту. Разучивали модные в те времена песни «Едут новоселы по земле целинной», «Прощайте скалистые горы», Матросскую польку и многие другие. Солдатских песен не любили, воспринимались неохотно, без энтузиазма: «Мы же все-таки моряки, а не пехота!»

Иногда, в коротких перекурах обсуждали внешние достоинства нашей руководительницы хора:

— Не привлекательная! Ручки-ножки по соломинке! И личиком, и фигурой не вышла!

— И губы мягкие. Словно тряпочки! — брякнул аккордеонист и баянист Миша Пылинский.

— Ага, попался! — наперебой заговорили присутствующие, — про ручки-ножки и про личико — это мы все видели! А вот про губы — это ты один! Что бы это значило, а?

Миша сплюнул, с сожалением бросил недокуренную сигарету и отошел в сторону, чтоб не втягиваться в ненужный разговор. Мы все знали давно, что наша руководительница хора безответно влюблена в симпатичного, молодцеватого баяниста. Он всегда провожал девушку до остановки трамвая. Потом она садилась и долго смотрела на темную фигуру курсанта, пока трамвай не исчезал из виду. Пылинский так и не ответил девушке взаимностью по какой-то ему одному известной причине.

Наконец-то выдали «парадную» форму: суконные брюки,

суконную матроску, хромовые ботинки. В умывальнике шум, гам и суета. Ребята подгоняют форму под «бывалого моряка». Слов нет, руководит этим ответственным делом, бывший курсант Мурманской мореходки Аркаша Хомченко:

— Посмотрите на ваши воротнички! От их линючей краски шеи и затылки становятся синими! За километр видно, что идет не моряк, а салага-первогодок! А всего-то надо окунуть гюйс (матросский воротник) в слабый раствор хлорки, а потом прополоскать в холодной воде! Выжимать нельзя ни в коем случае, а повесить сохнуть влажным!

Все слушают «бывалого» с открытыми ртами. Действительно, хотя Аркаша не красавец, но форма на нем сидит как влитая, а матросский воротник (гюйс) небесной голубизны.

— Нам бы так! — завидуют самые маленькие — А то приходится всю форменную одежду ушивать, убавлять, укорачивать!

Все вокруг сочувственно посмеиваются:

— Растите быстрее и все ваши проблемы исчезнут!

В спальне, когда все готовятся ко сну, Аркаша выдает еще один секрет:

— Посмотрите на Земцовского — у него тельняшка до пят, как ночная рубашка, полдня стирать надо! В прачечную сдавать — получишь чью-нибудь чужую: рваную, дырявую, застиранную. Было у вас такое?

— А что делать? — накуксился Юра Горох, — У всех такие проблемы!

— Выход простой! — поучает Аркаша, — К лямкам майки спереди пришивается лоскуток тельняшки, величиной с носовой платок: всем будет казаться, что у тебя под матроской тельняшка, а на самом деле лоскуток! И стирать легко, и менять не трудно!

Предложение вскоре оценили все.

Со временем менялась мода. Но оставались поклонники старой, уходящей в прошлое моды, а молодое поколение приветствовало и поклонялось новой моде. Леня Мошков, приверженец старой моды, продолжал носить брюки-клеш, которые при ходьбе хлестали по щиколоткам как флаги на ветру. А Володя Турков заузил брюки до такой степени, что надевал их лежа на спине и ногами вверх. Володя Турков рос без родителей, под опекой тети, которая настолько привыкла ухаживать за ним, настолько любила, что вытирала после еды губы салфеткой, хотя он был уже вполне взрослым. От чрезмерной любви и опеки родной тети Володя вырос инфантильным, женственным, не приспособленным к профессии рыбака.

— Ни туды, ни в Красную Армию! — остроумно высказался

Виктор Семенов, смягчив первую неприличную часть народной поговорки.

Мы все с нетерпением ждали этого дня — первого увольнения в город. А как же! После двухмесячного карантина прогуляться по городу в морской форме, сфотографироваться, послать фотографию родным и знакомым. Ведь тебя с восхищением будут рассматривать десятки людей, а, может, и девушка о которой мечтаешь!

Юра Теплухин позаимствовал где-то бескозырку с ленточкой «Северный флот». Выданные фуражки никому не нравились. То ли дело бескозырка с ленточкой, тисненной золотыми буквами надписью и якорьками на кончиках ленты сразу видно: бывалый моряк идет! А фуражки пусть носят сверхсрочники, фзушники и другие сухопутные. Или, как их презрительно называют моряки, — «сапоги».

На перекрестке улицы Северодвинской и Петроградского проспекта стоял маленький деревянный домик с фотоателье. Единственный в городе частник-фотограф Борисов был его хозяином. Группа с дюжину курсантов устремилась к домику. Хозяин неторопливо и, как нам показалось, очень долго подбирал нужное освещение ярких ламп, выбирал для очередного клиента подходящий ракурс. Для верности делал несколько снимков.

— У вас, молодые люди, какая-то безразмерная бескозырка! — хохотнул фотограф, — На все головы подходит!

Действительно, бескозырка подошла всем, хотя Витя Семков носил 54-й размер, а мне подходил лишь 59-й размер и более.

— Ленточки надо на плечо положить, да так, чтобы якоря были видны! — спохватился Юра Романов, вспомнив семейное фото, где его братья, курсанты ЛВИМУ имени адм. Макарова, красовались при всех регалиях.

— А я это дело учел, молодой человек! — мягко подтвердил фотограф — Не первый раз первокурсников фотографирую! А за готовыми фотографиями приходите через пару дней!

— Мы не можем на неделе прийти! У нас увольнения только в субботу или в воскресенье!

— Значит в субботу и приходите! — фотограф выключил освещение, — Гарантирую, что будете довольны снимками!

Мы вышли на улицу. Небо сияло голубизной, а настроение почти праздничное. До конца увольнения было еще долго, а свобода пьянила и окрыляла всех.

Пролетели, промелькнули первые два месяца казарменных строгостей. У первокурсников появилась уверенность, мешковато сидевшую форму подогнали по своим фигурам. На головах выросли ежиком волосы. Тех, кто заслужил, по субботам

отпускали в увольнения, а городских курсантов — в «сквозные» увольнения, то есть с ночевкой дома.

В начале декабря погода смягчилась, подул южный ветер, небо потемнело, пошел крупный пушистый снег. Все курсанты уже знали, что через каждые десять суток — обязательно смена белья и баня.

По коридору казармы идет знаменитый комендант «общаги» и визгливым голосом выкрикивает давно знакомое:

— Сегодня объявляется банный день! Провести в кубриках генеральную уборку! Выхлопать постельные принадлежности и сменить белье!

Никто не знал, как зовут коменданта, как его имя, отчество и фамилия. За глаза за чрезмерную скупость и прижимистость, а, может, даже за внешнее сходство, называли Плюшкиным, как известного гоголевского персонажа. А при официальном обращении — товарищ комендант. Рассказывали, что когда он пришел устраиваться на работу к начальнику мореходки, то Александр Семенович, прочитав коряво написанное заявление, спросил коротко:

— Ваше последнее место работы?

Повертев в руках потертую кожаную фуражку времен гражданской войны, заявитель без тени смущения ответил скрипучим, визгливым голосом:

— В колонии надзирателем! Да еще выводным был в городской тюрьме!

— Это что за должность — «выводной»? — с недоверием встрепенулся сидевший рядом с начальником мореходки замполит Василий Максимович Пивень.

— Тот, который выводит заключенных и арестованных на работы или по нужде! — бесстрастно задребезжал будущий комендант.

— Нет, нет! Не надо нам такого коменданта! — за возмущался замполит — У нас все-таки не тюрьма, не колония, а учебное заведение!

— А я думаю, для нас как раз то, что нужно! Нашим сорванцам именно такой комендант-надзиратель и нужен! И дисциплину, и порядок, и догляд обеспечит! Вот увидишь!

Начальник, как всегда, оказался прав: при новом коменданте хозяйственная жизнь в общежитии наладилась. Перестали дымить печки, в кубриках стало тепло и уютно, вовремя ремонтировались обувь и одежда. Постельное белье менялось регулярно. Банные дни проводились вовремя.

Курсанты рады банному дню. Вместо унылой и нудной физзарядки вытаскивают матрасы, подушки бросают на

свежевыпавший снег. Бьют по ним кольями, палками, лопатами — чем попало. Распределившись парами, выхлопывают одеяла. Хлопки гулко разносятся среди маленьких частных домиков поселка Юрос, пугая стаи ворон. Старшина группы Миша Пылинский режет куски хозяйственного мыла на четыре части. Кусок земляничного туалетного мыла выдается каждому курсанту только раз в месяц и использовать в бане непрактично.

— Э-эх! — мечтательно вздыхает Теплухин, — Еще неделя и Новый год! А потом сессия и каникулы! Поеду к отцу в Дятьково!

— Надо еще все зачеты и экзамены сдать! Не сдашь — будешь вместо отпуска у коменданта ишачить! — ехидно замечает Виктор Тестов. У всех на душе и радостно и тревожно. Приехать домой в морской форме! Но впереди — зачеты, экзамены. Как все еще сложится неизвестно.

После чистки постельных принадлежностей на белом снегу остались темные пятна выбитой пыли.

В бане хохот, веселье, бесконечные озорные проделки. Юра Горох, самый маленький из курсантов, рассказывает, как он ходил в баню у себя дома.

— У нас баня одна на весь поселок! — блестя недавно поставленной золотой коронкой повествует Горох, — Потому чередуются: один день — мужская баня, другой день — женская. Я с мамой до шестого класса в женскую баню ходил! А куда денешься?!

— Да тебя и сейчас можно в женскую баню пускать! — съязвил Володя Разулевич, — Твой воробушек еще не оперился!

Услышав про женскую баню многие вокруг подвинулись ближе, плотнее: может, что-нибудь интересное будет?

— Ну, рассказывай, рассказывай, как там?

— Да ничего интересного! Подошел я к крану горячей воды в тазик набрать, а впереди какая-то баба толстая и тоже с тазиком, спина вся в мыльной пене. Набрала она горячей воды и повернулась. Смотрю, а это наша учителка Мария Ивановна! Я поздоровался: «Здравствуйте, Мария Ивановна! С легким паром!» А она выронила тазик и побежала одеваться, даже мыльную пену не смыла со спины!

— Чем это ты ее напугал?! Вроде и пугать-то еще не чем! — хихикнул такой же малыш — Поликарп Земцовский под общий хохот собравшихся.

В холодном предбаннике кастелянша, пятидесятилетняя женщина, меняла нательное белье. На столе лежали две стопки. Правила обмена нательного белья она установила раз и навсегда: очередной курсант совершенно голый подходил к ее столу, протягивал грязное белье и бросал в общую кучу. Кастелянша,

явно истосковавшаяся по мужскому вниманию, цепким оценивающим взглядом рассматривала парня и подавала чистое белье. Все давно заметили, что возмужавшие ребята получали новые трусы, даже с карманчиком сзади. Неоперившимся малышам доставались старые, застиранные, порой заштопанные трусы больших размеров.

— Ну сколько можно?! — возмущались «воробушки» Горох и Земцовский — Опять эта бабка нам рвань подсунула!

— Подрастайте быстрее и будете получать хорошее белье! Бабка любит все большое! — потешались рослые парни.

Наверное, так бы и закончился очередной банный день хихиканьем и подшучиванием над сексуальными странностями кастеляншки. Но Шамаева потянуло на воспоминания детства:

— Бывало, после каждой помывки очередной смены шахтеров, отец заставлял меня заниматься уборкой. Грязищи после них!

— А зачем убирать за ними? Пусть сами и убирают! — резонно заметил Иньков.

— Отец банщиком на шахте работал! Хочешь — не хочешь, а убирать за ними приходилось!

Слушавший в пол-уха эту болтовню Володя Разулевич вдруг взвился:

— А-а… Так ты банщиком работал?! А мы-то почтительно называем его «Шахтер»! «Уралец»! А он — «Банщик»!

Все вокруг весело заржали, услышав это необычное и забавное прозвище. Начали повторять на все лады: Банщик! Банщик! Банщик! Вот уж по истине: Язык мой — враг мой!

Володя растерянно улыбался, не подозревая, что это прозвище прилипнет к нему навсегда, как банный лист к известному месту. Впрочем, огорчаться он не умел и вскоре на прозвище охотно откликался.

После бани на чистом белье ребятам снятся сладкие сны о скором отпуске, о поездке на Родину, к родителям: Баранов в Казахстан, Хомченко — в Белоруссию, Шамаев — на Урал. Десять курсантов из состава группы разъедутся по районам Архангельской области, еще столько же останутся в городе: они местные, городские и ехать им некуда.

Прикинув свои возможности и финансы, отказался ехать на Урал Володя Шамаев: билет очень дорогой, отец — инвалид, помочь не может. И потом до дому три пересадки на разные поезда — весь отпуск на дороги уйдет! Подожду до лета, может, денег накоплю!

— А как накопишь, если их нет?

— Подсобным рабочим наймусь.

— Да кто тебя отпустит?! Распорядок дня для всех одинаков!

— Буду в субботу и воскресенье работать.

Оказывается, Шамаев все продумал и взвесил. Голь на выдумки хитра!

* * *

— Сегодня, после занятий, идем на склад, получать зимнее обмундирование! Занятия в кружках отменяются! После звонка все строем идем на склад! Кладовщик работает с нами только сегодня! Кто не успеет получить будет ходить всю зиму в бескозырке и бушлате!

Конечно, последнюю угрозу старшина группы сказал от себя, для острастки, и без того бы все собрались. Всем интересно, какие будут шинели, шапки-ушанки, зимняя обувь.

— Далеко топать до склада?

— Говорят шинели в этом году выдадут офицерские, двубортные!

— Офицерские без ремня носятся!

— Если размер не подходит, кладовщик обменяет?

На этот галдеж Пылинский не отвечает, так как подробностей не знает сам. После занятий строимся и идем по направлению к рыбокомбинату. Перед проходной длинный деревянный склад, на втором этаже одна из дверей открыта настежь. Значит нам туда! Кладовщица предупреждает сразу:

— Мальчики! Я у вас работаю только один день! Постарайтесь получить положенное вам зимнее обмундирование сейчас! Обменять что-либо, если не подойдет по размеру, я уже не смогу! Завтра у меня другая работа!

Почему нас все женщины называют «мальчиками», «сынками» и другими не лестными для мужчин словами? Мы уже вполне самостоятельные парни! Примерка идет быстро, без задержек. У кладовщицы не только большой выбор, но и большой опыт. Коля Баранов, облачившись в новую шинель, говорит:

— У вас глаз, как ватерпас! Все подошло, все тютелька в тютельку!

— Так я в магазине одежды продавцом десять лет отработала! — улыбается кладовщица, довольная комплиментом.

Пока все идет хорошо и гладко. Посмотрим, как пойдут дела, когда будет одеваться «мелкота»: Горох, Земцовский, Шмаков. Шинель — это не матроска и не брюки, рукава и штанины не засучишь! Маленькие размеры шинели тоже нашлись, причем из хорошего, офицерского сукна. Юра Горох блестит своей золотой

коронкой:

— Первый раз форма в пору оказалась! Ничего убавлять не надо!

— Погоди радоваться! Через год-другой шинель будет мала и узка! Ты же растешь! — пытался погасить радость малыша Володя Разулевич.

— Ничего! Главное сейчас в пору! Да и запас небольшой есть! — Юра Горох, всегда готовый пустить слезу, на этот раз сияет как медный пятак, радостен, улыбчив и покладист.

— Подходите те, кто поменьше ростом! — зовет кладовщица, — как раз идет партия маленьких размеров, только что тюк распечатала!

Тут уже не до очереди и не до списка! Вперед ринулись «цыпленыши и воробышки», как мы их иногда называем. Одели самых маленьких почти без примерки, шинели сидят на них ладно и даже картинно, совсем как на плакатах. Хомченко, Шамаев, Баранов и другие рослые ребята ворчат недовольно:

— Сукно на наших шинелях хуже, чем у мелкоты!

— Не все коту масленица! — хихикнул Горох и тут же замолчал. Большие парни могут всерьез обидеться и стукнуть по затылку! Кто их знает, пока еще все плохо знают друг друга по-настоящему. Всего три месяца прошло!

— Шапки! Шапки мальчики получайте! Когда подойдете ко мне, называйте свой размер головного убора, чтоб с примеркой не путаться! У меня все шапки по полочкам разложены!

Очередь по списку давно перепутана и первым подходит Виктор Семков:

— У меня пятьдесят четвертый размер!

— Птичья головка! — негромко хихикает кто-то за спиной. Но в толпе вряд ли найдешь остряка. Семков сердито зыркает по сторонам раскосыми глазами и примеряет ушанку. Все в норму, все совпадает!

— Пятьдесят девятый! — негромко говорю я кладовщице, но товарищи все равно услыхали, дразнят и шутят по поводу такого большого размера:

— Не голова, а Дом Советов!

— Настоящий котел, а не голова!

— Шапка Мономаха ему подойдет! Есть такая на складе?

Фуражки и бушлаты вечером сдадим коменданту в каптерку на хранение до весны, а пока, путаясь в полах шинелей, спускаемся по крутой лестнице и идем в учебный корпус продолжать учебу по расписанию.

* * *

Первое выступление курсантского хора с концертом — это вам не репетиция. Все хористы немного волнуются и, разумеется, прихорашиваются. Стирают, сушат, гладят синие с тремя полосками матросские воротнички, гладят брюки, чистят ботинки, пряжки на ремнях, пуговицы на шинелях. Как будто к строевому смотру или параду готовятся.

— Говорят, там девушек много, полный поселок одних девчат!

— Вот подфартило!

— Ни одного гражданского парня не пустим!

— Да они сами не придут! Дураки что ли? К курсантам на вечер лезть!

За приготовлениями и разговорами время летит быстро. Едва успели одеться, как подъехали два крытых грузовика со скамьями в кузове.

— По тридцать человек в каждую машину! — кричит распорядитель, но его никто не слышит: шум мотора, разговоры в кузове заглушают все звуки.

— А куда едем? — все спрашивают старшину группы Мишу Пылинского.

— Говорят, на какой-то лесозавод, вверх по Двине — ответ звучит неуверенно. Наверно, он сам не знает точно, куда нас повезут. Этих лесозаводов вокруг города столько, что всех не упомнишь!

— А клуб там большой? А танцы после нашего выступления будут? — вопросы сыплются со всех сторон и для молодых ребят эти вопросы самые важные, самые насущные.

— Конечно, танцы будут! — авторитетно заявляет Коля Баранов, — Зря что ли духовой оркестр с собой везем!

Наконец, подъезжаем к месту следования. Воспитатель ставит к входным дверям самых рослых и крепких парней с красными повязками с напутствием:

— Девушек впускайте всех! Даже без пригласительных билетов! Гражданских парней не впускать, но вежливо, без тычков и затрещин! Все-таки мы у них в гостях, а не они у нас!

За занавесом хор располагается в том же порядке, как нас приучила руководительница хора. Витя Семков толкает локтем в бок стоящего рядом своего друга Володю Бубновского:

— Не вздумай петь! Губами шевели, рот открывай, но не пой! Слыхал на репетициях твои завывания — всех зрителей перепугаешь!

Свои пошлые дежурные шутки отговорил конферансье и объявил о выступлении хора. Занавес поднялся. Послышались аплодисменты — это зрители, в основном девушки,

приветствовали и ободряли нас. Концерт начался. Пели все разученные на репетициях песни. Наша неопытная молоденькая руководительница волновалась больше всех. Но зал после каждой исполненной песни так аплодировал, что вскоре успокоилась и она. Кое-где в зале темнели фигурки наших воспитателей, преподавателей и командиров. А все остальное пространство занимали девушки в разноцветных праздничных платьях и нарядах.

— По три-четыре девушки на каждого курсанта приходится! — подсчитал в уме мой сосед.

Объявили очередной номер: песня «Про молодых целинников»!

— Едут новоселы по земле целинной! Песня удалая далеко летит! — серебряным колокольчиком заливался запевала-тенор.

— Ой ты, зима морозная, ноченька ясно звездная, скоро ли я увижу свою любимую в степном краю?! — дружно и слаженно грянул хор. Получалось здорово и мы, чувствуя это, старались изо всех сил. Вова Бубновский, увлеченный общим порывом, тоже стал подпевать. Лучше бы он этого не делал! Какие-то жуткие завывания вырывались из его груди: то ли вой голодного волка или рычание рассерженного медведя. Соседи по хору зашикали, локтями привели в чувство действительности незадачливого певуна. К счастью мощный хор заглушил эти звуки и в зале никто ничего не услышал.

В перерывах между песнями девушки оживленно шушукались, хихикали, вытягивали шеи, высматривая и оценивая будущих потенциальных кавалеров по танцам.

Концерт закончился под бурные аплодисменты зрительниц. Ряды кресел в зале сдвинули к стенам, освобождая больше пространства. Девушки щебетали в холле и прихорашивались перед зеркалами. Волнующе и томно заиграл духовой оркестр. Начались долгожданные танцы.

На любых вечерах, в клубах или открытых «сковородках» есть девушки, как говорится, «нарасхват», а есть и «пришедшие напрасно». Вот и сейчас стайка девушек собралась у стен около сдвинутых кресел зала, о чем-то невесело переговариваясь и бросая завистливые взгляды в сторону танцующих пар. Наши курсанты называли этих девушек «невесты Коли Баранова». Дело в том, что, Коля отдавал предпочтение именно таким девушкам неброской внешности. На насмешки и шутки товарищей отвечал своеобразным афоризмом: «Бог увидит — красивую пошлет!» А порой и того похлеще: «Пусть внешность овечья, но плоть человечья!» Вскоре громоздкое, малопонятное для несведущих, выражение «Невесты Коли Баранова» превратилось просто в

«Барановы невесты». Следующий курс мореходчиков уже не знал откуда произошло это выражение и искренне недоумевали: «Почему Барановы? Разве бараны и овцы ходят на танцы?!» Как бы то ни было, выражение пошло гулять по всем танцплощадкам Архангельска. Вскоре перестали задавать и недоуменные вопросы. Вот так и рождаются в словесном обиходе шутки-прибаутки и непонятные словесные обороты.

* * *

Настала первая сессия для первокурсников-судомехаников. Юра Теплухин больше всего боялся зачетов и экзаменов, которые вел Рудольф Леонидович Егоров. Преподаватель запомнил неудавшуюся детскую шутку с кнопкой на стуле и старался ответить тем же. Фокусы со шпаргалками у Егорова не проходили, он безжалостно выгонял из аудитории уличенных в таком деянии, а к пересдаче допускал только после довольно-таки унизительных извинений и просьб. Особенно доставалось заводилам и главарям в группе. Совсем по-другому он относился к учащимся дисциплинированным, покладистым и вежливым. Один раз на сдаче экзамена по технологии металлов я вытащил билет, первый вопрос по которому знал хорошо, а другой вопрос — слабовато. Когда начал отвечать, Егоров вышел из аудитории по какой-то надобности, а вместо себя оставил мастера обучения Минибаева. Я бодро и уверенно рассказывал, чертил эскизы на доске. Пришел преподаватель. Уходя, Минибаев шепнул ему: «Очень подробно и хорошо отвечает!» Не искушая судьбу, я тот же самый вопрос отбарабанил Егорову. Расчет был прост: откуда ему знать, на какой вопрос я только что отвечал Минибаеву?! Преподаватель перебил меня, даже не дослушав:

— Давайте вашу зачетку! Первая пятерка на сегодня!

Иногда, разглядывая свои дипломы и приложения к ним с табелями оценок, я натыкаюсь на эту «пятерку» по технологии металлов и с улыбкой вспоминаю «грехи» своей молодости.

Как-то незаметно прошли Новогодние праздники. Оно и понятно: в казенном заведении с казарменной дисциплиной праздники почти не запоминаются. Другое дело — вечера отдыха: с концертами, песнями, танцами и девушками.

Долгожданный отпуск на Родине пролетел как сладкий сон. Каждый в полной мере использовал возможность покрасоваться перед местными девушками морской формой и выправкой. Эмоции, впечатления, воспоминания захлестывали всех. Баранов увлеченно рассказывал, как в Кустанайской области проходят

зрелищные национальные игры «козлодрание», где в группе всадников идет жестокая борьба за овладением тушей козла или барана, о национальных обрядах и свадьбах.

Юра Теплухин поведал, как вместе с отцом — отставным майором, пытались гнать самогон и чуть не сожгли баню в огороде:

— Хорошо, что снегу было много — снегом забросали огонь! А все оборудование пропало в огне!

— Кто про что, а Теплухин про баню! — ехидно заметил Хомченко и, обняв за плечи своего друга Юру Романова, попросил:

— Юрушка! Расскажи что-нибудь про Валдай, про девок валдайских — ходит молва, что они очень добры!

— Да я же вовсе не с Валдая! — слабо отбивается Романов.

— Давай! Давай! Просим! — со всех сторон слышны голоса любопытных.

— Девки по лесу гуляли, любовалися на ель!

— Какая ель! Какая ель! Какие шишечки на ней! — тут он подражает бабьему визгу, чем приводит слушателей в неописуемый восторг.

— Юрушка, давай про разбойника! У тебя эта частушка особенно хорошо получается!

Прозвенел звонок и частушку про разбойника оставили на «потом».

* * *

— Ребята! На втором лесозаводе, в клубе, наших обидели! — всполошил всех, готовящихся к «отбою» товарищей Теплухин.

— Как? Где? Это на нашей-то территории?! — загалдели задетые за живое такой невиданной наглостью сразу несколько курсантов, — одеваемся быстро и марш-бросок до этого клуба!

Неизвестно кто подал эту воинственную команду, но все быстро одели шинели и шапки и ринулись бегом к месту происшествия. Падал крупный, пушистый снег, бежали напрямик по бездорожью, экономя время.

— Окружаем клуб, блокируем все выходы! Беспрепятственно выпускаем только девушек! Всем парням по увесистой оплеухе! — командовал Пылинский.

Вечер танцев заканчивался и молодежь расходилась по домам. Гражданские ребята, почуяв неладное, скрылись заранее. Те, кто ни о чем не ведая, задержался, получили подзатыльники и колотушки. В разгар этого «снежного побоища» появился сильно

запоздавший и запыхавшийся дежурный воспитатель. Запыхавшийся, срывающимся от быстрого бега голосом крикнул:

— Мореходка, стройся!

Да где там! Кому охота попасть в список зачинщиков, а потом, после разборки происшествия, получить самое жестокое наказание?! Все бросились врассыпную. Воспитатель, увязнув в снегу, запутавшись в полах шинели, безнадежно отстал. Да разве угонишься за этими, юными сорванцами? Обратно, к общежитию бежали быстрее, чем к клубу. Вот и казарма. Дневальный и рта не успел открыть, как передние уперлись в дверь кубрика на которой, висел большой, амбарный замок.

— Комендант повесил! — прошептал дневальный, пугливо озираясь, словно комендант мог его услышать.

— Через окно, ребята, через окно! — прокричал самый догадливый и сообразительный, — окна широкие и низкие! То, что надо!

Выбежали на улицу, к окнам своего кубрика. Внутри помещения было темно, комендант все учел и даже свет выключил.

— Форточку надо открыть и запихать в кубрик самого маленького и тощенького! — догадливых командиров хоть отбавляй, а догадливость и изворотливость приходит во время экстремальных ситуаций.

Открыли форточку. С Юры Гороха содрали шинель и стали засовывать в форточку. Сначала шло все хорошо, но потом Юра застрял, мешал полноватый зад.

— Э-эх! Надо было Шмакову в форточку лезть! Этот толстозадый застрял, сам не лезет и другим не дает! Хоть топором разрубай, или пилой напополам режь! — Тестов в любой ситуации находит острые как перец слова.

Видимо предложение напугало застрявшего в форточке Гороха, извиваясь ужом и разодрав штаны, он плюхается на пол.

— Шпингалеты открывай! Чего ждешь, рот разинул!

Распахнулось окно, в течении минуты вся орава была в помещении, снимали и вешали шинели и шапки. Форму аккуратно, как положено, складывали на табуретки. Ботинки под табуретки и, все как один, юркнули под одеяла. Выключили свет. Через некоторое время спустя, загремел замок. Вошел комендант, включил свет и заскрипел, задребезжал:

— Умники! Академики голозадые! Думаете, умнее всех?!

Кто-то громко и натужно пукнул в ответ. Это еще больше развеселило коменданта: — Стреляете? Завтра вас начальник расстреливать будет! Получите на орехи! Вон сколько грязи с улицы принесли!

На полу, у каждой табуретки, блестели маленькие лужицы растаявшего с ботинок снега. Комендант ушел, противно и визгливо посмеиваясь.

Вечером состоялся разбор «снежного похода», пригласили пострадавших, а также секретаря и активистов комсомольской организации второго лесозавода. Говорили правильные слова, жали друг другу руки, уверяли в вечной дружбе и мирном сосуществовании. Но после этой встречи и примирения подобных стычек не было. Может быть парни со второго лесозавода поняли, что с мореходчиками лучше не связываться. Себе дороже.

Как только администрация утрясла все последствия молодежных разборок как возникло другое поветрие. Шутя, забавы ради, ребята начали тайком снимать друг у друга хлястики с шинелей. Если на однобортных, перетянутых ремнем матросских шинелях отсутствие хлястика не особо заметно, то на двубортных шинелях все выглядит просто комично. На нашем курсе всем выдали двубортные шинели. Если снять хлястик, то стройный, подтянутый курсант превращался в толстую старушку в салопе: зад непомерно расширялся, фигура становилась бесформенной, комичной. Это вызывало ехидные насмешки. Строй бравых, подтянутых курсантов превращался в толпу задастых бабушек. Александр Семенович, увидев такое поганое зрелище, рассвирепел. Перед шествием в столовую на обед, он ходил вдоль шеренги притихших ребят и яростным, повышенным тоном выговаривал:

— Вам выдана морская форма, которую надо носить с достоинством и честью! Гордиться ею и беречь! Посмотрите, на кого вы похожи! — для наглядности он вывел из строя первокурсника в шинели без хлястика. Не смотря на всю серьезность ситуации по шеренге прокатился смешок. Парень напоминал упитанную, задастую старушку.

— Отставить смех! — яростно скомандовал начальник, лицо его побагровело, — увижу кого за подобным занятием, или получу доклад от командиров и воспитателей, отчислю немедленно!

Шутки с хлястиками прекратились. В скором времени хлястики вернулись на свое законное место. Шутники не выбрасывали их, а просто припрятывали от растяп-новобранцев.

* * *

Весна в том году наступила рано. Южный теплый ветерок быстро согнал снег. Вместо залитого зимой ледяного катка

образовалась высохшая на солнце песчаная проплешина. Поставив столбы, натянув сетку и разметив поля, все дружно увлеклись волейболом. Настолько дружно и самозабвенно, что забыли про уроки и не расслышали звонка. Преподаватель Рудольф Леонидович Егоров как всегда стремительно вошел в класс и обомлел: вместо тридцати за партами сидело около дюжины курсантов. Обычно с серьезным лицом он полностью выслушивал рапорт дежурного. А на этот раз оборвал меня на полуслове:

— Товарищ дежурный! Чтоб через минуту все курсанты были в классе за партами!

С Егоровым шутки плохи это знают все. Он болезненно самолюбив, придирчив и злопамятен. Я пулей вылетел на крыльцо и во все горло заорал увлеченным игрой однокурсникам:

— Срочно в класс, сукины дети! Рудольф Леонидович рвет и мечет! Да поскорее! Обезножили, что ли?!

В запале, возможно, вылетело нецензурное слово. В окне над моей головой открылась форточка, показалось хмурое, недовольное лицо замполита Василия Максимовича:

— Товарищ курсант, зайдите ко мне в кабинет!

— Чего это я ему понадобился?! Наверное, хочет какое-нибудь общественное поручение всучить. Да я же ничего не умею! Недавно в кружок классической борьбы записался, да и там особых успехов не добился! — размышлял я на ходу.

Но рука уже привычно вскинулась к бескозырке:

— Товарищ замполит, курсант Колпаков по вашему приказанию прибыл!

Замполит глянул на меня строго, даже сурово:

— Товарищ курсант, вы что в лесу родились?

Вопрос ошарашил меня и сбил с толку. Откуда он все знает? Что в лесу жил? Отец с искалеченной левой рукой вернулся с фронта и правдами и неправдами перевелся из колхоза в леспромхоз, где одной рукой ухитрялся работать пилоставом, точить пилы, топоры, заготавливать топорища и станки к лучковым пилам.

Не задумываясь, я ответил замполиту:

— Так точно! Я в лесу жил! А отец до сих пор на лесопункте работает. Пилоставом!

— Значит, лесной человек? — в голосе замполита не было издевки, а угадывался еле сдерживаемый смех: подумать только, этот простак добровольно признается, что вырос в лесу! Он махнул рукой: Все! Идите, вы свободны! Только не материтесь больше под моим окном!

Только сейчас я понял, что, созывая на занятия

однокурсников я сильно погорячился и ругнулся нецензурным словом прямо перед открытой форточкой замполита. Мысленно я был благодарен замполиту, что он не рассказал этой истории моим однокашникам. Наши зубоскалы и остряки сразу приклеили бы мне кличку «Лесной человек», «Леший» или того хуже — «Кикимора».

* * *

Шестнадцать лет — это пора первых чувств, привязанностей, симпатий к противоположному полу и, конечно, пора первой романтической любви и первых разочарований. Наши курсанты тоже прошли через этот неповторимый период юности.

Аркаша Перфильев, бывший Варавинский подросток, на секунду забежал в класс. Было темно, свет выключен, а все ребята находились в спортзале, смотрели новый кинофильм.

Щелкнул выключатель, вспыхнувший свет озарил двух парней, сидящих за партой.

— Чего в темноте сидите? Притихли как мыши! Я думал тут нет никого! Кино такое интересное! Пойдем смотреть!

Перфильев жил с тетей на Варавино, в частном домике у самой реки. За спокойный доброжелательный нрав, стремление улаживать конфликты, а, может быть, за выпуклые глаза, его прозвали «Братцем-кроликом». По слухам, он знал, что у сидящих в темноте Володи Новоселова и Геры Копытова неудачная любовь. И откуда что берется?! Оба неприметные, тихие, а вот поди ты! Влюбились.

Володя Новоселов, живущий в сотне метров от учебного корпуса мореходки, со школьной скамьи был влюблен в свою соседку и одноклассницу Нину Лебедеву. Дорогу Новоселову перешел тоже первокурсник, но из группы десятиклассников-судоводителей Вася Коваленко. Где уж там семикласснику, неприметному и невзрачному, соперничать с восемнадцатилетним возмужавшим парнем? Да к тому же прошел слух, что белокурая красавица Нина не устояла перед бравым курсантом, будущим штурманом.

Крупные как горошины слезы капали на парту.

— Перестань! Ну перестань же! — просил и умолял миротворец своего товарища, — Тебе всего-то шестнадцать лет! Впереди будет много красивых девушек и одна из них обязательно полюбит тебя! По-настоящему полюбит!

Уговоры, увещевания, кажется, пошли в прок: всхлипывания и слезы прекратились.

С Герой Копытовым было полегче. Встретился он с девушкой в городе и, неожиданно для обоих, разговорились. Долго гуляли по улицам, рассказывали друг другу о себе. Оба любили классическую музыку, нашлись и другие общие увлечения, и темы. Пришло время расставаться, уходил последний трамвай. В спешке расставания договорились встретиться «под Аркой», а под какой «Аркой» уточнить не успели.

В следующую субботу вечером в Крещенские морозы Гера в холодных флотских ботиночках, как часовой на посту, стоял под аркой Кузнечевского моста, а девушка — под аркой теплотрассы второго лесозавода, где проживала в гостях у своей сестры. С тех пор выражение «стоять под аркой» воспринималось в мореходке с сарказмом и ухмылками, как символ бестолковых договоренностей.

Перфильев успокоил и второго влюбленного:

— Сестра девушки живет на втором лесозаводе? Да я там почти всех своих ровесниц знаю! Мигом найдем! Не велик и район — все друг друга знают!

* * *

Хотя война закончилась десять лет назад, страна все еще переживала трудности, но питание курсантов было налажено хорошее. Пищу готовили профессиональные повара, а выдачу блюд и контроль за выдачей осуществлял дежурный по камбузу, который назначался из числа командиров отделений или, в крайнем случае, из самых дисциплинированных и ответственных курсантов.

Утром дежурный по камбузу, в белой куртке и в белом колпаке, получал ключи от старшего повара, где в специальной кладовой хранились порции расфасованного сливочного масла в тарелках. Ровно десять порций одинаково нарезанных кусочков. Хорошо пропеченные, с румяной корочкой буханки белого цвета разрезаны на равные порции, а в эмалированные кружки засыпаны равные порции сахарного песка. За несколько минут до начала завтрака на стол ставились огромные трехлитровые чайники, сияющие начищенной медью, с заваренным чаем.

После шума, толчеи, рассаживания по своим местам командир отделения подходил к раздаточному окну и получал сливочное масло, сахар и белый хлеб по количеству подчиненных за его столом. Накладки случались очень редко. Мне вспомнился всего один случай, когда я, будучи дежурным по камбузу, допустил перерасход десяти порций завтрака. Какой-то

расторопный и жуликоватый курсант дважды подошел к окну выдачи завтраков и дважды получил завтраки на десять человек. Эпизод быстро забылся, нехватку продуктов старший повар тут же восполнил. А когда я уходил на каникулы, десять завтраков удержали с меня из отпускных денег. Сумма была незначительной, но для курсанта, убывающего в отпуск, вполне ощутимой.

На обед подавали, как обычно принято, первое, второе и третье блюда. На первое — разнообразные супы, на второе — мясное, рыбу или омлет, на третье — компот из сухофруктов или кисель. В праздники готовили что-нибудь повкуснее. Утром вместо чая — кофе или какао со сгущенным молоком и булочками, а на обед — блюда из мяса с картофельным пюре. Ужин ничем не отличался от обеда: подавали суп, второе и компот. Многих курсантов удивляло, что суп был в меню дважды: на обед и на ужин.

Часто во время обеда из кухни выходили повара, гладили самых маленьких по головам, спрашивали: «Вкусно, ребятки?». Наверное, для них мы были не курсантами, а просто детишками, одетыми во взрослую морскую форму. Перед каждым обедом снимал пробу начальник Александр Семенович Кущенко. Для него стоял отдельный маленький столик в углу столовой. Первым делом знакомился с меню на сутки.

Помнится, записывая в журнале названия блюд, я спросил у старшего повара:

— Что сегодня на второе?

— Омлет! — коротко ответила шеф-повар и побежала на кухню по своим делам. Я не слыхал раньше такого блюда, что такое яичница — знал, а что такое омлет — нет. Слыхал, что есть какой-то герой одноименной пьесы Шекспира Гамлет и записал в журнал то что подсказывала память: «Гамлет».

Читая меню и, дойдя до этого слова, Александр Семенович вдруг громко и заразительно рассмеялся. Лицо его стало добрым, приветливым, а не таким строгим и суровым, как всегда:

— Гамлет на обед? Будем Гамлет кушать! — Я тогда понял, что он на самом деле такой как сейчас — добрый, веселый, отзывчивый.

Но бывало и другое. В первые дни учебы все мы притирались, приглядывались друг к другу и, разумеется, оценивали каждого по-своему. Размещались за столами стоя и, после команды «Садись!», садились на скамьи. В это время один из курсантов хватал со стола буханку нарезанного черного хлеба и, как голодный зверек, прижимал ее к своей груди. А потом по кусочку раздавал товарищам. Выглядело это дико и очень неприятно.

Стерпели раз, стерпели два, а потом Миша Пылинский рявкнул:

— А ну положи хлеб на место! И не трогай никогда! Руки в жизни не мыл, неизвестно где они у тебя блудили! После твоих рук есть не хочется!

Виновник вздрогнул и, пугливо озираясь, положил хлеб на прежнее место. Посыпались замечания и насмешки:

— Наголодался у себя за Уралом! Черному хлебу рад!

— Шахтер хренов! В шахту опустить его надо!

— В санчасть его, на откормку!

Санчасть в мореходке действительно была. Небольшой домик на окраине Фактории, разделенный на две части: приемная и приемный покой на четыре койки для лежащих больных. Обычно в санчасть попадали ребята с простудой или гриппом, или у кого температура тела была выше нормы. Работала в санчасти семья: мама и ее дочка. Дочка, симпатичная двадцатипятилетняя девушка на выданье, была фельдшером: ставила диагноз, лечила больных, прописывала и выдавала лекарства, вела медицинский журнал. Ее мать, уже пожилая женщина, выполняла роль санитарки: убирала помещения и туалет, ходила в столовую за едой, кормила больных.

— А фельдшер ничего! — облизывался ловелас Аркаша Хомченко — Можно бы приударить!

— Были уже «удары» года два назад! — отозвался всезнающий Коля Баранов, — С тех пор мамаша сторожит ее как зеницу ока!

Но Володя Шамаев в санчасть так и не попал. Однокурсников стали отпускать в увольнения с ночевкой дома. Оставшиеся иногородние курсанты получили возможность завтракать, обедать и ужинать «за себя и за того парня». Суп хлебали нехотя, без хлеба, из гарниров выбирали только картофельное пюре, а то и вовсе поглощали одни котлеты, зразы или биточки. Шамаев настолько «заелся», что на черный хлеб уже не зарился.

Неравенство проявлялось во время увольнений. В первом отделении самых рослых парней, а также во втором отделении «середнячков» в сквозные увольнения уходила половина личного состава. А вот из третьего отделения самых маленьких на завтрак, обед и ужин приходили все без исключения. Даже Володя Новоселов, живущий на Фактории, буквально «под боком», обязательно приходил кушать.

— Да что это такое?! — возмущался командир отделения Леня Мошков — Хотя бы понарошку кто-нибудь не пришел или опоздал! Цыпленыши! Все как один с ложками сидят!

— Им кушать надо много-много! — ерничали за соседними столиками, — Они же растут, скоро нас обгонят!

— Животики у них растут! Это точно! Маленькие ротики, но растут животики!

— У нас целая кастрюля молочного супа осталась! И гарнир из макарон нетронутый! Может быть, поможете?! — продолжали допекать малышей из соседних столов рослые ребята. Малыши, уткнувшись в тарелки, помалкивали. Разве они виноваты в том, что среди них не оказалось городских ребят?!

— Кушай кашу, Поликаша! — эту доморощенную остроту в адрес самого маленького Поликарпа Земцовского выпустил Теплухин.

Посмеивались недолго. Уже через год на втором курсе «цыпленыши» обогнали в росте «середнячков». Но это уже ничего не могло изменить. С легкой руки бывшего воспитателя-временщика «Рыбьего глаза» состав и нумерация отделений в группе осталась прежней до самого окончания учебы.

* * *

Последняя ступень познаний первокурсников судомеханического отделения — это практика в механических мастерских. Каждое утро после завтрака мы идем по деревянному настилу Ленинградского проспекта от Фактории до мастерских. Всего одна трамвайная остановка в сторону города, даже того меньше. На нас рабочая форма из грубой и крепкой ткани, грубые рабочие ботинки, на голове «чепчик» — так мы называем головной убор, внешне похожий на берет. Делается «чепчик» очень просто: у старой бескозырки загибается внутрь околыш и получается берет или чепчик. Голубые матросские воротнички разрешается снимать: в мастерских они быстро пачкаются и изнашиваются.

Мастерские — длинный черный барак на высоком фундаменте, совсем близко, в полусотне метров от реки. Там располагаются слесарный, токарный и кузнечный цеха. В каждом цехе опытный мастер по своей специальности. Они будут учить нас слесарному, токарному и кузнечному делу. Нас разбивают на подгруппы по 10 человек и разводят по цехам. В каждом цехе курсантам придется учиться ремеслу месяц, потом цеха меняются и так по очереди.

Мастер слесарного цеха — шестидесятилетний мужчина в старом морском кителе, мичманке с «крабом», почерневшем от времени, терпеливо объясняет нам названия слесарных инструментов, их назначение, умению пользоваться. Мы узнаем, что молоток — это «ручник», напильник — это «пила» и другие

полезные вещи. Главное для мастера — техника безопасности: уберечь молодежь от травм или (Упаси, боже!) от увечий. Ведь подростки, по выражению мастера, это такие сверчки — вечно лезут туда, куда им вовсе не надо.

С утра слесарный цех заполняется грохотом. Первое задание: научиться пользоваться ручником и зубилом. Это не всем по зубам. Володя Турков, за неуемную страсть к моде прозванный «Жоржиком», тяпнул ручником по руке и взвыл от боли — удар оказался чувствительным.

В перерыв в цех прибежал Леня Мошков, взъерошенный и взволнованный:

— Ребята! С промысла первый тральщик возвращается! Пойдем на берег смотреть!

До берега Двины всего несколько десятков метров. Между островом Краснофлотский и берегом идет с промысла первый в этом году тральщик. Корпус окрашен черной краской, палубная надстройка и рубка белого цвета, из трубы валит черный дым. Видно кочегар старается вовсю, чтобы судно поскорее добралось до берега. По борту судна выстроились рыбаки, соскучившиеся по берегу, по дому и семьям. Все бледные, исхудавшие и бородатые.

— Смотрите! Смотрите! С полным грузом идет! Видите, корма поднялась, а нос совсем в воду осел! Даже лопасти винта из воды показываются! Буруны за кормой, страсть!

Вдали, на причале рыбокомбината, суета, ажиотаж. Первый после долгой зимы траулер встречают торжественно, всенародно. Мелькают разноцветные нарядные платья жен и невест рыбаков, блестят на солнце начищенные трубы духового оркестра. Но досмотреть весь ритуал мы не сумели.

— По цехам! Всем по своим цехам! — послышался на берегу голос подбежавшего старшего мастера Хвиюзова, — Здесь не театр, пора браться за инструменты, продолжать практику! Мы нехотя возвращаемся в свои цеха. Надо постигать навыки слесаря, токаря, кузнеца — учиться рабочим ремеслам. Механик обязан знать и уметь все.

На стене, в кабинете старшего мастера, висят стенды с образцами лучших работ и изделий наших предшественников. Полный набор слесарных инструментов: ручники, ножовки, отвертки, кронциркули, нутромеры и много-много других. Тщательно изготовленные, отполированные бархатной наждачной бумагой, покрытые от коррозии тонким слоем машинного масла. Инструменты выглядят предпочтительнее, чем те, которые продаются в наших хозяйственных магазинах.

— Не удивляйтесь! К концу практики и вы будете изготовлять инструменты не хуже этих! Глаза боятся, а руки делают!

Практика практикой, а весенне-летнего периода никто не отменял. И эта пора волнует и будоражит молодых парней. Во всех концах города открылись танцевальные площадки под открытым небом, в просторечии называемые «сковородками», где в основном и проводит свой вечерний досуг молодежь.

Наша любимая танцплощадка на втором лесозаводе совсем рядом с Факторией, Юросом и Жаровихой, где расположен учебный корпус и общежития. Но за вход на танцплощадку надо покупать билет. А где деньги взять? А если знакомая девушка попросит купить мороженое или билет в кино? Денежные проблемы мучали курсантов всегда. Выход из безденежья бывает разным. Однажды самые активные ребята — Хомченко и Баранов — нашли работу на рыбокомбинате для всех, независимо от возраста: грузить на баржу бочки с соленой треской. Пока Двина полноводная и не обмелела, снабженцы торопятся завести продукты в дальние лесопункты и леспромхозы по Двине и ее притокам. А мы, готовые на все грузчики, тут как тут. На нас и подзаработать можно жуликоватым снабженцам. Эти мальцы за один рубль горы своротить могут! Никто и внимания не обратил на то, что большая половина «грузчиков» несовершеннолетние. Если в морской форме — значит уже взрослые!

Длинная плоская баржа с шкиперской будкой, похожей на скворечник, пришвартована к причалу. Рядом возвышается серо-коричневая гора соли, приготовленной для тральщиков.

В фартуках, брезентовых рукавицах мы весело и резво катаем бочки, затаренные треской, от бригады бондарей к барже. Расстояние не близкое, около двухсот метров.

— Круглое кати — плоское тащи! — повторяет известный афоризм Виктор Тестов. С шутками и прибаутками работается легче. Трое из бригады подрядились чистить огневое пространство котла на тральщике и бочки катать не захотели. Там, мол, заработаем больше! Кочегары обещали щедро расплатиться!

Между тем, не все пошло по плану и гладко. Юра Горох потерял бдительность, замешкался. Неровным острым стыком обруча бочки зацепило рукавицу и парень, не в силах сдержать инерцию катящейся бочки, перелетел через нее на деревянный настил. Голову зажало между настилом и бочкой. Брызнула кровь. Все перепугались. Притащили из цеха аптечку, тампоном с йодом обработали рану. Рана оказалась небольшой: содрало кожу со лба. Но настроение резко упало. Надо быть осторожней и внимательней. Заработать денежку — дело не простое!

Солнце клонилось к закату, на причал легли длинные тени. Начался отлив, баржа у причала оседала все ниже и ниже.

Спускать бочки на баржу стало сложнее. Пришло время накатывать второй ряд в трюме баржи. На палубе баржи, покрытой жестяным настилом, скопились лужицы мутного соляного рассола из бочек. Юра Теплухин, стоявший у борта баржи с переносной лампой в руках для освещения трюма, вдруг рухнул как подкошенный и забился в конвульсиях.

— Лампу переносную и провод доской отодвиньте в сторону! Его током ударило! — догадался Пылинский.

Не касаясь провода отодвинули переноску подальше от пострадавшего. Теплухин, бледный как полотно, кое-как поднялся и долго безмолвно стоял, прислонившись к стенке баржи, делая глубокие вдохи и дрожа всем телом от пережитого ужаса. Погрузку баржи закончили при общем молчании.

Вернулись с работы ребята, подрядившиеся в частном порядке чистить огненное пространство котла на стоявшем под выгрузкой траулере: Шамаев, Перфильев, Семков. Дрожащие от холода, посиневшие, с черными кругами вокруг глаз от копоти и сажи. Сплевывая черную, как чернила, слюну, матерились беспрестанно:

— Понимаете, договорились по четыреста рублей за каждую топку, а когда почистили все и мусор на палубу подняли, они вдвое меньше заплатили!

Витя Семков, смахивающий лицом на сына тундры, скрипнул зубами:

— Воды горячей нет! Кое-как обтерлись мокрыми полотенцами! А вода в реке такая холоднющая!

Впрочем, за погрузку баржи каждый из работающих получил не больше чем те, кто чистили котел. Очевидно, наши девушки обойдутся пока без кино и мороженного.

Но практика в механических мастерских продолжалась. На этот раз по токарному делу. В большом зале стояло около десяти видов различных станков: наждачный, сверлильный, строгальный, фрезерный, несколько видов токарных и надо научиться работать на каждом из них.

Мастер, невысокий, круглолицый, лысеющий блондин, пуще всего боялся самодеятельности подопечных. То и дело слышалось:

— Не лезь! Не тронь! Отойди! Не включай, пока не прочитаешь инструкцию!

Он был прав: в цехе, где все вертится и крутится, где повсюду проложены силовые кабеля, озорничать и своевольничать очень-очень опасно.

На практике в мастерских проявились способности ребят к выбранной профессии судового механика. Жадно впитывали

знания и практические навыки Саша Шмаков, Виктор Тестов, Гена Сивков, Леня Мошков, Женя Клишев и многие другие. Явно не стремились работать в будущем механиками Березин, Бубновский, Копытов, Турков. С первых дней учебы они завидовали судоводителям:

— Штурманам хорошо — всегда чистенькие, тяжелее карандаша и линейки в руках не держат!

— Одни названия предметов чего стоят! Сплошная романтика: «Навигация», «Лоция», «Астрономия», «Морское право»!

— А чего ж вы на судоводительское отделение не пошли? Чужое место заняли, а сейчас скулите! — резонно спрашивали их «истинные механики».

— Набор в тот год был только на судомеханическое отделение! — оправдывались «лжемеханики».

Жизнь разложила всех по своим местам: половина группы судомеханического отделения после окончания мореходки не работала по своей специальности.

По субботам все дружной гурьбой шли на танцплощадку второго лесозавода: танцевали фокстрот под песни «Мишка, Мишка где твоя улыбка, полная задора и огня?», «Одесский порт в ночи простерт», другие танцы: «Севастопольский вальс», «Красную розочку» и многие-многие другие популярные тогда шлягеры. Ребята посмелее приглашали девушек на танцы, а робкие стояли в стороне, откровенно завидуя смельчакам. Теплые светлые вечера и ночи, чарующая музыка привлекала многих. Порой на танцы приходили моряки с иностранных судов, стоящих у причалов второго лесозавода под погрузкой, в том числе и чернокожие. Они стояли около танцплощадки, но за ограждение не заходили, лишь наблюдали за танцующими парами издали. На них смотрели с откровенным изумлением: тогда все это было в диковинку.

— А мы как-то вечером, вернее уже ночью, возвращались из города пешком. Трамваи уже не ходили. Вместе с иностранными моряками! — вспомнил Леня Мошков — До третьего лесозавода шли вместе! Такие забавные моряки! Пообщались немного.

— Что? Как? Какие они? О чем говорили? — посыпались со всех сторон вопросы.

— Смешные такие! На нас немного не похожи! Одежда пестрая, как у попугаев! Один в зеленых, как капуста, штанах и клетчатом пиджаке и волосы неестественного цвета!

— Крашенные, наверно!

— Да нет, мужчины волос не красят!

— Красят! Особенно старые, седые!

— Ну и что? Вы хотя бы немного понимали друг друга? — нетерпеливо, наперебой с любопытством расспрашивали товарищи Леню Мошкова.

— Немного понимали, хотя они тоже не сильны в разговоре на английском языке! Это были норвежцы, наши северные соседи. Тут надо сказать спасибо нашим преподавателям английского Вере Васильевне и Диане Герасимовне: словарный запас у нас хотя небольшой, но есть!

— Угощали вас чем-нибудь?

— По сигарете дали. И мы им по сигарете подарили! Они почему-то любят наши сигареты, говорят крепкие!

И вот мы попадаем на обучение в кузнечный цех к мастеру Минибаеву. Это мрачноватый, сердитого вида мужчина лет пятидесяти, с глубокими шрамами на лице, на щеках, как будто в молодости его исполосовали опасной бритвой. У мастера была своя излюбленная тема. Всем, вновь поступившим к нему на обучение, он рассказывал одну и ту же историю. Когда-то практикант, балуясь, со всей силой ударил кувалдой по пустой наковальне. Кувалда, отскочив от наковальни, ударила курсанта по лбу, да так сильно, что парень упал и потерял сознание, в чувство шалуна привели только с помощью нашатыря. С тех пор практикант ни разу не брал в руки тяжелого молота.

Мы любили иногда подшутить над кузнечным мастером, а шутка была всегда одна и та же, испытанная несколькими поколениями учеников: когда Минибаев выходил из цеха, озорники запасались железными опилками, которых было предостаточно около наждачного станка. Когда мастер возвращался и подходил к двери цеха, бросали в раскаленный горн горсть металлических опилок. Из горна поднимался столб ослепительно белых искр — так бывает, когда начинает гореть оставленная без присмотра металлическая заготовка. С сумасшедшими глазами мастер хватал клещи и искал ими «горящую» деталь. Через мгновение сообразив, что это всего лишь розыгрыш, плевался и ругался на своем языке, но виновных не искал. Наверное, виновным считал себя, что каждый раз попадается на один и тот же дурацкий розыгрыш.

Вечером, закончив практику в кузнечном цехе и поужинав, мы возвращаемся строем той же дорогой к себе в общежитие по мостовой узкой улочки Почтового тракта. Слева расположены маленькие домики с огородами. Симпатичная девочка лет пятнадцати почти наша ровесница — складывает дрова в поленницу, а, иногда, загоняет гусей в огород.

— Моя будущая невеста! — привычно застолбил свое мужское «Эго» Аркаша Хомченко.

«Будущая невеста» стрельнула взглядом по всему строю своих сверстников и, оценив внешность каждого, скрылась за калиткой. Все-таки она, наверное, специально приурочивала свои хозяйственные работы к этому времени, чтобы поближе и как следует разглядеть парней.

— Это Люда Брагина! Хорошая девушка, уже студентка Рыбопромышленного техникума! — Володя Новоселов, как житель Фактории, знал своих сверстников наперечет.

— Она мне тоже понравилась! — вдруг подает голос Виктор Семков, всегда стеснительный и робкий при одном лишь виде девушек.

— Думаю, что она тебя не заметила! — язвит его друг Володя Бубновский.

— Разговорчики в строю! — обрывает возникшую дискуссию старшина группы, — Вот придем в казарму, болтайте и спорьте сколько угодно!

Все замолкают до спального барака, который мы именуем «казармой», остается несколько десятков метров по бревенчатой мостовой Юроса.

Жара в середине лета и тот год была невыносимой. Комендант общежития носился как угорелый, повсюду слышен его визгливый скрипучий голос:

— Не сюда! Не сюда! Несите тумбочки в первый кубрик!

Кубрик — название чисто морское, флотское — это помещение, где проживает рядовой состав, матросы. В общежитии это большая комната с пятнадцатью двухэтажными металлическими кроватями, узкими проходами между ними и тумбочками для личных вещей и предметов гигиены. Обязательны табуретки, на которые курсанты складывают одежду перед сном. Посреди комнаты — длинный стол со скамьями. Здесь можно играть в настольные игры, писать письма, пришивать подворотнички и пуговицы, делать мелкий ремонт одежды. В общем, солдатский казарменный быт.

Комендант опять скрипит и визжит около двери:

— А тебе, друг мой ситный, наряд вне очереди за курение в неположенном месте!

Комендант также визгливо смеется, как и говорит:

— Пойдем, пойдем, друг мой, я тебя сразу же и отоварю!

Во дворе стоит лошадка, запряженная в повозку с большой ассенизаторской бочкой. Комендант сует в руки наказанному жестяной черпак на длинном-длинном шесте:

— Чего стоишь? Открывай выгребную яму, черпай дерьмо и заполняй бочку! Будет бочка полной — не уходи — ассенизатор сделает несколько заездов! Тут бочки три-четыре будет! А то и

больше!

— Так у меня же всего один наряд вне очереди! А бочки четыре надо заполнить! — пытается взывать к справедливости наказанный.

— Будешь много болтать, еще три наряда получишь! — восторженно визжит комендант. Он почему-то впадает в детский восторг, когда наказывает виновного.

После такого наказания и такой работы курсант долго плескается в воде, трет тело мочалкой с мылом, несколько раз моет голову. Но все равно, когда возвращается в казарму мухи роем летят за ним. Даже девушки на танцплощадках морщат носики и обходят его стороной. А он клянет все на свете: и себя, и коменданта, и мух, и выгребную яму, и золотаря с его бочкой и совсем уж безвинной клячей.

Со шкива воздуходувки горна слетел приводной ремень. Леня Мошков полез натягивать ремень электродвигателя на место.

— Выключи мотор! Мотор выключи! — орут наперебой товарищи Мошкову, — Мастер увидит — заставит всех инструкции по технике безопасности прочитать и выучить!

— Без вас знаю, что мне делать! — огрызается самолюбивый и вспыльчивый Мошков, — Тоже мне, наставники нашлись! Цыпленыши!

Одно мгновение и кисть правой руки Мошкова действительно попала между приводным ремнем и шкивом.

— Больно?

— Может аптечку из слесарки принести?

— Хорошо, что мотор слабый, да и ремень слабо натянут! До свадьбы заживет!

В цех вошел мастер Минибаев, интуитивно угадал, что в его отсутствие здесь что-то произошло:

— Случилось что-нибудь без меня?! Кувалдой по наковальне не стучали? Вас ни на минуту нельзя оставить одних, как дети малые!

— Все в порядке, товарищ мастер!

— Просто анекдоты смешные рассказываем!

— У нас ничего неожиданного случится не может! Вы так хорошо все объясняете и показываете!

Лесть действует на всегда хмурого и сурового мастера. Лицо его светлеет и добреет:

— Так что мы делали на прошлых практических занятиях, товарищи курсанты? Кто расскажет?

— Учились закалять в холодной воде стальные заготовки! — хором отвечают практиканты. Такой дружный и правильный ответ еще больше умиляет нашего мастера, и он готов простить все

озорные выходки и проделки подопечных.

Напротив, мастерских в реке стоит огромный плот бревен. Два буксира натужно тащили его до третьего лесозавода и по какой-то причине оставили на радость нам.

— Эти бревна пойдут через водный цех и лесопилку! Доски получатся хорошие! А после сушки доски погрузят на суда и увезут за границу! — объясняет Володя Перминов, житель третьего лесозавода.

Но нам нет дела ни до лесозавода, ни до его цехов, ни до досок. Солнце уже в зените, а в кузнечном цехе такая жара, что промокла даже спецовка. А с плотов так хорошо прыгать в воду «солдатиком» или нырять! За десять минут можно искупаться и охладиться от несносной жары. Если не шуметь, не барахтаться в воде, не орать, возможно, наших самовольных развлечений никто бы и не заметил. Но с берега уже звучит сердитый и негодующий голос старшего мастера:

— Все по цехам! Продолжить практику! Иначе я доложу начальнику о ваших безобразиях!

Мы быстро вылезаем на плоты, снимаем и выжимаем досуха трусы, не стесняясь своей наготы и того, что нас могут увидеть со стороны. Кому охота ходить в мокрой одежде?!

Старший мастер рад прочитать очередную лекцию по нашей безопасности:

— Плоты скреплены толстой проволокой. На дне реки тоже полно обрывков, стальных прутьев. Можно получить серьезную травму. Не зная броду, не суйтесь в воду! — известной пословицей он заканчивает нравоучение и говорит уже мягче:

— Через пару дней ваша практика заканчивается и лучше бы она закончилась без всяких происшествий. Поняли меня?

К концу июля практика в механических мастерских закончилась. Все мы по месяцу изучали слесарное, токарное и кузнечное дело и, надо сказать, многому научились. Расставание с мастерами было обыденным. Перед выстроившимися практикантами выступил старший мастер Хвиюзов:

— Закончилась ваша практика в цехах. Думаю, вы приобрели достаточные навыки рабочих специальностей. Эта практика необходима вам при оформлении и получении первого рабочего диплома «Механика третьего разряда судовых силовых установок». Желаю вам всем успехов в будущей работе!

Что ж, напутствие короткое и емкое. Впереди ждут четырехнедельные каникулы и, возможно, традиционная поездка в колхоз на картошку. На пороге сентябрь месяц — самый разгар сельскохозяйственных работ.

Глава II
Второй курс

Мы все ждали больших изменений в начале второго курса учебы. А второй курс начался с банальном поездки в колхоз на сельскохозяйственные работы.

Деревенским курсантам администрация заранее выслала извещения, чтобы задержались по месту жительства для работы в своих колхозах и совхозах, с последующим предоставлением справок с указанием отработанного времени.

Городские и иногородние курсанты были собраны в одну бригаду и отправлены в дальние деревни Виноградского района. Оказывается, в деревенской глуши нашелся подшефный район и даже колхоз. А мы даже об этом никогда и не подозревали!

— Что я там делать буду? — первым заныл Володя Турков, — я ведь ни пахать, ни сеять не умею, а коров видел только в кино!

— А тебе к коровам подходить не придется! У них свои пастухи и доярки есть! — подшучивал над неумехой Разулевич.

— Главное, запомни, у коровы рога спереди, а хвост и вымя сзади! На рога не попадись! — сыпали шутками и остротами остальные. — Если хочешь, мы тебя поваром или снабженцем поставим.

— Он накормит! Гвоздями ходить будешь по большому!

Рядом с будущими колхозниками кружится комендант:

— Обувь и одежду берите ту, что похуже! После колхозных работ все выбрасывать и сжигать придется!

— Да ты, дядя, хочешь нас в оборванцев и попрошаек превратить! — возмущается Володя Перминов, — таких оборванцев даже в колхоз не пустят!

— Вот и хорошо! Вот и хорошо! — восторженно завизжал комендант, — Вернетесь обратно, у меня любому оборванцу работа найдется!

— Так ведь там тоже выходные есть! Вечера для молодежи, кино, танцы, наконец! Куда мы в таком рванье пойдем?

— Вы едете помогать деревне! Картошку копать, урожай собирать! А вы о танцах думаете! На курорт что-ли поехали?

С комендантом спорить бесполезно. У него своя, сермяжная правда, да он и не понимает современную молодежь. Но все, про запас берут с собой и хорошую одежду, каждый на свой взгляд и на свой вкус. Одни предпочитают морскую форму, другие — гражданскую, модную, если таковая есть дома.

Без особого энтузиазма строимся в колонну по два. Всего то

двенадцать человек, меньше половины учебной группы. Остальные, крестьянские сыны в родных колхозах и совхозах Архангельской области. У них единственная радость: все-таки дома, под крылом родителей.

Денег на билеты выделено ровно столько, что хватило только на самый низший — третий класс. Места не указаны, располагаемся где придется, прямо на палубе. На верхней палубе хорошо: внизу плещется вода, ритмично хлопает колесо своими плицами, загребая воду и толкая пароходик вперед. По обеим берегам Двины проплывают деревеньки и села, пасется колхозный скот на лугах. Буйный, зеленый, пока еще не вырубленный лес, кое-где тронут пятнистой желтизной увядания.

На второй палубе молодежи не видно. Старушки с узлами сидят прямо на грязной, заплеванной палубе, грея спины о теплые покрытые теплоизоляцией бока судового котла. Увидев нас, почти оборванцев, испуганно прячут поближе к себе свой скарб узлы и корзины. Внизу, в проеме, огражденном поручнями видно, как огромный механизм паровой машины крутит без устали гребной вал колесника-парохода. Огромная поленница бревен для топочных жерл тает на глазах. Во время коротких стоянок топливо подвозят на лошадях, и поленница бревен опять пополняется.

— Куда мы с вами поступили? Наша будущая работа паровые котлы и машины! Это же позапрошлый век! Надо было идти учится на финансовые, экономические, химико-технологические специальности! — с поздним сожалением вздыхают отличники, глядя вниз на сопящую, чавкающую и как будто горестно вздыхающую паровую машину.

— Это точно! Век Кулибина-Ползунова! — поддержал разговор Сивков, — Но на наш век и этой работы вполне достаточно. Все-таки котлы, пар, газ — это энергетика, а без нее и в наш просвещенный век никуда! Чем ныть, пойдем на верхнюю палубу природой любоваться! В городе такого не увидишь!

В пункте назначения будущих «колхозников» встречает длинный, худой и жилистый мужик. Он чем-то напоминает нам коменданта: кожаная, потертая фуражка времен гражданской войны, седая щетина на щеках и кадыке. Мы ожидали, что и голос будет похожим на запомнившийся нам скрип и визг.

Это был бригадир, наш новый начальник, распорядитель и руководитель работ. Он держит под уздцы лошадку, запряженную в телегу:

— Бросайте в телегу ваши сумки и котомки! Легче идти будет! Наверно устали в дороге! Вообще-то тут недалеко до вашего дома, километр-полтора! Пароход там не причаливает.

Пристани нет!

Голос у него оказался зычный, громовой посильнее чем у нашего преподавателя Егорова. Как после мы узнали, деревенское прозвище его было «Гром».

Все двенадцать парней поселились в пустующем доме с двумя большими комнатами и русской печью. Каждый набил себе наматрасник и наволочку сеном.

— Туже набивайте! Сено быстро сваляется и будете ворочаться ночью с бока на бок! — учил бригадир.

Спать легли в вповалку, прямо на полу, во второй комнате, которую потом называли спальней. Первая комната с русской печью, большим столом и широкими скамьями служила столовой.

— Братцы, братцы, Ум-ца-ца! — начинал каждое утро с известной ему одному песни, неунывающий Володя Разулевич, — А кто у нас сегодня дежурный по камбузу?

— Угадал! Как раз ты и есть! — хихикнул Шамаев, — Разжигай печку, да иди в огород картошку копать!

Дежурство по камбузу не любили. Надо было готовить обед и ужин варить суп, да и другие блюда соображать. Еда доморощенных поваров не всем нравилась и в камбузника летели брань и другие слова покрепче.

Утром, на завтрак бригадир приносил полное ведро парного молока прямо с фермы и несколько караваев деревенского хлеба «житников». Молоко попахивало скотным двором, но хлеб был просто великолепен, испеченный в русской печи, на поде умелой бабулей, знающей и сохранившей деревенские рецепты. Ведро молока и караваи хлеба исчезали скоро и полностью. Аппетит у всех был отменный, брезгливых и привередливых не оказалось.

— Сегодня опять пойдем на пилораму, заготавливать тес! Скоро осень, надо крыть крыши в коровнике, конюшне и в домах кое-где очень прохудились! — у товарища Гром все распределено и расписано заранее. Настоящий хозяин деревни.

Еще в дороге мы прикидывали, что мы сможем делать в деревне? Копать картошку, косить траву, метать стога сена, закладывать ямы с силосом. Но все пошло по-другому. В деревне стояла уже несколько лет бездействующая пилорама: заброшенная и поржавевшая. А тес, доски нужны были срочно, для шифера и других материалов не было средств. А бревен в реке и по берегам, после сплава навалом, сколько хочешь, чего добру зря пропадать?

Самых крепких и здоровых ребят бригадир поставил на заготовку «сырья», то есть вылавливать и выкатывать бревна из реки и берега, грузить на волокушу. А колхозный тракторист доставлял нам «сырье» прямо к пилораме.

Самые «рукастые» работали над реставрацией и восстановлением пилорамы. Разобрали механизм по частям, промыли в керосине удалив ржавчину, кое-где подшлифовали, смазали машинным маслом и смазкой.

На испытание пилорамы и опробование собрались все и колхозники, и все наши курсанты. От трактора, через ременную передачу запустили пилораму. Первые доски разглядывали, гладили ладонями: вдыхали запах:

— Аромат-то какой! Лесом пахнет, смолой и ягодами!

— Нашим буренушкам тепло будет зимой, ни снег, ни дождь не страшен!

— Ребятам спасибо, такие молодые и такие рукастые!

— В нашем колхозе их оставить надо, мы им невест хороших найдем!

— Не останутся они! Кто городскую жизнь на нашу променяет?

Примерно в обед, прибегали деревенские девчата поглазеть на городских парней, пошушукаться, посекретничать между собой, кто из парней самый-самый, кто кому приглянулся.

Это были скромные, стеснительные девичьи мечты и желания. Были и решительные, и смелые, не боящиеся деревенских пересудов и сплетен.

Бригадир же высматривал тех, кто хорошо разбирается в технике, особенно в лодочных моторах. Ведь хорошо работающий мотор у жителя деревеньки у реки — это не только рыбалка, но и кратчайший путь в ближайшие селения, в райцентр, где можно совершить выгодные покупки, заключить договора, пригласить и привезти любого специалиста.

Помочь бригадиру согласились мотоциклисты со стажем Виктор Семенов и Володя Разулевич.

— Человек он хороший, добрый, душевный почему бы не помочь?

— Лучше, если в рабочее время! Ночью и вечером уже темно, да и мошкара заест!

Днем, в обед пришли в правление со своим предложением по ремонту мотора:

— Где товарищ Гром, мы к нему с предложением!

Присутствующие колхозники дружно рассмеялись:

— Не называйте его так! Это ведь деревенское прозвище!

— Да он не обидится, знает, как его называют!

Появился бригадир. Подрядились перебрать барахливший мотор за два дня.

Девчата ждали вечера, когда откроются двери деревенского клуба, запиликает гармонь местного композитора и можно

потанцевать, если не с приезжими парнями, то со своими, или со своей подружкой.

Сельский клуб размещался в деревенской избе с высоким крыльцом и лестницей. В большой комнате стояла русская, печь, а вдоль стен — широкие лавки для посетителей. Много таких, брошенных домов без хозяина появилось на Севере в минувшие десятилетия. Война унесла почти все трудоспособное мужское население. В начале пятидесятых жители деревень целыми семьями устремились и ближайшие города, в надежде на лучшую жизнь. В такую, умирающую деревню приехали мы, шестнадцатилетние мореходчики, будущие судовые механики тралового флота. Бубновский, Разулевич, Семенов в клуб никогда не ходили, Турков вообще презирал сельскую жизнь и сельские развлечения.

Так проходил день за днем и вечер за вечером. Все перезнакомились и ждали большего, чем знакомство и поцелуи.

Вновь образовавшиеся пары договорились вечером съездить на песчаный «Остров любви». За много лет посреди Двины образовался намытый весенними половодьями остров, впоследствии заросший кустарниками и травой. Отличное место для влюбленных, где можно скрыться от любопытных глаз.

— Завтра вечером поедем на остров картошку печь! — кричали девушки уходящим домой парням. Двусмысленное «картошку печь» звучало многообещающе.

Вечером, на песчаном острове загорелись костры, сушняка, прибитого течением к острову было достаточно, а для того чтобы костер не затухал бросали несколько бревен из реки.

О картошке, как водится, забыли. Теплый вечер, теплый песок, журчащая вода на перекатах, на мелководье, да полная луна в небе. Что еще нужно влюбленным? Смех, повизгивание, жаркое шушуканье пар становилось все явственнее. Нетерпеливые пары сразу же побрели в кустики. Но плач и всхлипывания одной из девиц привлек всеобщее внимание.

— Что с тобой?

— Чего ревешь, когда все веселятся?

— Володя уехал! Уехал на лодке на свой берег — всхлипывала безутешная девица.

— В чем дело? Ты его прогнала или он сам?

— Не-ет! Он сразу начал приставать, потащил меня в кусты, а я сразу не далась! Разве можно в первый вечер и сразу?

— Ничего, вернется твой Володя! Захочет и вернется!

— Это Шамаев опять партизанит, уралец поганый! Испортил такой хороший вечер! — сплюнул Семенов, — поехали домой, пока лодка есть! А то и эту лодку угонят!

Через неделю все девушки вышли на пристань провожать юных моряков. Ревел гудок, из трубы пароходика валил черный дым от сырых березовых дров. Дряхлый колесник шустро пришвартовался к причалу. Будущие рыбаки дружно махали с палубы провожающим их временным подружкам. Впереди нас ждал Архангельск и начало учебного года на втором курсе.

* * *

Второй курс действительно начался с перемен. Сменили классную комнату и вместо мглистой темноты, в окнах засияло солнышко, вместо унылого хозяйственного двора, отгороженного забором, перед окнами простиралась Траловая улица, по которой сновали туда-сюда прохожие, в том числе и девушки незаметно, украдкой, как бы нечаянно стреляли глазками в склонившихся над партами курсантами. При этом делая вид, что им безразлично, что там маячит за окнами.

Появились в расписании новые предметы, в том числе и специальные, и, конечно новые преподаватели. Изрядно надоевшие общеобразовательные предметы и дисциплины, само собой отодвинулись на второй план. «Теорию и устройство корабля» преподавал сам Александр Семенович — начальник мореходки. Главные специальные предметы: судовые паровые котлы, паровые машины, вспомогательные механизмы, двигатели внутреннего сгорания, вел один и тот же преподаватель Владимир Зубарев.

Появился новенький курсант — со второго курса Рыбопромышленного техникума перевелся в нашу группу Юрий Илатовский.

— Ты чего это к нам приперся? Думаешь здесь лучше? Как бы не так! У нас казарменная жизнь, все делаем по команде, по Уставу! Быстро надоест! — наставлял новенького Юра Теплухин, не любивший казарменной дисциплины и Уставного порядка.

Илатовский, невысокий, рыжеволосый паренек отмалчивался, не спешил раскрывать свою душу. Скорее всего его привлекло к нам полное государственное обеспечение и морская форма, о которой в те времена, мечтал каждый мальчишка. Юра быстро освоился, адаптировался к непривычным для него условиям, подружился с ребятами. Обладая мягким, покладистым характером, часто выступал посредником в спорах, сглаживая конфликтные ситуации.

— Гляди-ка, у нас новый миротворец появился, соперник и конкурент Аркаше Перфильеву, — посмеивались над новичком

ребята.

Время обеда, короткий послеобеденный перерыв совпадал с обедом и перерывом судоремонтного завода и рыбокомбината. Перед нашими окнами проходило много людей: мужчины, женщины, девушки. Один из прохожих высокий, прямой как столб, очень веселил всех, и мы хором кричали:

— Боря Житков! Боря Житков! Боря Житков!

Наверное, мужчина слышал эти выкрики и гадал про себя: что бы это могло означать?

Дело в том, что наш однокурсник Боря Житков был с точно такой же походкой и выправкой. Сам Житков никогда не обижался на такое сравнение и добродушно улыбался при виде на улице своего «двойника».

Глядя в окна на прохожих, мы соревнуемся в придумывании кличек, кто остроумнее и хлеще? Девушек — по их внешнему виду и одежде. Девушку в черном называем «черной», в красном — «красной», в белом — «белкой» и так далее. Одна из девушек оглянулась на окна и улыбнулась, показав металлические коронки зубов. Ее тут же окрестили «железкой», а после и вовсе «зубаткой». Часто пробегавшую по улице некрасивую девицу с вислым носом кто-то назвал «клюквой».

Шамаев, повстречав на улице эту девицу негромко сказал:

— Привет, «клюква»!

Девушка не на шутку рассердилась и, остановившись, бросила опешившему курсанту в лицо:

— А ты-то, на кого похож? Банщик!

Оказывается, все местные девушки не только знали нас всех в лицо, но знали наши клички, прозвища и дразнилки. А мы и не подозревали!

В короткие перерывы после обеда или ужина, старшина группы брал в руки баян или аккордеон и разучивал новую, модную песенку. Голос у него был не сильный, но приятного тембра и он быстро подбирал на инструменте любой мотив:

— Белла, Белла донна,
Донна дорогая,
Я жду тебя в таверне «Двери рая»,
Пахнет там прибоем,
Солью и смолою.
Старого вина нальет хозяин нам с тобою!

Действительно голос у Миши Пылинского задушевный, приятный.

А игра на аккордеоне и на баяне замечательная.

Про талант старшины группы вскоре узнали все жители окрестных домов и стали приглашать баяниста на семейные торжества. Отказаться от настойчивых просьб он не мог, да и не умел. Приятно было сидеть в Красном углу дома, а вокруг приятные люди и столько красивых девушек!

Выпивка в те времена была проста: водка, самогон да брага. Закуска тоже не баловала изобилием: соленые огурцы, квашенная капуста, винегрет, картошка да очень тонко нарезанный сыр. После очередного юбилейного вечера у малознакомых людей, Миша «перебрал». В крещенские морозы холод всегда зашкаливал, а в тот, злополучный вечер и ночь вообще небывалый. Трещали и лопались бревна домов, даже поленья не колотых дров лопалась сами без топора. Куда идти в холодных флотских ботиночках да с баяном на ремне? Учебный корпус мореходки — вот он рядом, но двери заперты крепко-накрепко. Будешь стучать, бабуля техничка и сторож одновременно, вызовет милицию. До общежития целый километр, околеть от мороза можно. Миша беспомощно стоял у дверей, понимая, что начинает замерзать. Сквозь щели в форточке окна замполита сочился парок. Вот оно спасение!

Закоченевшими пальцами он открыл форточку, снял и забросил в кабинет шинель, кое-как протиснулся сам и завис вниз головой над столом.

— Будь что будет! — последним усилием, извиваясь протащил заднюю часть и грохнулся на стол, потом скатился на пол. Посыпались карандаши, ручки, опрокинулась чернильница. Под щекой разлилась какая-то лужица. Но уже не было сил вставать закрывать форточку. Все тело охватила теплая волна блаженства и сладкий сон укрыл его теплым одеялом.

Александр Семенович всегда приходил на работу первым. Еще издали, в морозном тумане он увидел темный предмет на крыльце. Подойдя ближе ахнул: это был заиндевевшей на морозе баян, а из настежь открытой форточки окна кабинета замполита клубами валил теплый воздух. На стук открыла перепуганная сторож-истопница тетя Клаша. Долго искали ключи от кабинета замполита, наконец, открыли двери, и включили свет. Миша лежал лицом в лужице чернил и громко храпел. Попытки разбудить ни к чему не привели. Тетя Клаша собрала рассыпавшиеся карандаши, ручки, кое-как навела порядок на полу, затерла тряпкой чернильную лужицу. Нашли пузырек нашатыря в аптечке и, смочив вату, несколько раз поднесли к носу страдальца. Миша фыркнул, громко чихнул очнулся и оглядываясь, спросил:

— А вы-то зачем сюда приперлись?

Мысленно он был еще на веселой свадьбе.

После уроков собрался педсовет:

— Отчислять надо, хотя бы в назидание другим! Если разобраться целая цепь нарушений. Самовольная отлучка, употребление спиртных напитков, проникновение через форточку в здание учебного заведения! — горячился замполит Василий Максимович.

— Подожди, не торопись. Все что ты сказал правильно! Но он стержень, основа нашей художественной самодеятельности! Без него все рухнет! К тому же у него нет склонности к спиртным напиткам. Можно сказать, случайность! Стечение обстоятельств!

— Я предлагаю объявить: «Строгий выговор» и снять с должности старшины группы! — компромиссный вариант наказания предложил завуч Юрий Лусь.

На этом и порешили. Вскоре Миша расписался в приказе, срезал бритвой нашивки старшины группы и стал рядовым курсантом.

Новым старшиной группы начальник мореходки назначил Виктора Семенова. Двадцатилетий, начинающий лысеть соломбалец Виктор Семенов был уже женат и имел частный домик с огородом. Нам, юнцам, он казался стариком. С первых дней учебы, еще до старшинства, прозвище «старик» закрепилось за ним до конца учебы. Это был нервный, вспыльчивый парень, увлекался мотоциклами и мотоспортом. К нам курсантам он относился снисходительно и терпеливо, часто отлучался на ночь под бок к своей молодой жене. Начальство смотрело на это сквозь пальцы. Ведь серьезных недостатков или нарушений за ним не числилось.

В ночь на Новый год новый старшина пригласил к себе в гости иногородних, тех кому некуда было пойти встречать Новый год.

Позаботился о том, чтобы каждому приглашенному нашлась пара, то есть пригласил такое же число местных девушек-соломбалок. Проводы старого и встреча Нового года были интересными и запоминающимися. Очень много танцевали под баян Миши Пылинского, под пластинки патефона. Много пели модных песен. За вечер все успели перезнакомится и сделать свой выбор, выразить свою симпатию к той или другой девушке, или девушка парню. Нравы тогда были строгими и всякие вольности или пошлости встречались неодобрительно.

Захмелевший то ли от спиртного, то ли от веселья, в избытке чувств, соломбалец Юра Теплухин закричал:

— Такой замечательной встречи Нового года у меня еще не было!

— И у мня тоже! И у меня тоже! И у меня тоже! — Этот клич подхватили и курсанты, и приглашенные девушки.

Хозяин Виктор Семенов, после всего застолья и веселья, уже под утро улегся с женой спать на русской печке. В доме им места не хватило. Всем курсантам постелили постель на полу, а девушкам тоже общую постель, но в другой комнате. Наверное, такой благопристойной и целомудренной ночи ни у кого из гостей больше не было.

* * *

Из новых предметов, появившихся на втором курсе учебы — термодинамика была самым нелюбимым предметом. Вел ее Владимир Калицкий, худой, щуплый, сгорбившийся старичок, обсыпанный мелом и перхотью. Термодинамику он знал в совершенстве, но передать свои знания ученикам был совершенно не способен. Выслушав рапорт дежурного, он обводил взглядом аудиторию и равнодушно замечал:

— Что-то маловато вас сегодня, надо бы проверить!

И тут же забывал о сказанном, хватал мелок и чертил на доске очередные диаграммы:

— Цикл Карно! Цикл Саботэ! Цикл Ренкина!

Слова и технические термины сыпались из него как горох из рваного мешка:

— Изохора! Изобара! Изотерма!

На доске, в системе координат, появлялись диаграммы, напоминающие сапожные колодки. Старичок распалялся и уже не знал удержу, стараясь выплеснуть все свои знания на головы ученикам. Его понимали всего два-три человека. Остальные занимались каждый своим делом. Баранов, всю ночь куковавший со своими невестами, улегся спать под вешалку, и полы шинелей прикрыли его с головы до ног. Турков бессмысленно уставился на доску, как всегда думая: какой галстук моднее с обезьянкой или с крокодилом? Теплухин и Шамаев на скамье под партой играли в «поддавки».

Коля Баранов неожиданно захрапел с присвистом. Хомченко еле дотянувшись толкнул его ногой. Храп прекратился, но лишь на время и всю операцию пришлось повторить снова.

Калицкий почувствовал, что говорит в пустоту. Остановился на полуслове, раскрыл классный журнал, сказал:

— Вот что, ребятки! Я вижу вы меня совсем не слушаете! Тогда, для разминки, немного поработаем на отдачу!

Он ткнул пальцем в конец списка и по слогам произнес:

— Курсант Хом-чен-ко, к доске!

Все замерли. Никто не поднялся с места. Хомченко, вначале онемевший от неожиданности, опомнился и кулаком ткнул в спину сидящего впереди отличника Шмакова: иди, мол, к доске, отдувайся за меня! Саша нехотя поднялся и направился к доске.

Саша уверенно начертил систему координат и диаграмму цикла и, без запинки выложил все, что рассказывал учитель полчаса назад. Преподаватель приятно удивился:

— Ну-ну! Хорошо! Пятерок я не ставлю, но четверку с плюсом вы, несомненно заслужили! Садитесь!

Сияющий Шмаков сел за парту, от волнения забыв, что заработал похвалу и хорошую оценку вовсе не для себя. Калицкий вновь склонился над журналом и вызвал следующего:

— Курсант Шмаков, к доске пожалуйста! Вам вопрос: расскажите цикл Ренкина!

Вот это да! Он что, специально в кошки-мышки играет? Или это простое совпадение? Впрочем, вряд ли этот лопух до такой изощренной мести додумается!

Пауза затянулась. Преподаватель повторил снова:

— Курсант Шмаков к доске! Расскажите нам Цикл Ренкина!

Волей-неволей пришлось идти к доске Хомченко. Он пытался что-то мямлить, тянуть время, надеясь на спасительный звонок на перерыв. Но преподаватель не стал слушать:

— Садитесь! Жирная двоечка! Выучить материал к следующему занятию!

В перерыв, взъерошенный, похожий на воробья, Шмаков наскакивал на Хомченко, сжимая маленькие кулачки:

— Все из-за тебя! Из-за твоих шуточек! Никогда в жизни двоек не получал! — Как исправлять буду?

— А если он мою внешность запомнил?

— Не расстраивайся! Пострадал за друга своя! Не всякий способен на такое! — съязвил Разулевич.

Если на занятиях Калицкого ребята чувствовали себя вольготно, то на занятиях Владимира Зубарева все происходило с точностью наоборот. Возможно все зависело от стиля работы преподавателя, а может быть и другое. Зубарев вел специальные предметы, знание которых были необходимы в будущей работе судового механика в ежедневной, практической работе. А термодинамику мы считали чистой теорией, мало пригодной для повседневной, практической работы. Зубарев и Калицкий когда-то были однокашниками, вместе заканчивали судостроительный техникум. В те времена такие специалисты очень ценились за теоретическую подготовку и широкий кругозор знаний. На занятиях Зубарева все слушали преподавателя, тщательно

конспектировали каждую фразу. Получить на экзаменах «тройку» по специальным предметам, или «упаси боже»! пользоваться шпаргалкой считалось позором.

Класс, где будущим механикам преподают предметы по специальности расположен на Южной стороне здания. Наступила весна и по жестяному желобку окна весело и звонко стучит капель, а иногда, в полдень льется непрерывной струйкой. Столы и парты завалены чертежами и плакатами, много макетов механизмов и машин. Два закадычных друга вспыльчивый и импульсивный Виктор Семков и всегда невозмутимый, унылого вида Володя Бубновский рассматривают макет огнетрубного котла. Макет выполняли не только специалисты, но и умельцы.

— Смотри-ка все точь-в-точь как у настоящего!

— Да уж! — мотает головой Володя в знак подтверждения сказанному его приятелем.

Семкова так и подмывает чем-либо расшевелить чересчур флегматичного друга и ничего не находит кроме дурацкой шутки:

— Как ты думаешь, рекомендуется раздвигать котел во время его эксплуатации?

Макет выполнен так, что можно раздвинуть обе половинки в разные стороны, для наглядности и обозрения внутреннего устройства.

— Ты что, дурнее себя ищешь? — неожиданно вспылил всегда невозмутимый друг, — Детей в чуме забавляй своими шуточками!

Это уже намек на внешность Семкова, и он не остается в долгу. Словесную перепалку друзей прерывает входящий в класс преподаватель Зубарев:

— Кто помнит, что такое топка Фокса-Моррисона и колечко Адамсона?

Вопрос ставит аудиторию в тупик, лишь с задней парты раздается несколько голосов отличников:

— Когда это было? При царе Горохе!

— Сейчас в моде атомные установки на подводных лодках!

— Историю забывать негоже! Меняются технологии, усовершенствуются двигатели, а принцип работы пара остается неизменным! — поправил преподаватель знающих отличников.

— Владимир Васильевич! — Расскажите о подводных лодках, как на прошлом занятии! — не вовремя высунулся Юра Теплухин. Он не выучил задания и ловким маневром пытался отвлечь Зубарева чтоб тот не вызвал его к доске.

— Намек понял! — рассвирепел преподаватель, — Теплухин к доске! Найди на столах чертеж и расскажи принцип работы прямоточных котлов!

И добавил ехидно: Те, что на подводных лодках стоят!

— Я не готов к ответу! — пролепетал Юра — можно завтра отвечу?

— Я уже завтракал! — съязвил преподаватель, склонившись к классному журналу. Сидевший за первой партой показал у себя за спиной средний палец:

— «Единица!»

Учеба учебой, развлечений никто не отменял. На этот раз самые активные в группе Хомченко, Пылинский, Романов, Баранов Шамаев, Мошков и Теплухин решили расширить свою зону развлечений и наведаться в клуб третьего лесозавода.

— Ребята! Не ходите туда на вечера отдыха! — предупреждал Володя Перминов, житель этого района, — Против вас готовится провокация!

Володя жил с матерью около озера, в маленьком частном домике и хорошо знал все местные новости.

— Ничего! Волков бояться — в лес не ходить!

— Второй лесозавод уже надоел, надо обстановку сменить!

— Может девушки, там симпатичнее!

— Напрасно! — бурчащим баском говорит Володя, хлопая рыжими, почти белесыми ресницами, — там верховодит сынок начальника милиции, тот еще отморозок! Вас поколотят, да вы же и виноватыми будете!

Перминов искренне хочет уберечь своих товарищей от неприятностей, хотя и понимает, что переубедить их невозможно.

После небольшого и неинтересного концерта местной художественной самодеятельности, начались танцы. С первых минут курсанты почувствовали недоброе.

— Гражданские парни кучкуются и перешептываются! Надо быть осторожнее! Готовиться к худшему! — сообщил «разведчик» Шамаев.

Симпатии девушек были явно на стороне морячков и танцуя предупреждали шепотом:

— Уходите! Сейчас же уходите! Мы так за вас беспокоимся!

— В открытую показывают металлические прутья и кастеты!

— Бегите, пока не поздно!

Юра Романов незаметно собрал у своих ребят номерки из раздевалки, чтобы без шума и суеты одеться и убежать из клуба.

— На всех морячков шинели берете? Не спешите, к концу вечера интереснее будет! — гардеробщица искренне сожалела что такие, вежливые и бравые парни уходят одни, без местных девушек.

— Мы еще вернемся и самых красивых невест с собой заберем! — отшутился Романов.

Курсанты незаметно, по одному, покидали зал выходили,

одевались, готовились к быстрому отступлению. Лесозаводские заводилы слишком поздно поняли, что их перехитрили. Десятка два парней не одеваясь бросилась в погоню. Бежали что есть мочи по направлению трамвайной остановки. Одни старались убежать, другие — догнать. Преследователей было раза в три больше. Цепочка бегущих растянулась на добрую сотню метров, а то и более. Вагоновожатая трамвая, почуяв неладное, притормозила и ждала.

Бежавший последним Пылинский, резко остановился, обернулся и выбросил правый кулак вперед. Преследователь, получивший сильный удар в переносицу, рухнул как сноп. Бежавшие за ним, натыкались на лежащее на мостовой тело и кубарем катились через него с воплями ярости и матюгами. Выиграли нужные для посадки в вагон необходимые секунды времени. Трамвай тронулся, по обе стороны путей злобствовали лесозаводские, впустую махая кулаками и выплевывая ругательства:

— Мы вас еще подловим! Придет время!

— Тоже мне морячки! Как зайцы побежали!

— Стало быть боятся пехоты!

Один из них показал известный всем жест: поднятый вверх средний палец.

— Мамочке своей вставь! И покрути там! — Шамаев за словом в карман не лез и умел дразнится лучше, чем кто-либо.

В кубрике рассказав всем о случившемся ребята предупредили Перминова:

— Смотри, как бы они на тебе свою злость не выместили! Ведь догадываются, наверное, кто их намерения выдал!

— Да кто они такие? — бурчал своим баском Володя, — Сезонники, временно принятые на работу в водный и лесопильный цех! Уверен, что среди этих поганцев постоянных жителей поселка не было. Пусть только пальцем тронут! Мигом головенки пустые открутим!

* * *

В здании Мореходной школы не было зала, пригодного для проведения вечеров отдыха, собраний или других массовых мероприятий. Спортивный зал вмещал 60–70 человек и то сидящих на скамьях и стульях. Где уж тут думать о танцах под духовой оркестр или концерты. Походы в чужие клубы, на чужие мероприятия, часто заканчивались банальной потасовкой. Девушки всегда отдавали предпочтение ребятам в морской

форме, а это злило и бесило «гражданских».

Поэтому администрация вскоре задумалась об аренде вместительных залов для разных праздников, торжеств и вечеров отдыха. Самым подходящим для этой цели местом оказалось старое здание интер-клуба, школа № 4 и клуб АГЖД.

— Они за аренду такую цену заломят, что наш скромный бюджет затрещит по всем швам! — усомнился в целесообразности главный бухгалтер.

— Бог не выдаст, свинья не съест! — отшутился начальник.

— Сейчас дефицит на все и вся! Попробуем через бартер! Зимой здание интернет-клуба все равно пустует, и рачительные хозяева должны откликнуться на наше предложение! Администратора интер-клуба долго уговаривать не пришлось: он запросил 70 литров олифы и 10 килограмм белил для предстоящего ремонта здания.

— Ну что, потянем на такую цену, или откажемся?

— Потянем! Это еще по-божески, другие еще больше запрашивают! — дал «добро» главный бухгалтер.

Александр Семенович довольный сделкой разоткровенничался:

— Хотел нам все здание в аренду сдать! А зачем нам все здание, нам нужен только зал, да вешалка! За каждый рубль торговаться приходится!

Самый главный вопрос об аренде здания был решен. Остальные вопросы стали как бы второстепенными: составление программы вечера, выступления хора, художественной самодеятельности все было отрепетировано и опробовано много раз.

Пригласительные билеты разослали учебным заведениям, с которыми были в постоянном контакте и дружбе: медицинское училище, Рыбопромышленный техникум, торговое училище и даже на швейную фабрику.

— Чем больше будет выбор, тем лучше!

— В рыбопромышленном много парней, а вдруг они явятся на наш вечер? Пускать их?

— Гражданских парней не пускать! Нечего им тут делать!

Зал старого деревянного здания «Интер-клуб» находился в самом начале Поморской улицы. Летом, сюда в автобусах привозили для отдыха иностранных моряков со всех судов, стоящих у причалов Архангельска. Развлечения соответствовали духу того времени: буфет с русской водкой и бутербродами с икрой, короткометражные фильмы с переводом, газеты и журналы на разных языках, организовывались даже танцы с самыми «отчаянными» девицами Архангельска.

Если летом посетителей интер-клуба было немного, то зимой и вовсе никого не было. Поэтому администрация легко соглашалась на аренду зала.

В назначенный час к «Интер-клубу» начали стекаться стайки девушек. Без всяких формальностей, стоящие у дверей дежурные пропускали их с короткими подсказками:

— Раздевалка — направо! Туалеты — налево!

Из зала, со второго этажа уже слышались негромкие пробы духовых инструментов.

— Все раздевалки заполнены! Двести мест! Надо дополнительные вешалки ставить!

Ответственный за проведение вечера завуч Юрий Лусь, рослый массивный, начинающий лысеть мужчина — голос его под стать внешности, громкий раскатистый бас. Как бывший капитан пароходства, он преподает только на судоводительском отделении и пути с судовыми механиками у него пересекаются редко, только при разборках чрезвычайных происшествий или конфликтов.

— Дополнительно вешалки закрепите! Не дай Бог упадут! Испачкаем девушкам одежду! Испортим настроение! — гремит голос завуча уже со второго этажа.

Быстро закончился концерт художественной самодеятельности. Насыщенный, интересный. Гости усердно аплодировали каждому номеру, но все ждали основной части вечера — танцев под духовой оркестр.

К зеркалам в коридоре выбегали самые нетерпеливые, поправляли форму, ремень, прическу, пялились на свое отражение в зеркале: каков я со стороны, понравлюсь девушкам?

Витя Семков, больше других сомневающийся в своей привлекательности, то рукой, то расческой поправляет черные, прямые непослушные волосы обещает своему отражению в зеркале:

— Сегодня обязательно приглашу на танец девушку, а может быть и до дому провожу, если она согласится!

Краснощекий как помидор, с пухлыми губами Гена Сивков откровенничает:

— А мне на входе беленькая девушка понравилась! Натуральная блондинка! Как стрельнула серыми глазами, так сердце насквозь и пробила!

Володя Бубновский, высокий и нескладный, мнется в стороне и к зеркалу старается не подходить. Зачем лишний раз расстраиваться и слышать смешки в свой адрес?

— Эй, граф Бубновский Де Вова, — зовет им самим придуманным прозвищем своего друга Виктор Семков, — иди

сюда, поделись своими планами на вечер!

Бубновский отмалчивается и отступает в тень. Планов на вечер у него никаких нет, а непринужденность и откровенность друзей смущает.

Из зала послышались волнующие звуки духового оркестра.

— Ну чего стоишь? Только что трепался: обязательно приглашу девушку на танцы! И до дома провожу! А сейчас сдрейфил? Твою девушку уже другой, более расторопный пригласил! — Бубновский уколол своего друга в самое больное место.

Как подстегнутый кнутом Семков рванулся в зал, на этот раз даже забыв еще раз глянуть в зеркало.

Через несколько минут Семков вернулся раскрасневшийся и очень-очень довольный:

— Вы представляете! Только что танцевал и у меня все получалось! Оказывается, это не такая уж и сложная наука! Главное двигаться в ритме музыки!

— И не наступать девушке на ноги! — подхватил повествование Семкова Гена Сивков под дружный смех присутствующих.

— Что ж бывает и такое, когда танцуешь первый раз и очень смущаешься! У меня, например, был такой случай! Надеюсь девушке было не очень больно — признался Иньков, — а мне было очень стыдно!

— Хорошо, что сегодня ребят из спецгруппы судоводителей нет!

— Они бы нам весь вечер испортили! — Володя Новоселов все никак не мог забыть старую обиду, когда Вася Коваленко отбил у него подругу и соблазнил ее.

— Да-а! С курсантами из спецгруппы соперничать трудно! Они ведь старше на целых три года! — примирительно заметил Аркаша Перфильев, — молоденьким девчатам ребята постарше нравятся!

— Хватит теорией заниматься! Лясы точить! Поедем танцевать! А то без невест останемся! Всех расхватают!

Все дружно направляются в зал, танцевать, знакомиться с девушками. У зеркала остается один Володя Бубновский. Посмотрел на свое отражение и первый раз подумал:

— И для меня есть девушка, которая найдет меня самым привлекательным в мире парнем!

И вскоре, такая девушка нашлась.

* * *

В процессе учебы ничего существенного не произошло и не изменилось. Старший преподаватель Зубарев находил новые методы и способы приблизить молодых ребят к производству. На дальнем причале судоремонтного завода стоял старый, изрядно потрепанный за десятилетия работы в арктических морях траулер. Все работающие механизмы были с него давно сняты для нужд других судов, остался корпус судна, да паровой котел, пока еще годный да эксплуатации. Котел использовали для отопления цехов завода в зимнее время. Тральщик когда-то имел свое название, а сейчас даже название потерял и значился в официальных документах как «судно-отопитель». Для краткости называли еще проще: «отопитель».

Зубарев вошел в класс с новостью:

— Есть возможность всем поочередно, по два человека в день побывать на «отопителе» поближе познакомится с работой котельной установки! Желающие или отказники есть?

Конечно, отказников не было, каждому хотелось увидеть «будущее место работы», будущих подопечных-подчиненных кочегаров. Все-таки теория и плакаты одно, а производство — другое! С предложением согласились все, отказников не было.

— Ну если все согласны, то будете ходить на «отопитель» по списку. Завтра идут курсанты Березин и Бубновский. Конечно Березин и Бубновский не самые бойкие и активные ребята, скорее наоборот. Но порядок есть порядок, жребий брошен! Остальные пойдут за ними, как в классном журнале.

— А нас на завод пропустят? Там пропускной режим!

— Что взять с собой и какая одежда?

— Пропуска оформлены всей группе. С собой возьмите только курсантский билет! Форма одежды — рабочая! Вопросы есть?

Всем все понятно. Торопить время не стоит, все успеют побывать на «отопителе». Быстро успокаиваемся и переходам на другие темы.

В ковше судоремонтного завода стоял, вмерзший в лед тральщик, ржавый, обшарпанный с помятыми бортами. Досталось ему на своем веку! Казалось, что на нем никого нет, но темный дым из трубы да шипенье пара указывала, что в его чреве идет постоянная работа.

Уже немного осмелев, оба курсанта прошли на корму в жилые помещения. С трудом открыв наглухо задраенную дверь спустились по трапу к дверям кают.

— Кто вы и зачем сюда пришли? — человек в комбинезоне и вязаной шапочке высунулся из двери одной из кают с надписью «Механик».

Услышав ответ, засмеялся, утвердительно кивнул:

— Знаю Зубарева! Он меня тоже когда-то учил! Не так много лет прошло, но все его занятия помню и конспекты сохранил.

— Шинели можете снять и оставить здесь! По трапам полами шинели не очень удобно мести! Никуда они не денутся! — Вахтенный механик оказался словоохотливым и предупредительным человеком. Хотя Бубновский и Березин мало чего понимали из его объяснений, но делали вид, что все понимают.

— Сейчас пройдем в преисподнюю, то есть кочегарку! Здесь работают ваши будущие подчиненные-кочегары. С их работой ознакомьтесь поподробнее! — механик открыл дверь в кочегарку и повел Березина и Бубновского по узкому проходу. Вверху что-то шипело, пробивался пар, кое-где капала горячая, как кипяток, вода. Осторожно следуя за механиком Бубновский спросил:

— У вас всегда так сверху капает и шипит?

— Да нет! Надо прокладку сменить, да все некогда, пар на завод не перекроешь в морозы! В миг где-нибудь прихватит и все цеха разморозим! Проблема!

— Эй, Костя, принимай гостей! — крикнул механик невысокому чумазому кочегару с грязным полотенцем на шее, — Попрактиковаться к тебе пришли!

— Угу! — одобрительно буркнул кочегар, — у меня как раз средняя топка на прогаре! Пусть почистят среднюю топку и поддувала и если силы останутся поднимут шлак и золу на палубу! Хорошая будет практика!

Ребята не почувствовали насмешки в речах кочегара и рьяно принялись за работу. Надо сказать, что средняя топка самая неудобная для ее чистки. Приходится стоять на коленях вытаскивая гребком, сплавившиеся от высокой температуры, куски шлака.

Вскоре измокли от пота даже рукавицы, не говоря об остальной одежде. Жар от сплавленного шлака жег лицо, проникал даже через одежду. Толя Березин выдохся быстро, передал кочегарский гребок Бубновскому: «Теперь попробуй ты!»

Вскоре выдохся и Бубновский. На чистку золы из поддувала уже не хватало сил у обоих.

— Ладно! Вы еще сыроваты для такой работы! — сжалился Костя кочегар, — А в море еще труднее будет! Качка, морская болезнь, небо с овчинку покажется!

— Ну как там на отопителе? Интересно? — однокурсники окружили первопроходцев и хотели слышать положительный ответ.

— Ничего хорошего! Тяжко и жарко как в аду!

Восторгов от возможности побывать на отопителе заметно поубавилось.

— Пойду, посмотрю, как экскурсант, а топку чистить не буду! Не на кочегаров учимся, на механиков! — первым дал «задний ход» Виктор Иньков. Эту позицию молча одобрили все.

* * *

Трембач и Егоров купили фотоаппараты и увлеклись фотоделом и стали выпускать сатирические фотогазеты. Понятно, что объектом для критики и сатиры стали курсанты, нарушавшие дисциплину, распорядок дня, форму одежды. Каждый сатирический снимок сопровождался стишками, с далекой от настоящей поэзии рифмой. Оба фотографа старались выбрать момент не самый удачный для курсанта.

Снимок Юры Романова, лежащего в грязной тельняшке на металлической сетке кровати без матраса, и с стопкой книг под головой вместо подушки, прокомментирован так:

— Романы можно всем читать! Но только не Романову!

— Бездарные стишки! — кипел и возмущался Юра Романов, — Почему мне нельзя читать романы? Да и не романы у меня под головой были, а учебники!

А Коля Баранов попал в кадр на трамвайной остановке, на фоне пивного ларька, стишок гласил:

— Если выпить захотел,
Не проходишь мимо!
И вчерашний алкоголь,
Зальешь безалкогольным пивом!

Коля Баранов возмущался еще больше:

— Я трамвая ждал, из военкомата повестка пришла и опаздывать нельзя было! А тут этот сатирик появился!

И стихотворение по смыслу бездарное! Пиво безалкогольным не бывает!

Мне тоже досталось от сатириков. Как-то вдвоем с Веней Волковым мы возвращались из столовой без строя, по одиночке. А это нарушение Устава. Сатирики в этот момент не дремали вскоре появилось два снимка обоих нарушителей, шествующих как гражданские люди по одиночке с надписями в стихах:

— Вася парень всем хорош!
И об этом каждый знает!

А если дисциплину нарушает,
То это Веня Волков подтверждает!

Мы с Волковым не возмущались и не комментировали содержание фотогазеты. Что было, то было и снимки зафиксировали этот факт. Чего возмущаться?

Преподаватель физкультуры, молодящаяся блондинка, уже в который раз на занятия не явилась. У нас появилось свободное от занятий окно.

— На кой лад нам эта физкультура? Школяры мы, что ли? Все в спортивных кружках занимаются, бокс, классическая борьба, самбо. Чего еще надо! — Возмущался Юра Романов.

— А чего возмущаться? Урока нет, у нас свободное времяпровождение! Занимайся каждый чем хочешь! Разве это плохо?! — примирительно заметил Веня Волков.

— Да тихо вы! И по коридору не бродите! — цыкнул новый старшина группы Виктор Семенов, — увидит какой-нибудь ретивый командир или воспитатель и на хозяйственные работы пошлет! Ишачить захотелось? Работа для дураков всегда найдется!

Все смолкли. Действительно, кому охота вместо теплого и уютного класса пилить, колоть дрова или убирать снег с катка лопатами?

— Ребята, смотрите какая краля на катке появилась, с санками и с ребенком! Я такой на Фактории еще не встречал! — восторженно закричал Сивков, глядя на каток в окно.

Действительно, по периметру залитого катка, где лед, слившийся со снегом был не таким скользким, прогуливалась стройная молодая женщина, волоча за собой саночки с малышом.

— Ух ты! Действительно краля! Куколка на загляденье! — первым облизнулся Хомченко, — Чур моя!

На ходу надевая шинель и шапку Аркаша стремительно рванул на каток, как гончая, почуявшая дичь.

— Аркаша, урок же! Всех нас подставишь! — успел пустить вслед старшина Семенов. Но завзятый ловелас был уже на улице и не слышал увещеваний старшины. Мы со своих мест наблюдали, как Хомченко подошел к женщине и завязал разговор. Что-то рассказывал, улыбался, жестикулировал. Потом попытался взять поводок санок и покатать малыша. Женщина отрицательно покачала головой и поводка не дала. Видимо, наш главный сердцеед никакого впечатления на нее не произвел. Аркаша вернулся в класс явно расстроенный и удрученный:

— Крепкий орешек! Долго ухаживать придется!

— Ой, ой, ой! Из-за одной смазливой бабенки всполошились! — заворчал Коля Баранов, — вон сколько бесхозных девушек вокруг ходит и вашего внимания ждут! Пусть не очень смазливые, но девушки же!

И тут Коля добавил свою знаменитую присказку «О личике овечьем и плоти человечьей»! рассмешив и растормошил, всех. Через некоторое время женщина с ребенком на саночках, встретилась мне на катке. Меня всегда забавляли и умиляли малыши. Из пальцев правой руки я состроил собачку, с ушами, пастью и показал малышу как она кушает из ладони, другой руки, изобразил собачий лай. Наверное, это представление произвело впечатление. Малыш завизжал от восторга и протянул руки, чтобы потрогать «собачку».

— В душе вы сами еще ребенок! — заметила дама и дала поводок от санок, наверное, в знак доверия. Я катал малыша по периметру катка, шагом, рысью, галопом до тех пор, пока мамаша не остановила это веселье.

— Пока на сегодня хватит! Ему обедать и спать пора!

А он очень перевозбудился!

Выражение «на сегодня хватит!» мне показалось обещающим. Само собой, получилось, что я проводил мамашу и малыша до их дома. Это был двухэтажный деревянный дом, стоящий у насыпи трамвайных путей.

— Заходите в гости! — неожиданно пригласила меня женщина, — Муж у меня в море, старшим помощником капитана работает!

Я узнал, что зовут ее Ирина Федоровна, она врач педиатр, работает в поликлинике второй год после окончания мединститута. Я назвал только свое имя.

— Василий? Значит царственный — улыбнулась женщина.

Я не знал тогда значений русских имен, смутился, покраснел и подумал про себя: Почему царственный? Что во мне царственного?

— Я не прощаюсь! Может еще встретимся! — Женщина с санками и ребенком вошла в подъезд дома, наверное, мне следовало помочь подняться на второй этаж. Но в силу своей стеснительности, постоянной застенчивости, не сделал этого.

Однокурсники видели все мои приключения на катке. Аркаша Хомченко с удивлением и с уважением сказал:

— Ну ты и ходок! Тихоня тихоней, а такую кралю захороводил! Чудеса, да и только!

Ирина Федоровна не раз снова появлялась на катке, некоторые смельчаки подходили к ней в надежде познакомится. Напрасно.

Некоторое время спустя, она исчезла из нашего поля зрения. Ее сосед Володя Новоселов, знающий всех и вся про жителей Фактории, поведал, что молодая супружеская пара получила новую квартиру в центре города и переехала на новое место жительства.

Через неделю на очередные занятия по физкультуре явилась наконец-то преподавательница:

— Извините ребятки, несколько занятий я у вас пропустила, была очень занята на основной работе! Преподаю спортивные танцы в пединституте!

Услышав недовольный ропот обратилась ко всем:

— Вы хотите что-то мне сказать? Говорите, но только по существу и по одному!

— Мы не школяры, чтобы учиться гимнастике или ходьбе на лыжах!

— Нам ваш предмет не нужен!

— Чему вы можете научить, мы уже научены в школе!

Услышав такое дружное и яростное сопротивление учительница не удивилась, казалось, она была готова к этому:

— Есть программа обучения, я ее не могу отменить! Обращайтесь к начальнику Александру Семеновичу!

Александр Семенович на все наши претензии, к преподавателю и к самой физкультуре ответил коротко:

— Не в моей компетенции! Программу утверждает министерство. Если недовольны преподавателем, то могу заменить!

Вскоре появился новый физрук, молодой, улыбчивый, симпатичный. На уроках сыпал анекдотами, порой неприличными, но занятия проводил регулярно. Зимой — лыжи. Летом — бег на дистанции по времени.

— Э-эх! Зря мы свою преподавательницу критиковали! Пропускала занятия? Ну и ладно, зато у нас больше свободного времени было! Письма домой регулярно писали в шахматы и шашки играли, на прохожих глазели! — перечислял Володя Турков, любивший полную свободу и незанятость, — А теперь от свистка до свистка гимнастикой занимаемся! Никогда не поймешь, что хуже, а что лучше!

— Философствуй поменьше! Все мы философствовать мастера! — На этот раз Коля Баранов не нашел никакой присказки в подтверждение своих слов. Полемика о пользе физвоспитания заглохла.

* * *

— На завтра назначен строевой смотр! Будем проверять форму одежды, строевую выправку, строевой шаг! — воспитатель обводит шеренгу испытывающим взглядом глубоко посаженных глаз, как бы проверяя реакции подопечных на свое сообщение.

Все это для курсантов не новость: приближаются Первомайские праздники и после строевого смотра будет долговременная тренировка и муштровка: Ножку выше! Голову прямее! Правая рука до пряжки ремня! Левая назад до отказа!

Есть ребята, у которых внешние данные ну прямо армейские.

А вот строевой шаг им, никак не дается. Машут руками как вертолет лопастями, ногу сгибают в коленках! Тут строевики-наставники впадают в транс:

— Сколько раз вам говорить! Показывать! Ведь это так просто!

Николай Трембач переводит обучение на другую тему:

— Последнее время много нарушителей формы одежды! Ботинки, пряжки ремней, пуговицы не чищены! Брюки разной ширины! Начальник очень недоволен вашим внешним видом! Должно быть однообразие, по Уставу!

Из задней шеренги слышится недовольный ропот. Но в строю высказываться не положено. Поэтому, воспитатель дает команду: Вольно! Разойдись! Что вы там хотели сказать?

— Надо выдавать курсантам все что положено!

— Щетки для одежды, для обуви, гуталин!

— Средства для чистки пряжек и пуговиц, трафаретки!

Воспитатель мнется перед строем, претензии основательны и справедливы. Но он не знает, как их выполнять, для этого нужна власть повыше. Поэтому, чтобы смягчить обстановку пытается шутить:

— Мне ваши претензии записывать, или так запомнить? — Шутку не приняли, а Гера Копытов добавляет:

— Тогда запишите еще носовые платки! Они тоже по Уставу положены!

— Мы все эти «мелочи» в военторге за свои деньги покупаем. Денег у нас не так уж много! — Это Аркаша Хомченко пустил «последнюю пулю» в воспитателя.

Перед отпуском, каникулами ребята покупают по своей инициативе в «Военторге» золотистые якорьки и курсовки на рукава, другую мишуру, чтобы предстать перед местными девушками в полном блеске. А вот купить одежную или сапожную щетку никогда не раскошелятся. Они положены нам по Уставу!

В день строевого смотра две шеренги нашей группы судомехаников выстроилась по ранжиру. Около недавнего набора «салаг» крутится воспитатель, прозванный «карапузом» за пухлые

розовые щечки, круглый животик и объемистый задок. Разговаривать в строю как известно не положено, но если говорить тихо, не поворачивая головы к слушателю-то можно!

— Смотри! Смотри! Карапуз такое рвение проявляет! До земли нагнулся, с его то животиком! Рассматривает обувь почищена ли! — шепчет Тестов соседу Теплухину.

— Да у него самого обувь не чищена! Соль на ботинках выступила! — хихикнул Теплухин.

— Струя слабая у «карапуза», вот он и поливает себе на ботинки!

Начальник, как будто услышав насмешников, подзывает воспитателя, показывает пальцем на его обувь и что-то тихо втолковывает. «Карапуз» рысцой бежит в здание учебного корпуса, чтобы исправить оплошность. Только ни щетки, ни гуталина там нет, и он тряпочкой, смоченной в воде, смывает с обуви соляной налет.

Николай Трембач доволен выправкой своего взвода, даже брюки у всех оказались одинаковой ширины. Начальник тоже доволен и, улыбаясь, грозит воспитателю указательным пальцем. Втолковывает что-то. Без этого нельзя: начальство видит любую мелочь, на то оно и начальство!

Возвращается «карапуз» в вымытой обуви и тоже продолжает проверять форму и выправку своих «салаг»

— Вид у них больше гражданский, чем морской!

— Но ведь и мы год назад такими же были!

Теплухин, не поворачивая головы, шепчет мне:

— Вчера, «Карапуз» вел своих салаг в столовую с расстегнутой ширинкой!

— Иди ты! У морских брюк и ширинки то нет!

— Он в гражданских брюках был, а в ширинку видны были казенные кальсоны!

— Он же пять лет на флоте служил! Не может быть такого!

— Как же! Служил на берегу, в хозяйственной роте! Хлеб резал в хлеборезке! Потому и упитанный!

Наверное, мы увлеклись разговором и превысили голос выше допустимого:

— Разговорчики в строю!

Мы замолкаем, впереди столовая, обед и настроение хорошее.

* * *

— Перчатки совсем маленькие! Из детского садика что-ли

привезли?

Виктор Семков пытается натянуть белые перчатки на свои широкие кисти рук. Хотя ростом он маловат, но кисти как лопаты.

— А ты смочи их в воде, влажные они легче натягиваются! — посоветовал Боря Житков, — Ну и лопаты у тебя, больше моих! Где нашел такие?

— Мне что, ночевать в них? — снова кипятится «рукастый» курсант, и просит у товарищей обменяться на размер побольше. У всех такие же проблемы, но каждый справляется с ними по-разному, но меняться никто не хочет. Скоро Первомай, надо готовить к демонстрации одежду, обувь, головные уборы, чтобы все смотрелось соответственно. Демонстрации проходят два раза в год в Октябрьские и Первомайские праздники. Хотя это обычное шествие в колоннах предприятий, курсанты называют это действие «парадом». А как же иначе? Идут по площади строем печатая по-военному шаг, в морской форме, под духовой оркестр, после приветствия диктора кричат: «Ура!», «Ура!», «Ура!»

Это вам не толпа демонстрантов, разного возраста и пола, в разношерстных одеждах с плакатами и портретиками вождей в руках. Колонна курсантов выглядит как колонна военных, и даже лучше из-за молодости, старательности и предпраздничных тренировок.

Нам больше нравится Первомай, чем Октябрьские праздники. Весна в самом расцвете, снег растаял и теплое солнышко целый день. Уже перешли на летнюю форму одежды и вместо надоевших шапок-ушанок и шинелей надели бушлаты и бескозырки.

— Ну как? — спрашивают друг друга ребята, сменив форму и вдоволь повертевшись у зеркала.

— Прекрасно! Прямо картинка! Плакат из гарнизонного магазина! Все девушки твои! Нам ничего не останется! — шутят остряки, разглядывая очередного щеголя.

Подготовка к параду начинается задолго до праздников. Ведь кроме форменной одежды нужна соответствующая выправка и строевой шаг.

Тренируются группы отдельно друг от друга, это уже потом, накануне праздника, соберут сводные колонны всей мореходки и проведут последние тренировки.

Худой, как лыжная палка, но строгий и серьезный Николай Трембач старательно муштрует группу механиков. Ему не нравится внешний вид и строевой шаг правофланговых Березина и Бубновского.

Конечно, оба парня рослые, но Бубновский, при парадном шаге мотает головой, как лошадь, отгоняющая слепней, а у

Березина руки двигаются, как-то коряво и не в ритм. Трембач меняет правофланговых, и кое-что начинает получаться.

Начинаются общие тренировки. Дорога по Ленинградскому проспекту не грунтовая и не асфальтированная, а покрыта толстыми и прочными досками. Это прочный деревянный настил, который легко заменить. Частных машин в ту пору почти не было, а грузовые машины в выходные дни отдыхают вместе со своими водителями. Поэтому, дорога по Ленинградскому проспекту от Фактории до второго лесозавода превращается в прекрасный плац для тренировок.

Растаяли последние корочки тонкого ночного ледка и над деревянной дорогой вьется легкий парок от высыхающей влаги. Впереди сводной колонны духовой оркестр, золотом сверкает начищенная медь труб. Огромный барабан, диаметром равным росту барабанщика висит на широком ремне у него на плече.

Барабан — основной инструмент для строевого шага. С его удара начинается движение колонны. Совсем как у поэта Маяковского: «Левой»! «Левой»! «Левой»! Сам начальник стоит на обочине дороги в черной шинели и фуражке с золотыми листьями на козырьке. Он внимательно смотрит на проходящие колонны и что-то записывает для памяти. Потом подзывает командиров, воспитателей и втолковывает сердито:

— Вот того, крайнего, во второй шеренге курсанта спрячьте в середину! Вид у него нестроевой, штатский!

— Будет сделано! — берет под козырек ответственный за строевую подготовку и спешит выполнить ценное указание.

— А вот того в наряд на праздники поставьте, руками размахивает как вертолет! Трибуны насмешит!

— Учтем, Александр Семенович! — берут снова под козырек ответственные командиры.

— А на последнюю репетицию белые перчатки одевать? — командиров мучает и этот, неизвестный для них выбор.

— Не нужно! Перчатки выстираны, высушены, подогнаны! Еще чего доброго до демонстрации запачкают! Негоже!

Начальник дает отмашку, и сводная тренировка заканчивается.

Командиры разворачивают свои колонны по направлению к столовой. Музыканты спешат сдать свои инструменты в кладовую на хранение. После обеда, согласно расписанию, — увольнение в город.

Рано утром, в день Первомая, после завтрака, подошел специально выделенный трамвай для курсантов-демонстрантов. Кондуктор объявила по трансляции вагонов: Трамвай едет в центр города без остановок в пути! Приглашаем на посадку

только курсантов, едущих на демонстрацию!

По меньшей мере сотня человек втиснулась в два вагона. Когда тронулся трамвай, с восторгом запели:

— Наверх мы товарищи, все по местам,
Последний парад наступает!

Но вскоре смолкли, не ладилась песня, не к месту, не ко времени. Запевала сменил репертуар и запел белее современную:

— Когда весна придет не знаю,
Пройдут дожди, сойдут снега!

Песню с восторгом подхватили в обоих вагонах дружно, саженно и голосисто. До города, с воодушевлением успели спеть еще несколько песен.

— Это был мой самый лучший и веселый рейс в моей жизни! Такие молодые моряки, а так душевно и голосисто пели! Согласна каждый день таких пассажиров возить, даже бесплатно! — Расчувствовалась женщина-кондуктор, — с праздником вас!

Построившуюся колонну завели в небольшой переулок. Стояли и ждали своей очереди выхода на площадь Профсоюзов к трибунам.

По команде «Вольно!» покурили, позубоскалили. Несколько городских ребят, пользуясь неразберихой, смылись домой.

— Что вы себе позволяете?! С такого мероприятия уходить категорически запрещено! Узнаю кто это сделал — накажу! — грозился ответственный за проведение демонстрации. Но все понимали, что это вопль бессилия. Это дело добровольное, как утверждают наши воспитатели.

Наконец-то началось долгожданное движение. Выстроились в походную колонну в считанные секунды. Музыканты встали в голову колонны. Приноровившись к громким ударам барабана многие сменили ногу. Грянул веселый и задорный «Марш нахимовцев».

Перед руководителями на трибуне все выпятили грудь, без команды сделали «равнение» направо. А после поздравлений невидимого оратора, дружно и громко прокричали: «Ура», «Ура», «Ура»!

— Что это за военные? — поинтересовался стоящий на трибуне Первый секретарь обкома, — по виду совсем мальчишки, а маршируют так браво, прямо залюбуешься выправкой!

— Соловецкие юнги! — подсуетился самый расторопный из свиты секретаря. По-видимому, придворные первого лица не знали, что Соловецкая школа юнг давно расформирована.

* * *

Очень часто нашим руководителям и администрации мореходки приходили в голову хорошие идеи, а порой и вздорные. И те, и другие приходилось исполнять.

Начальник как-то загорелся новой идеей. Она у него зрела давно и могла бы вылиться на других, но досталась именно нам. На очередном построении, перед шеренгой озвучил ее:

— Палисадник у нас совсем голый! Ни клумбы, ни деревца! Одна сорная трава, да крапива летом вырастает. Воскресенье объявляю рабочим днем! Съездите в лес за саженцами! Здесь лучше всего тополюки приживутся!

Бывалый грузовик, с зеленым, защитного цвета кузовом, уже стоит во дворе, словно поджидая нас. Каких только работ на нем мы не выполняли! Возили олифу, краски, глину, цемент, песок! Ездили в прачечную: отвозили и привозили белье, на склады за обмундированием. Всего не перечислишь. И шофер один и тот же в неизменной короткой фуфайке, брюках галифе и кирзовых сапогах. Он неразговорчив, флегматичен, но очень трудолюбивый и хозяйственный. При дефиците запчастей содержит свой любимый и трудолюбивый грузовичок в постоянной готовности к работе.

Мы называем его попросту: «дядя Ваня!»

— Не шалите там, в кузове! А то вывалитесь на дороге, а мне отвечать за вас придется!

— Не бойся, дядя Ваня! — мы побросали лопаты и носилки в кузов, уселись на скамейки напротив друг друга. Машина тронулась и вырулила со двора. Когда здание мореходки исчезло из вида Володя Шамаев запел свою любимую, уральскую:

— Все кирпичики, да кирпичики,
А когда же споем про Шанхай?
Шанхай город был, с крупной центрою,
Твоя слушай, моя не мешай!

Все дружно подхватили незамысловатую песню, с популярным и одинаковым для многих песен, мотивом. С песней, пусть неказистой, работа легче спорится. Мелькали по сторонам деревья и кусты Юросской дороги, прогрохотал под колесами

деревянный Юросский мост.

Свернули налево по грунтовой дороге в лес. Вдали виднелся грибок и под ним фигурка человечка, укутанного в зеленую плащ-палатку. Самые резвые и задиристые стали показывать «Зеленому человечку» языки, «натягивать носы», всячески задирать и дразнится. Вдруг тишину леса разрезали резкие, отрывистые хлопки выстрелов:

— Господи! Да это же часовой!

— И, кажется, стреляет по нам!

Все рухнули ничком на дно кузова, как будто деревянные борта могли защитить нас от пуль. Десятки рук мгновенно забарабанили, застучали по кабине шофера. Машина остановилась. Из-под грибка к нам направился солдатик в каске, плащ-палатке и с автоматом наперевес:

— Куда едем? Здесь запретная зона! Нужен специальный пропуск!

Дядя Ваня из внутреннего кармана фуфайки достает все имеющиеся у него документы: права, путевку и пропуск в режимную зону.

— Все в порядке! — внимательно изучив документы объявляет часовой, — Перед постом надо было остановиться и предъявить документы! По обоим сторонам дороги специальные плакаты установлены! Внимательнее надо быть!

— Я не видел объявлений! — оправдывался дядя Ваня, изрядно струхнувший от того, что попал в такую переделку, — в следующий раз учту!

Поехали дальше, глубже в лес. Похохатывали, вспоминая случившееся:

— Он же в воздух предупредительные выстрелы делал, пытался нас остановить! Так положено при въезде в охраняемую часовым зону!

— Все равно салага и новобранец! Старослужащий никогда бы стрелять не стал!

— Перепугались? — Шамаев растянул в улыбке свой широкий рот, — небось небо с овчинку показалось?

— Ой, ой, ой! А сам-то первым в кабину кулаками застучал! Наверняка все кулаки ободрал!

— А ты первым в кузове на дне растянулся, чтобы за бортами спрятаться!

— Не надо было дразниться, у вас еще детство кое-где играет! Часовой разозлился и припугнул вас всех! И правильно сделал! — заворчал старшина группы Семенов.

Взаимные подковырки и подначки продолжались до самого места работы. Отчаянных смельчаков и героев в этом походе не

оказалось.

— Какие деревца будем откапывать и грузить? — вопрошают отошедшие от испуга ребята у дяди Вани.

— Начальник приказал сажать тополь ки! Да только где их найдешь? Листочки еще не появились, а без листьев они и на осину, и на ольху похожи! Не обмишулиться бы!

Вскоре ботаник Толя Березин находит целый пригорок, похожих на тополь ки деревьев. Как раз то, что надо!

— Осторожней ребята копайте! Корни не повредите! — со знанием дела подает свой девичий голосок Толя Березин.

— Без тебя знаем, как деревца пересаживать, ботаник хренов!

— Мичурин выискался! Бери носилки и таскай деревца к машине! Без твоих советов обойдемся!

На обратном пути все замечают, что под грибком стоит уже совсем другой солдатик. Он не обращает на нас никакого внимания и даже не смотрит в нашу сторону.

— Кажется часовой на посту сменился!

— А может сменили, за то, что стрелял?

— Да нет, часовой поставлен на два часа, а затем — смена!

— Откуда ты все знаешь?

— Вот это уже «старик», а не «салага», по всему видно! — замечает наш старшина группы Виктор Семенов.

— Да уж! Старик старика видит издалека! — под общий смех резюмирует Аркаша Хомченко.

Все тополь ки хорошо прижились на новом месте, а по весне покрылись зеленой листвой. Сегодня — это громадные великаны-тополя, причиняющие немало хлопот местному ЖКХ. Приходится время от времени срезать верхушки и не в меру разросшиеся во все стороны сучья.

* * *

— Надо обязательно показать курсантам доковые работы! Они пока еще представления не имеют, что это такое! — загорелся новой идеей преподаватель Владимир Васильевич Зубарев.

— А какие работы конкретно вы хотите показать будущим судомеханикам? — уточняет завуч Юрий Лусь.

— Все! От начала заводки судна в док, до окончания ремонта!

— Но это нереально! Порой судно стоит в доке месяц и более.

Лусь, как бывший капитан хорошо знает сроки ремонтов в доке.

— На нашем судоремонтном заводе дока, как известно, нет.

Только на «Красной кузнице» в Соломбале! А это совсем другое предприятие, другое Министерство! Боюсь, что наших курсантов туда просто не пустят!

— Подключите начальника Александра Семеновича! У него старые связи! Он пробьет не одну, а несколько экскурсий!

— Хорошо! Хорошо! — выпятив вперед ладони сдался завуч, — сегодня же поговорю с ним на эту тему! Но положительного результата не обещаю!

Недели две ушло на согласование. Кажется, лед тронулся. Шутка ли, впустить на территорию завода тридцать подростков! Администрация завода беспокоилась прежде всего за безопасность курсантов. Ведь их чрезмерное любопытство и активность могли привести к нежелательным инцидентам. Преподаватель Зубарев, как инициатор этой экскурсии изучил все инструкции по технике безопасности, провел несколько занятии и бесед.

— Знаю я этот завод! — похвастался Юрий Теплухин, — его проходная как раз напротив нашей школы!

— И я знаю! Мы из окон школы часто смотрим как заводят суда в док, как ремонтируют! Конечно, поближе посмотреть и понять было бы гораздо интереснее! — подтвердил слова Теплухина его школьный товарищ и бывший одноклассник Гена Сивков.

— А где ваша школа находится? Где?

— Это школа № 41, в Соломбале, красное, кирпичное здание напротив судоремонтного завода! — терпеливо объясняет Теплухин, — если останется время после экскурсии обязательно заглянем!

— Ну да! Так тебя и отпустят!

— Небось по бывшим одноклассницам соскучились! — хихикнул Иньков.

— Соскучились! В нашем классе были самые красивые девочки Соломбалы! Так и называли — класс красавиц!

— Вы что, на экскурсию собираетесь или на старшеклассниц пялится? — услышав разговор возмутился воспитатель, — ваша задача внимательно слушать экскурсовода, не глазеть по сторонам и не отставать от группы ни на шаг!

Рано утром, в бытовке, Теплухин и Сивков гладят утюгом парадные брюки.

— Форма одежды сегодня — рабочая! Кто вам разрешил гладить и готовить парадную форму? — возмущенно вытаращил глаза дежурный воспитатель.

— Товарищ воспитатель! В свою родную школу идем! Хочется выглядеть соответственно! В парадной форме! — одновременно

просили оба приятеля.

— Мы идем на судоремонтный завод, и форма одежды должна быть рабочей! — отрезал воспитатель.

Внутренне можно возмущаться и негодовать сколь угодно каждому, но приказы, как известно, не обсуждаются, а выполняются. И вся дисциплина держится именно на этом постулате.

Вахтер в проходной завода ставит галочки против каждого прошедшего «вертушку» курсанта.

— Вас так много! Откуда вы?

— Оттуда, дядя, оттуда!

— Идем с производством заводским знакомится!

— Ну-ну! — вахтер кашлянул в кулак, — Лишь бы знакомство вам на пользу пошло!

Мы попали как раз в нужное время. В док заходил сухогруз «Правда». За ним закрылся герметичный шлюз и мощные насосы начали откачку воды из плавдока. Часа через три док станет совсем сухим, а огромный корпус теплохода ляжет на деревянные подушки днища дока.

— О-о это длинная история! Откачка воды займет два-три часа! Как раз все время, отведенное для экскурсии! Пойдем посмотрим работы в других доках!

Кругом кипит работа. Огромные краны, как пушинки подымают и перетаскивают огромные валы, винты кораблей для осмотра и ремонта в цехах. Время для нас идет незаметно и от увиденного впечатлений и эмоций кружится голова.

— Собираемся! Строимся! Наше время истекло! Через пятнадцать минут мы должны покинуть территорию завода! — воспитатель выразительно стучит пальцем по циферблату ручных часов и взмахом вытянутой руки показывает, в каком направлении и в каком порядке мы должны строится.

За воротами проходной два друга Теплухин и Сивков снова умоляют воспитателя отпустить их в родную школу, хотя бы на несколько минут.

— Вот она, наша школа, всего в нескольких десятков метров!

— Хорошо! Хорошо! Время про запас еще есть! Двадцать минут ждем вас во дворе школы, на скамеечках! Не опаздывать! — вяло и неохотно соглашается воспитатель, возлагая на себя лишнюю ответственность. А лишняя ответственность всегда чревата неожиданностями.

Обрадованные неожиданно свалившейся на них возможностью покрасоваться перед бывшими одноклассниками, оба курсанта рысью рванули к зданию школы. Незаметно, вслед за ними, шмыгнул без разрешения любопытный Иньков.

Вовремя подъехал и вылез из кабины грузовика в своей неизменной форме фуфайке, брюках галифе и кирзовых сапогах шофер дядя Ваня:

— А я вас высматриваю уже полчаса около проходной завода! Мне и в голову не пришло, что вы сидите здесь, в скверике, на скамеечках! Залезайте в кузов, поехали! Вам на обед успеть надо! Учеба учебой, а обед обедом!

Дядя Ваня не лихач, но на этот раз мчит по городу с ветерком, превышая дозволенную скорость. Это мы замечаем при торможении и резких поворотах.

— Ну как там старшеклассницы? И впрямь самые красивые в Соломбале? — спрашивают любопытные ребята Виктора Инькова, прошмыгнувшего вместе с Теплухиным и Сивковым в здание школы № 41.

— Не скажу, чтобы очень-очень! Но девочки симпатичные! Я бы хотел их видеть на наших вечерах отдыха!

* * *

Александр Семенович ревниво относился к славе и успехам других учебных заведений и, искренне негодовал, когда кто-нибудь из его подопечных совершал гнусный поступок, марающий честь мореходки. Старался к успехам курсантов в учебе добавить успехи в спортивных соревнованиях:

— В легкой атлетике, беге, эстафетах мы вряд ли добьемся успехов. Моряки всегда были тяжеловаты и косолапы. А вот во всех других видах спорта можем занять призовые места!

— Не скажите, Александр Семенович! Два года назад мы по городкам областную Олимпиаду выиграли! — напомнил замполит Пивень.

— Городки — это всего лишь спортивная игра, развлечение! А кстати, я ни грамот, ни дипломов за Олимпиаду не видел! Где эти награды?

— Их просто не выдали по какой-то, независящей от нас причине! — смутился завуч Юрий Лусь, — соревнования были весьма представительными.

— Вот шлюпочные соревнования, я вам скажу, это чисто морской вид спорта, именно наш! И призовые места вдвойне почетны! Конечно, надо и другие виды спорта в мореходке развивать, возможности для этого есть! — начальник впервые серьезно заговорил о других видах спорта.

— У нас есть кандидат в мастера и перворазрядник по классической борьбе! Они могут с ребятами кружок организовать,

тренировки проводить! Можно материально заинтересовать за проведение таких тренировок! Уверен, дело тронется! — высказал предложение завуч.

Появились объявления об организации разного вида спортивных кружков, времени расписания занятий. Лед тронулся: Аркаша Хомченко выбрал городскую секцию бокса и два раза в неделю ездил на тренировки, Теплухин стал заниматься в стрелковом кружке. Его намерения одобрил воспитатель Николай Трембач:

— У тебя твердая рука и острое зрение! Постоянно тренируйся, не бросай занятий, как минимум первый разряд получишь!

Трембач вел военно-спортивную подготовку и занятия в стрелковом кружке. Ребята заметили за ним одну особенность: он время от времени подергивал плечами, держа при этом руки по швам. Создавалось впечатление, что он все время подтягивает спадающие брюки:

— Худой, как лыжная палка! Штанам не на чем держаться, вот он все время их и подтягивает! — хихикали за его спиной курсанты. Но его уважали за честность, добросовестность и терпимость ко многим проказам и шалостям молодежи.

— Сегодня едем на военное стрельбище для занятий по стрельбе по мишеням! — объявил однажды преподаватель.

Все обрадовались: поездка за город, на военное стрельбище, это здорово! Какой пацан или курсант откажется от такого заманчивого предложения?! Стрельба в собственном спортивном зале из пневматической винтовки давно всем надоела! В городском тире и то интереснее. Там хотя бы призы дают за меткую стрельбу. Все равно, стрельба из пневматической винтовки — занятие для школяров, а мы уже на втором курсе мореходки! Нам подавай что-нибудь покруче!

— Из чего стрелять будем, из карабинов или автоматов? — посыпались конкретные вопросы, требующие конкретных ответов.

— Из боевого оружия нам стрелять никто не разрешит! Возраст не тот, да и материальную часть стрелкового оружия еще не изучили! Стрелять будем из малокалиберной винтовки по мишеням!

Конечно, это совсем не то, о чем мечтали парни. Но поездка за город, на военное стрельбище, обещала быть интересной и увлекательной. Стрельбище засыпал выпавший накануне снег, из положения «лежа» мишени были почти не видны.

— Берем лопаты и разгребаем сугробы! — скомандовал преподаватель, — кто устанет, пусть передает лопату другому! За десять минут мы должны управиться со снегом, иначе времени на

стрельбу не останется!

Постелили специальные коврики, чтобы не простудится на снегу. Командир выдал патроны, каждому по пять штук:

— Гильзы сдавать мне по счету! Все действия выполняем по моей команде, по окончанию стрельбы каждый из вас докладывает об этом мне!

Володя Турков всегда ухитрялся быть «тормозом», замешкался и сейчас, потеряв после окончания стрельбы одну гильзу.

— Ты вроде бы не близорукий, а совсем ничего не видишь! Гильза у тебя под ногами в снег затоптал! — подсказывают товарищи.

— Правда? А я ее, проклятую в карманах ищу, показалось что там затерялась! — облегченно вздохнул Турков, отдавая гильзы командиру.

Руководитель провел короткий разбор стрельб, характеризуя действия и результаты. Мне досталось замечание:

— Излишнее волнение при спуске курка, не твердая рука. Все пули легли по окружности мишени, в основном пятерки и шестерки!

Замечания разного рода получили все кроме Теплухина. Руководитель опять отметил остроту зрения и хладнокровность лучшего из нас стрелка. Теплухин зарделся от удовольствия: хоть один из преподавателей похвалил!

Ободренный лестными словами Теплухин старательно и всерьез занялся этим видом спорта, не пропуская тренировок и строго соблюдая советы тренера и спортивный режим. Спустя некоторое время, один из городских ребят принес из увольнения в кубрик газету с фотографией и хвалебной статьей:

— Смотри-ка это наш Теплухин! Первое место на районных соревнованиях занял! Кто бы мог подумать, снайпер знаменитый!

Действительно, на фотографии в газете был Юра Теплухин, в морской шинели, в шапке-ушанке и с винтовкой по команде: "К ноге!"

— Где? Где? Где? — обрадовался снайпер, выхватив газету, — а я не знал, не видел еще газеты! Видел, что какой-то парень ходит вокруг и фотоаппаратом щелкает! Здорово получилось! Возьму газету себе на память, бате в Дятьково пошлю, пусть посмотрит, порадуется.

Теплухин положил газету в тумбочку, на верхнюю полку. На следующий день газета исчезла.

— Кто шарил в моей тумбочке? — чуть не плача вопрошал «снайпер», — газета исчезла, не успел отправить отцу!

— Это комендант! Вечно по тумбочкам шарит, ищет

запрещенные к хранению вещи! — откликнулось сразу несколько, когда-то попавших в такое же положение, курсантов.

Повстречав в коридоре общежития коменданта, Теплухин спросил напрямик: — Зачем в моей тумбочке газету взяли? Отдайте, она мне очень нужна!

— Не положено хранить в тумбочке посторонние предметы! Устав запрещает! — заверещал комендант.

— Я не собирался ее хранить, сегодня же отправлю почтой своему отцу! — умолял железного коменданта Теплухин.

— Поздно! Я использовал ее по назначению! Она в отхожем месте плавает! Если очень нужна, возьми черпак и вылавливай!

Хомченко приходил с тренировок и с соревнований с распухшим носом и красными кляксами-пятнами на футболке.

— Нос расквасили! Соперник попался корявый и квадратный, ныряет под мои удары, а меня с низу апперкотами достает!

— Аркаша, ты какое место занял в городских соревнованиях в своей весовой категории? — Спрашивали друзья, увидев на футболке следы результатов соревнований.

— Почетное, третье место!

— И грамоту, наверное, вручили?

— А как же! В городских соревнованиях без этого не бывает!

— Сколько участников было в твоей весовой категории?

— Трое и было! — простодушно признался Хомченко.

— Ну ты и герой! Последнее место занял и еще грамоту ухитрился получить! — весело заржали слушатели, — повесь перчатки на гвоздь, пока не поздно!

После очередного, неудачного выступления Хомченко послушался советов друзей, забросил перчатки под кровать и забыл о боксе:

— Обойдусь без бокса! Мне всегда достается больше, чем моим соперникам в ринге!

Многие второкурсники записались в кружок классической борьбы. Тренировали борцов двое старшекурсников с спортивными разрядами и званиями.

— Что это за борьба? — кривил губы Теплухин, — того нельзя, другого нельзя, подножки и подсечки запрещены! По-моему, в настоящей борьбе все можно! Побеждает сильнейший!

Ребятам нравился даже не спорт, а его результаты. На очередном вечере отдыха, в торжественной обстановке, в присутствии приглашенных девушек вручались грамоты за призовые места в боксе, борьбе, шлюпочных соревнованиях. У девушек блестели глаза от восторга и гордости, румянцем полыхали щеки, когда их избранники под бравурную мелодию поднимались на сцену получать награду за победу. Такие

мгновения запоминаются надолго!

— Эх, жаль, что сегодня фоторепортера из газеты нет! Замечательный бы снимок получился! — вздыхал Теплухин, только что получивший на сцене Диплом за выигранные соревнования по стрельбе.

— А как с той злополучной газетой, которую комендант у тебя в тумбочке нашел? — поинтересовался старшина Семенов.

— Ребята выход подсказали. По их совету пошел в киоск и скупил все оставшиеся газеты с моей фотографией и статьей. Всем знакомым разослал, пусть любуются!

Последними получали спортивные грамоты и дипломы участники городских соревнований по классической борьбе. Грамоты и дипломы получили Миша Пылинский, Юра Романов, Веня Волков и я.

Больше всего радовался спортивным успехам своих воспитанников начальник мореходки Александр Семенович:

— Вот видите, не только по гребле и в шлюпочных соревнованиях выступать можем, но и в других видах спорта! Начало хорошее!

Через неделю настроение начальника испортил криминальный случай. Пришла бумага из милиции, извещающая администрацию о том, что курсант Седунов, разбив окно, пытался проникнуть в помещение продовольственного магазина.

— Только этого нам не хватало! — яростно и гневно кричал Александр Семенович, — худая слава о нас разнесется по всему городу!

— Да уж! — поддакнул замполит Василий Максимович, — такой позор не скоро забудется!

— Кто этот пакостник? Что за стервец? Ему что, питания не доставало? Или за спиртным в магазин полез? — ярость начальника не уменьшалась, а увеличивалась.

Нашли личное дело пакостника, внимательно ознакомились и изучили.

— Он из Астраханской мореходной школы к нам перевелся! Там у него подобные подвиги тоже случались: мелкие кражи у сокурсников, — сообщил завуч Юрий Лусь.

В учебной группе Седунова не любили. Сопливый, вечно шмыгающий носом, с бегающими глазками, он любил гадить походя, как бы нечаянно, без умысла. В выходные дни, во время демонстрации фильмов в спортивном зале, он начинал разговаривать о финале фильма: вот того, белобрысого в черном костюме убьют свои же бандиты, а тот, который в клетчатой рубашке, работник уголовного розыска, его специально в банду внедрили, он всю их «малину» арестует. После таких

подробностей смотреть до конца фильм уже не хотелось.

— Гнать его в шею из мореходки! Он всех нас обгадил! Сопляк поганый! — возмущались однокурсники, узнав о его криминальных проделках.

— Как его гнать будешь, если он в милиции, в КПЗ сидит!

— Не может быть! Он же несовершеннолетний!

— Это на вид мальчик! А ему двадцать четыре года!

Как и водится, страсти по воришке со временем утихли и позабылись. Седунов в мореходке больше не появился. Скорее всего не от стыда, а от страха, что ему крепко накостыляют однокурсники за все мерзости и пакости.

Начальник иногда приводил этот пример, сжимая в кулаке чехол со связкой ключей с такой силой, что костяшки пальцев становились белыми:

— Мы, администрация виновата! Поверили молодому проходимцу! Приняли в свой коллектив! А я виноват в большей степени!

* * *

В первый летний месяц вечерами и ночами светло как днем. Ребята, приехавшие с юга в Архангельск таких белых ночей, еще не видали, к тому же появилась мошкара. После отбоя мы ворочаемся с боку на бок, пытаясь уснуть, но сон не приходит, не спится. Начинаются негромкие разговоры и смешки. Дразниться, зубоскалить это у мальчишек всегда и сколько хочешь, но до серьезных ссор, или драк дело никогда не доходило. Эту черту не переступали даже самые сильные и нахрапистые, понимая, что наказание будет одно: отчисление из мореходки. В тишине слышно, как Коля Баранов рассказывает об очередной своей подружке:

— Моя вчера спрашивает, как называются синие матросские воротнички и почему на них три белые полоски?

— Ты не растерялся, ответил? — пробасил из угла кубрика Юра Романов.

— А то! Спрашиваешь! На эти вопросы любой салага ответит! — негодует Баранов, что его заподозрили в незнании простых морских символов, — воротник с Петровских времен называется «гюйс», а три белых полоски на нем означают три победы русских моряков в морских сражениях при Гангуте, Синопе и Чесме!

— Браво, Коля! Хорошо историю Русского флота знаешь! — аплодирует Романов.

— Кто бы сомневался! — буркнул в ответ Баранов, поворачиваясь на другой бок в надежде уснуть.

— Ребята, а ведь таких подробностей в истории Русского флота и победах в морских сражениях не знал! — честно признался Юра Горох.

— В вашем колхозе до сих пор не знают о том, что первая Мировая война закончилась! Радио нет, читать не умеете, живете в лесу и молитесь сломанному колесу! — Разулевич любил съязвить по поводу сиволапости выходцев из деревни.

— Ты у нас больно грамотный! Шпана с Урицкого! — не остался в долгу Горох, зная, что Разулевич живет на улице Урицкого.

— А меня девушка спросила, что означает слово «кубрик», которое я так часто употребляю в разговоре с ней! — вспомнил Гена Сивков, — я ответил, что это помещение, где живут рядовые моряки. Офицерский состав живет в каютах. Правильно?

— Все так! — подтвердил самый главный эксперт по морской лексике Хомченко.

— А что означает слово «гальюн», ваши девушки не спрашивают? — язвительно ввернул свой вопрос под хохот слушателей Разулевич.

Слово «гальюн» на морском языке означает сортир, или уборная. Шутка Разулевича вызвала всеобщее оживление.

— Хватит вам! Развеселились! Комендант услышит и пошлет кого-нибудь гальюн чистить! — пообещал старшина группы, на этот раз оставшийся ночевать вместе со всеми в кубрике.

На короткое время разговоры и смешки прекратились, чтобы через некоторое время возникнуть снова:

— А меня девушка спрашивает, что означают на ленточке бескозырки буквы МРП СССР, — растерянно говорит Поликарп Земцовский, — я ей столько всякого наврал, потому что стеснялся признаться, что мы рыбаки!

— А зачем врал? Вот дурень, рыбак — профессия очень даже почетная!

— Понравится хотел! Девушка очень симпатичная! — признался Поликарп.

— Скажи ей, что МРП — это морские резервы подводников! — бухнул первое, что пришло в голову Володя Шамаев.

— Глупо! Коряво и неубедительно! — со всех сторон посыпались критические замечания на предложение Шамаева.

— Придумайте свое, не корявое и остроумное, — обиделся на всеобщую критику Шамаев.

— А вы знаете как я предлагаю расшифровать эти три

буквы! — высказал свою версию Виктор Тестов, — МРП, это — Мы Рыбой Пахнем!

На этот раз рассмеялись все, даже те, кто ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть:

— Вот это то, что надо!

— Смешнее не придумаешь! В самую точку попал!

Когда общее оживление прошло, запоздалый сон сморил всех, «пахнущие рыбой» заснули крепким, здоровым сном.

* * *

На втором курсе обязательная практика в цехах судоремонтного завода. Цель практики — ознакомить будущих судовых механиков с процессами и производством основных судоремонтных работ и научить простым операциям по ремонту главного двигателя, вспомогательных механизмов и всех судовых систем. Нашу группу разбивают по 3–4 курсанта на каждую бригаду слесарей. Некоторые бригадиры с недоверием глядят на нас, ворчат и брюзжат:

— Еще одна забота появилась: за мальцами присматривать!

— Сунуться куда-нибудь, а мы за них отвечай!

— Толку от них! Это же несовершеннолетние пацаны!

Другие настроены более оптимистично и приветливо, принимают в бригаду с доверием и надеждой:

— Обуркаются, кое-чему научаться и помогать будут. Мы тоже когда-то такими были!

Первое время практикантам поручали самую простую работу: Подай! Поддержи! Сходи на склад, получи и принеси болты, гайки, шайбы и.т.п.

Со временем недоверие старых слесарей и бригадиров тает как снег по весне. Мы уже сами снимаем старые, поржавевшие вентили на трубопроводах, реставрируем то, что еще пригодно для эксплуатации, притираем клапана, расхаживаем штока, меняем сальники. Заводской контролер Володя проверяет качество выполненных нами работ и говорит:

— Очень гуд! Молодцы!

Контролера рабочие называют: «Володя с ОТК». Мы вначале думали, что у парня такая странная фамилия. Оказалось, что ОТК — отдел технического контроля.

Двина уже очистилась от льда и, в обеденный перерыв рабочие ловят рыбу с борта стоящих у причалов траулеров. Способ лова рыбы давно известный и много раз опробованный: «на паука». Паук — это металлический обруч, внутри которого

натянута сетка. Паук забрасывается с борта в воду, а затем, через некоторое время стремительно подымается на борт. Попавшая рыба трепещется в сетке. За час можно обеспечить семью обедом и ужином.

Нашлись и другие развлечения для юных практикантов, любящих подразнивать сверстников и взрослых. На одном из траулеров, стоящих у причала судоремонтного завода, работала поваром маленькая, носатая женщина. Траулер готовился к ходовым испытаниям, возможно даже с коротким выходом в Белое море. Потребуется обед и ужин для команды и бригады слесарей, и всех технических работников. Повариха шустро бегает вдоль борта судна, моет и чистит посуду, готовит камбузный инвентарь, чистит овощи. Кто-то разузнал, что у поварихи есть дочка. Предмет для подзадоривания, подковырок и подначек найден:

— Вы тут работаете, а дочка с парнями сейчас гуляет!

— Мы сами видели, как один парень повел ее в кусты!

— Беги, выручай пока не поздно!

Задетая за живое повариха злится и принимает все сказанное за чистую монету:

— Я ей покажу! Таких парней покажу, что неделю на задницу не сядет!

— Поздно будет воспитывать, когда ребеночка в подоле принесет!

Повариха злится еще больше, ей представляется все сказанное действительностью. Что на ее голову свалилась еще одна обуза — маленький ребенок! Наконец, с большим запозданием до нее доходит, что ребята попросту ее разыгрывают. Она поворачивается к обидчикам спиной, задирает юбку и звонко шлепает себя по голым ягодицам:

— Вот вам! Вот вам! Вот вам!

В награду за такое необычное представление взрыв хохота и всеобщее веселье:

— Надо бы еще разок разыграть!

— Сейчас она уже не поверит!

Через месяц на судоремонтном заводе закончили первый в этом году ремонт траулера.

— Кто из вас желает идти на ходовые испытания? — вопрошает руководитель практики у собравшихся по этому случаю курсантов.

Желающих оказалось немного. Время обеда, до ходовых испытаний еще далеко и, наверняка, испытания закончатся только к ночи. Нашлось много причин и отговорок для отказа:

— До самой ночи это мероприятие продлится, без ужина

останемся!

— Хотелось, но расхотелось. Поздно очень, вот если бы с утра!

— Эти ходовые испытания станут для нас испытанием!

Желающих увидеть своими глазами завершающий этап капитального ремонта судна набралось шесть человек: Романов, Перминов, Сивков, Семков, Мошков и я.

— На верхних решетках машинного отделения располагайтесь! Вниз к пульту управления не спускайтесь! Там без вас тесно! Через решетки видно, как идет подготовка и сдача. Старайтесь меньше передвигаться по судну! — сделал последние наставления руководитель практики.

С верхних решеток хорошо видно, как судовые механики, бригада слесарей и инженер по сдаче готовят главный двигатель. Перекладывая реверс с переднего хода на задний и наоборот, пробуют запустить машину.

— Ребята, здесь наша знакомая, носатая повариха, на камбузе еду готовит! — сообщил успевший побродить по судовым коридорам и помещениям Сивков.

— Если она тебя узнала, то обязательно в твою тарелку плюнет! — хихикнул Семков, — за то, что дразнился!

— Я не дразнился! Это Леня Мошков придумал и первый стал дразниться! — отнекивался Сивков.

Заработал винт под кормой на малых, средних и полных оборотах. На несколько секунд все смолкло. И вдруг завибрировала, затряслась вся кормовая часть судна.

— Ничего особенного! Полный задний ход дали! Это резонанс! — успокоил нас ведущий инженер. По судовой трансляции раздалась долгожданная команда:

— Отдать швартовы!

Судно медленно разворачиваясь с помощью буксиров выходило на фарватер Двины.

— Ура! В море выходим! — радостно завопил Гена Сивков.

— В море выходить не будем, для выхода в море надо кучу бумаг согласовывать, а вот по реке вдоволь покатаемся. Все в работе опробуем и главный двигатель, рулевое устройство и якорное! — объяснил ведущий инженер.

Вечерело, приближалось время ужина. Практиканты, привыкшие к точному распорядку дня, почувствовали голод.

— Носатая повариха в столовой команды стол накрывает! А ее помощница в кают-компании посудой гремит! — сообщил Гена Сивков, неустанно наблюдающий за возней на камбузе, — как раз время ужина по нашему распорядку!

Ужинать нас пригласили в столовую рядового состава, вместе

с бригадой слесарей-сдатчиков. Техники, инженеры и командный состав судна ужинали в кают-компании. Оживленные разговоры, шутки, смех — все смешалось в общем шуме. О технических терминах, результатах ремонта и его сдаче на время позабыли.

— А вы, ребята молодцы! На лету все схватываете! — похвалил нас бригадир слесарей-сдатчиков с сединой на голове и в усах.

— Да-а! Вот тот, румяный, мне эскизы рисовал! Сам-то я не мастак в чертежах и эскизах, но токарь выточил мне детали тютелька в тютельку подошли! Вот тот парень эскиз нарисовал! — он ткнул пальцем по направлению Сивкова. Щеки у Сивкова и без того румяные вспыхнули от похвальбы еще ярче. Пожилой мастер кивнул в сторону Тестова:

— Вот этот беленький паренек мне два вентиля отреставрировал! Как новенькие стали, любое давление держат!

— Не перехвалите ребят! Но то что это будут хорошие механики, я просто уверен! — руководитель практики что-то пометил в своем блокноте и ушел в кают-компанию ужинать.

На баке загремела якорная цепь, значит встали на якорь где-то в районе городского рейда. Палубная команда и судовые механики тоже пошли ужинать.

— Значит, домой, в казарму вернемся очень поздно!

— Жалеешь, что пошел на ходовые испытания?

— Нисколько! Надо все познать и все испробовать!

Это переговаривались рядом Виктор Тестов и Гена Сивков. Повариха выскочила из дверей камбуза с остатками ужина, чтобы вылить за борт, увидев нас сделала вид, что не заметила или не узнала.

— Узнала! Еще бы не узнать! Сколько раз дразнили! Да и по глазам видно, что всех узнала! — рассмеялся Леня Мошков.

Домой, в казарму, вернулись в полночь. Стараясь не шуметь, разделись и улеглись спать. Один Аркаша Перфильев, не успевший заснуть к тому времени, спросил шепотом:

— Как там в плаваньях, далеких?

Я показал ему большой палец: Очень-Очень гуд!

* * *

Придумал и организовал это мероприятие под кодовым названием «Морошка» Аркаша Перфильев.

— Лето в этом году очень жаркое, морошка появилась рано, на рынке продают, очень дорогая! Я купил стакан и все-таки попробовал! Сладкая, вкусная! — агитировал нас Перфильев, — я

лодку моторную арендую, карту ягодных мест достану! Не пожалеете!

— Постойте, постойте! Какая морошка в лесу? Это болотная ягода, да еще в тундре растет! Что-то худо верится, что мы ее отыщем, надо места ягодные знать! — тщетно пытался переубедить упрямого Перфильева Виктор Семков.

— Я тоже так думаю! Мошкара вдоволь попирует, а мы морошку вряд ли найдем! Это не такое простое дело, как кажется несведущим людям, — поддержал своего друга Бубновский, — в сырых местах, у болот этого гнуса полным-полно! Эта забава не для меня!

Но все-таки поездка на моторке по реке, да с ветерком, вместо заточения в четырех стенах общежития, оказалась заманчивой. Ехать согласились Перфильев, Разулевич. Иньков, Земцовский, Горох и я.

— Возьмем проводника-тундровика Семкова! — съязвил Разулевич, — хотя он в лес идти побаивается!

— А что? Назло тебе и мошкаре, возьму и поеду! Только быть проводником не берусь! Здешних мест не знаю! — решился наконец Семков.

— Зачем зубоскалите? Хорошую идею в балаган превращаете? — немного остудил спорящих миротворец Перфильев, — лодку я уже у соседа взял, корзинки для ягод тоже!

— Хорошо если понадобятся эти корзинки! Я думаю, что просто по реке покатаемся и домой вернемся! — Иньков с самого начала не верил в затею Перфильева и просто хотел покататься на моторке по реке.

Разулевич вдруг, как обычно, закапризничал, начал набивать себе цену, зная, что с мотором, кроме его никто не разберется. После долгих уговоров, просьб, увещеваний и обещаний вновь согласился. Наконец отчалили. Перфильев, повернувшись спиной к встречному ветру, развернул самодельную карту, на которой очень условно были нарисована река, ее берега, притоки реки, лесные массивы и болотистые места.

— А куда все-таки едем? — спросил осторожный Горох в любой момент готовый дать «задний ход».

— Комаров, да мошкару кормить! — съехидничал Разулевич ловко управляя лодкой и добавив газу.

— Вот сюда едем! — Перфильев ткнул пальцем в самодельную карту и проткнул тонкую бумагу насквозь.

— Осторожнее с картой! Порвете, или ветром унесет! Тогда поворачивать назад придется! — Разулевич вошел в роль рулевого, моториста и самозвано завладел ролью капитана.

— Кажется, здесь! — Перфильев показал на песчаный,

поросший сосенками берег, — здесь удобно и столбик есть, можно лодку привязать!

— Из-за этого столбика и место выбрал? — съязвил Семков, — по-моему морошкой тут и не пахнет: песок да сушь кругом, а эта ягода болотистые места любит! Может другое место стоит поискать пока вечер не наступил?

— Глубже в лес надо! Там все есть и сырые места, и болотистые, и морошка! На берегу ягоды не растут, они в лесах прячутся от людей! — уверял всех нас Аркаша.

Мы долго кружили по лесу, каждый связал себе березовый веник и отгонял надоедливую мошкару и кровожадных комаров. Кроме мха, муравейников, да упавших на землю шишек не увидели ничего. Пусто! Зато мошкара становилась все надоедливее, беспощаднее и злее и забиралась туда, что стыдно даже признаваться!

— Сначала досыта наедимся сами, а потом собирать будем! — братец-Кролик все еще верил в удачу.

Первым не выдержал городской житель Разулевич:

— Аркаша, Сусанин ты хренов! Даже мне ясно, что не туда мы идем! Доставай карту, еще раз посмотрим!

Вновь развернули карту и став в круг внимательно разглядывали нарисованную карту.

— А где Горох? Горох где? — вдруг встрепенулся самозваный капитан и командир Разулевич, — в лесу что ли оставили мальца?

— Он лодку сторожить оставлен, корзинку морошки за это обещали! Забыл, что ли! — откликнулся тундровик Семков.

— Господи! Да мы совсем на другой берег высадились! Посмотрите, стрелкой течение реки указано, слева — левый берег, а справа — правый. Мы теперь на правом берегу, а болотистые и ягодные места находятся на левом! — я и сам не помню, как мне в голову пришла эта простая догадка.

Доморощенный картограф показал стрелкой течение реки, а мы и внимания на эту важную деталь не обратили. Энтузиазм и оптимизм вмиг улетучились, остался только пессимизм. Недовольство и желание поскорее удрать от ненасытной мошкары.

— Мореходы земли Русской! Одна река, два берега, да три сосны и заблудились! — саркастически изрек тундровик Семков, — в следующий раз за морошкой в тундру отправимся на оленях!

— Аркаша-Кролик виноват! Он все время карту в руках держал и проводником был, — заголосили все, отыскав виноватого.

— Чего виноватых искать? Побежали скорее к лодке, пока нас мошкара до костей не обглодала!

— И впрямь великую глупость сотворили! Поедем обратно! — сдался и признался в собственной глупости Аркаша Перфильев.

Мошкары становилось все больше. Порой, вместе с дыханьем, она попадала и застревала в горле, заползала во все прорехи и щели и жгла немилосердно.

— Садимся в лодку и отчаливаем побыстрее!

— Точно! На ходу она нас уже не достанет!

— А как быть с морошкой? Другим достанется!

— Да пес с ней, с морошкой, скорее бы домой добраться!

Мотор, чихнув пару раз, завелся, рулевой-моторист добавил газу и скорость увеличилась. Лесной гнус и мошкара остались далеко за кормой. Володя Разулевич на радостях запел свою любимую:

— Братцы, братцы. Ум-ца-ца!

Солнце уже касалось горизонта.

* * *

Работяги-наставники судоремонтного завода не только хвалили своих практикантов, но порой и поругивали. Подул северный ветер и посреди лета вдруг похолодало.

— Рано на летнюю форму перешли! Можно весь июль в шинелях и шапках-ушанках ходить! — стуча зубами от холода шутил Володя Бубновский.

К нашей всеобщей радости, на одном из судов подтопили котел, обмуровали снаружи асбестовой изоляцией и покрыли сверху оцинкованной жестью. Образовалось теплое, защищенное от ветров и посторонних глаз, лежбище и все практиканты, посиневшие от холода, кинулись из холодных цехов к теплым поверхностям огромного судового котла. Вместились все, даже места свободные остались. Как тюлени на льдине нежились, переваривали пищу, курили, травили анекдоты и смешные байки из повседневной жизни.

— Видели повариху с соседнего судна? Она такое представление показывает! Умора!

Большинство видело это представление и больше не хотят. Те кто не видел, встрепенулись:

— Расскажите, что за зрелище было? Интересно или нет?

— Интересно, наверное, раз все посмеиваются!

— Ничего интересного! Бабуля голую задницу показала!

Конечно, ничего интересного нет, если это бабуля, вот если

бы повариха была молодая и симпатичная, зрелище было бы куда интереснее!

В цехах, бригадиры, потеряв своих учеников, ошалело справлялись друг у друга:

— У них что, практика закончилась? Все как один исчезли!

— Им что! Не семеро по лавкам, прохлаждаются где-то!

— Помощь сейчас очень нужна, они хорошо помогали не новички!

Сменился ветер и сразу потеплело. Практиканты покинули тепленькое лежбище на судовом котле и вылезли из всех щелей и закутков, засучив рукава принялись за работу. Общее приподнятое настроение испортил Володя Турков, как всегда, задумчивый, отрешенный и полоротый. Повесив на ломик тяжелый вентиль, они вдвоем с Геной Сивковым оттащили его в цех для реставрации. Володе захотелось доложить бригадиру о выполненной работе, и он вернулся на судно с злополучным ломиком в руках. Внизу, у главного двигателя работала бригада во главе с бригадиром. Сквозь решетки было видно, как слесаря подгоняют рамовые подшипники. Турков совершенно забыл, что он стоит не на сплошной палубе, а на решетках и выпустил из рук ломик. Тяжелый стальной лом скользнул сквозь отверстие в решетке и полетел вниз с высоты четырех метров прямо на головы рабочим. Раздался ужасный грохот и звон металла, многократно отраженный эхом внутри замкнутого пространства. Вслед за этим последовал вопль и нецензурная брань перепуганных работяг:

— Вы что там, охренели? Белины объелись?

— Всю бригаду на тот свет могли отправить, работнички хреновы!

— Гнать их надо, до пенсии укокошат!

Перепуганный Турков первым убежал с места происшествия, вслед за ним на палубу выскочил Гена Сивков.

— Как они там, все живы? Никого не задело? — дрожащим от волнения голосом, допытывался Турков, — я ведь случайно, не нарочно ломик отпустил!

— Матерятся по-черному! Орут, якобы мы какими-то блинами объелись!

* * *

Лето не только пора танцев под открытом небом на «сковородках», но и время соревнований, эстафет, забегов, спортивных игр. Самым любимым и престижным видом спорта в

мореходке считались шлюпочные соревнования. Заранее, еще до наступления лета, определялся будущий состав команд. Критерием отбора были физические данные: сила, выносливость и умение тренироваться и работать в команде. После проверок в основную команду шестивесельной шлюпки вошли самые рослые и возмужавшие ребята: Баранов, Березин, Житков, Пылинский, Романов, Хомченко и Шамаев. Вообще Шамаев считался в группе слабосильным, хотя был хорошего роста. Организаторы посчитали, что рулить и подавать команды гребцам особой физической силы не требуется.

На второстепенную, четырехвесельную шлюпку, назначили Бубновского, Мошкова, Перминова, Теплухина и меня. Все пятеро по росту и весу были «середнячки» из второго отделения группы. Чтобы после изнурительных тренировок ребята не слабели, для поддержки тонуса начальник выделил из внутренних резервов дополнительный паек: банку тушенки и банку сгущенки после каждой проведенной тренировки:

— Пусть хорошо и калорийно питаются! Глядишь, опять первые места на городских соревнованиях займут!

Частые тренировки изматывали парней, на ладонях появлялись мозоли. Но гребцы набирались опыта синхронных, ритмичных движений. А это очень и очень важно для будущей победы. За два дня до соревнований начальник распорядился о прекращении тренировок:

— Пусть хорошо выспятся и отдохнут! На пользу дела пойдет!

Но, как всегда, случилось непредвиденное: в день соревнований встал основной вид городского транспорта — трамвай. Грузовик дяди Вани, по закону подлости, оказался не в рабочем состоянии: шофер занимался профилактикой и ремонтом мотора. Такую цепочку случайного невезения никто заранее не мог предугадать!

Нежданно и негаданно выручил из беды мотоциклист-лихач Володя Разулевич, почти профессиональный байкер.

— Сумеешь пятнадцать человек за час от Фактории до Кузнечевского моста доставить? — с надеждой в голосе спросил начальник.

— Надо постараться! Другого выхода все равно нет!

Некоторые засомневались в способности Разулевича выполнить такую работу:

— Он бесшабашный, лихач! Чего доброго, врежется в столб, или во встречный транспорт! На такой скорости у нас душа в пятки уйдет!

Нашлись и защитники, уверовавшие в профессионализм гонщика-мотоциклиста:

— Он все время лихачит, на высокой скорости мотоцикл гоняет и никогда никаких нарушений или происшествий не случалось. Ему можно доверять! Кто боится, пусть глаза зажмурит — не страшно будет!

Разулевич доставил всех участников шлюпочных соревнований вовремя, даже с запасом в пятнадцать минут. Реакция парней была предсказуемой:

— Я чуть не описался со страху!

— А я всю дорогу глаза закрытыми держал! Чтоб не страшно было!

Время для эмоций не оставалось. Все рассаживались по своим шлюпкам. Судейская бригада придирчиво выравнивала шлюпки по одной ровной линии, чтоб ни у кого не было преимущества даже на сантиметр. На финише, на дебаркадере яхт-клуба тоже стояли судьи с секундомерами и подвешенной рындой-колоколом. Удар колокола означал, что еще одна шлюпка пересекла финишную прямую. Ял, на котором я был одним из гребцов, был четырехвесельным, остальные все без исключения были шестивесельными. Парадоксально, но факт, каким бы не пришел к финишу наш четырехвесельный ял, ему будет зачтено Первое место, как единственному участнику в этой классификации.

Ближе к старту волнение всех участников усилилось. Каждый понимал, что первые мгновения после старта — самые важные. Того, кто вырвется вперед, обогнать будет трудно, почти невозможно. Он все время будет подставлять корму обгоняющему, а обойти соперника по борту — зря потеряешь время.

— Внимание! Внимание! — оповестил участников главный судья и поднял руку со стартовым пистолетом. Раздался выстрел. Сорок весел заработали одновременно. Голоса и команды старшин шлюпок слились в один протяжный крик, в котором было трудно различить голос своего старшины: — И-и-и раз! И-и-и раз! И-и-и раз!

Гребцы следили за взмахом руки своего старшины, только так можно было не сбиться с общего ритма. Но что такое? Мы как будто нарочно сцепились веслами с гребцами соседнего яла. А это оказалась первая, самая перспективная команда Мореходного училища, не без оснований рассчитывающая на Первое место в гонках. После тщетных попыток высвободиться последовала словесная перепалка:

— Крестьяне! Колхозники! Сапоги! — орали наши соперники, заведомо посчитавшие, что виновниками сцепления веслами являемся мы.

Заслуженную ругань можно понять и проглотить, но не оскорбления! Тем более, что в происшествии больше виноваты они, а не мы. К тому же «сапогами» моряки издавна называют всех сухопутных товарищей. Последнее оскорбление сильно задело нас и в ответ понеслось:

— Торгаши! Спекулянты! Мудаки!

Пока мы канителились, расцеплялись веслами, а потом переругивались и обвиняли друг друга наш шестивесельный ял ушел далеко вперед и был практически недосягаем. Старшина сцепившейся с нами шлюпки поднялся на ноги и повернувшись к судейской бригаде стал махать руками, давая знак, что считает старт недействительным. Судьи посмотрели в его сторону и покрутили пальцем возле виска:

— С ума что ли сошел? Все было сделано правильно!

Хотя мы гребли старательно и сильно, но пришли к финишу последними. Трудно соперничать с шестивесельными ялами. Да и неудачный старт сделал свое дело. Но нам присудили Первое место и всем гребцам вручили спортивные грамоты. Четырехвесельный ял был единственным в гонке. На стене, в учебном корпусе мореходки прибавилось еще две Почетных грамоты за Первые места в городских шлюпочных соревнованиях.

Хорошо, когда спортивные мероприятия организованы и всячески поддерживаются, и поощряются администрацией. А если просто игры в свободное время около казармы? Тут все зависит от желания, умения и массовости. Во время практики, будь она в механических мастерских или на судоремонтном заводе, появляется больше свободного времени чем во время учебы. Во время теоретических занятий. После ужина по распорядку дня — самостоятельная подготовка, которая длится два часа, за эти два часа надо подготовиться к занятиям следующего дня. Во время практики самостоятельной подготовки нет, поэтому получается лишних два часа свободного времени. Светлыми и теплыми летними вечерами не хочется томиться в душной казарме, бесцельно транжиря драгоценное свободное время.

— Ребята! Комендант в баню ушел! Наверняка часа два не появится! Пойдем, около общежития в кружок волейбольным мячом поиграем!

По призыву Виктора Семкова мы встаем в круг, пасуем волейбольный мяч друг другу, избегая сильных и режущих ударов по мячу, от которых пострадают не только стекла, но и виновники. Иногда мяч держится в воздухе долго, а иногда из-за какого-нибудь неумехи сразу падает на землю. Старательнее всех играет сам организатор игры Семков. Кисти рук у него непропорционально широки, как совковые лопаты несмотря на

малый рост. Принимать подачу он не умеет, у него получается два шлепка по мячу сначала одной, а затем другой рукой и мяч, не зная куда деваться, падает ему под ноги.

— Ты как по голой заднице хлопаешь по мячу! Уж очень удар у тебя смешной! — смеется над его игрой тезка Виктор Иньков.

Вокруг собрались зрительницы, девушки и девочки из местных частных домиков, внимательно смотрят на парней, комментируют игру, переговариваются и хихикают.

— Подача Инькова — смерть для Семкова! — демонстративно возвещает Иньков и режущим ударом посылает мяч в его сторону.

На удивление всем, Семков в падении принимает мяч, на этот раз почти классическим способом, как настоящий игрок волейболист.

— Фартовый парень! — по-своему оценивают игру Семкова собравшиеся девушки, — давай, давай, только стекла в общежитии не выбей!

Что означает в устах девушек слово «фартовый» никто не знает, да и девчонки вряд ли знают, просто слышали от взрослых, или родителей. Семков же принимает это слово за комплимент, за поощрение и старается во всю, старается спасти каждую безнадежную передачу или пас.

— Как там время? Комендант, наверное, помыл и попарил свои косточки и сюда направляется! Может пора заканчивать игру?

— Да нет! Он обычно два часа в бане моется! Поиграем еще, компания собралась хорошая! Может даже наши будущие невесты!

Будущие невесты зарделись от удовольствия, услышав лестные для себя слова.

— Ребята! Я тако-ое только что увидел! Тако-ое увидел! — тихонько говорит Теплухин и прыскает в кулак, — только делайте вид, что ничего не видели! Ничего не слышали! Чтоб не спугнуть виденье!

— Что за таинственность? Говори шепотом, если это секрет!

— Вот та, крайняя, на бревнышке сидит, в зеленом платье! У нее под платьем ничего нет и все хозяйство видно!

— Она специально пришла, чтобы парня найти и увести с собой!

— Чур она моя! Я первый увидел! — Теплухин подошел к женщине, уселся рядом и завел какой-то разговор.

— Нашел красавицу! Она вдвое старше!

— И замужем несколько раз побывала, детишек, поди целая куча!

На время забытый волейбольный мяч покатился и

остановился в луже. Девушки-зрительницы начали расходиться, оборачиваясь в сторону странной пары и хихикая. Наверняка они знали что-то побольше чем мы. Юра Теплухин со своей новой знакомой направился к скошенному полю и небольшим скирдам Юроских частников.

— Сколько раз вам говорить, чтобы не играли в мяч около общежития! — послышался знакомый голос коменданта, — стекла разобьете, а запасных у меня нет!

— Да мы просто свежим воздухом подышать вышли! — попробовал соврать Юра Горох, — а вы сразу нам хулиганство приписываете!

— Ой не ври! Ой не ври, паренек! Я уже полчаса за вами наблюдаю! Жду, когда стекло разобьете! — захихикал комендант своим противным смехом, — до отбоя двадцать минут осталось, так что марш по кубрикам, да готовьтесь ко сну!

И откуда он взялся? Говорили мол, в парилке греет свои старые кости. А он тут как тут, да еще полчаса за нашей игрой наблюдал, когда мы стекло разобьем. Мы нехотя идем в кубрик. Уж вечер больно хорош. Комендант не удержался и пустил нам вслед:

— А того жеребчика, что с бабой в поле ушел, я подловлю и зауздаю! Будет досуха отхожее место чистить! А то там, от жары уже черви развелись!

Наверное, он сказал это в расчете, что мы передадим его угрозу Теплухину. Коменданта веселило не только наказание, а предвкушение наказания. И в осознании виновным его неотвратимости.

* * *

Шамаев, по поручению своего бригадира перетаскивал из слесарного цеха в токарный клапан для проточки и нечаянно столкнулся с мужчиной высоким и прямым как телеграфный столб. Внешность этого работника судоремонтного завода кого-то напоминала.

— Наверное, мастер или инженер! В чистой спецовке ходит, да еще и с папкой подмышкой! Где я его мог видеть и когда? — подумал практикант.

Мужчина с папкой остановился, внимательно посмотрел на практиканта и спросил:

— В чьей бригаде практику проходите? Кто ваш бригадир?

— Я практикант, стажер, — растерялся Шамаев, — бригада Торицына!

— Вижу, что практикант, своих я всех знаю! А ты скажи мне, что вы всегда кричите, когда я прохожу мимо ваших окон, — поинтересовался мужчина у совсем растерявшегося и оробевшего Шамаева.

Тут Володе вспомнились мальчишечьи проделки, когда все дружно кричали хором вслед проходящему мужчине: Боря Житков! Боря Житков! Боря Житков!

Растерявшись, он выпалил всю правду:

— Вы своей фигурой и походкой очень напоминаете нашего курсанта Бориса Житкова! Но не я это сходство обнаружил, хотя кричал вместе со всеми! А может даже громче других!

— Вот как! — рассмеялся мужчина, — а я предполагал совсем другое! Если не трудно, покажи мне «двойника». Хорошо?

— Да вот он идет с практикантами вместе руки перед обедом мыть! Тот, что впереди, высокий и прямой, как телеграфный столб!

Незнакомец разглядел своего «двойника» рассмеялся и ушел по своим делам. Проходивший мимо знакомый слесарь остановился и поинтересовался:

— О чем вы так долго беседовали с главным механиком завода?

— Он что и впрямь главный механик? И давно здесь работает?

— Давненько, лет пять, не меньше, если мне память не изменяет!

Шамаев побежал к своим однокурсникам с только что услышанной новостью:

— Знаете кого мы весь год дразнили из окон?

Первым откликнулся на эту новость сам Боря Житков:

— Конечно знаем! Это главный механик судоремонтного завода! Я его с самого начала практики узнал! «Двойник» все-таки!

* * *

— Кусочек хозяйственного мыла надо, руки перед обедом помыть! — Володя несмотря на все предосторожности все же ухитрился испачкать руки в мазуте и ржавчине. Растопырив пальцы, чтобы не испачкаться еще больше, тщетно разыскивает хозяйственное мыло.

— Кто моет руки мылом в цехах? Во век не отмоешь мазут, ржавчину, смазку хозяйственным мылом! Пойдем я покажу как это делается! Практика заканчивается, а ты даже руки мыть не

научился! Вот чудак-человек! — Илатовский ведет Туркова к ванне наполненной соляркой, черпает горстями мутную жидкость и моет руки, а затем насухо вытирает руки ветошью. Действительно, после этой процедуры руки становятся чистыми, белыми и мягкими, хотя несколько минут назад были черными от грязи и мазута

— Так они же будут керосином вонять! — недоверчиво возражает Турков.

— Можно вместо керосина машинным маслом помыть! — предлагает другой способ Илатовский, — машинным маслом даже лучше, кожу не сушит!

— А ты не знаешь кто заключение о прохождении практики на заводе будет давать? Я тут однажды крепко отличился, ломик с верхних решеток на бригаду уронил! — Турков все еще переживал за свою злополучную оплошность.

— Заключение будет делать руководитель практики, а не бригадир! Вряд ли он что-нибудь слышал о твоем ломике! Думаю, что этот случай давно забылся. Хватит переживать, терзать себя по пустякам! — ободрил Туркова миротворец Илатовский.

Из трубопроводного цеха Саша Шмаков тащит какую-то тяжесть, ноги в коленях дрожат, ходят ходуном от напряжения.

— Саша брось, а то уронишь! — иронизирует оказавшийся рядом Тестов, — опять на кого-то ишачишь! Твоя бригада в курилке сидит и анекдоты травит, а ты надрываешься!

Не вовремя появился руководитель практики с блокнотом в руках:

— Что? Что такое? Несовершеннолетний паренек такие тяжести таскает на себе! Кто вам эту работу поручил? Из чьей вы бригады?

Саша, чтобы казаться выше вытягивается, расправляет плечи и даже пытается встать на цыпочки:

— Никто ничего мне не поручал! Я выполняю эту работу по собственной инициативе!

Шмаков, конечно, соврал выгораживая слесарей. Но он такой, какой есть: в учебе и работе трудоголик. Его никаким воспитанием не исправишь.

— И все же я доложу начальнику цеха! Нельзя допускать, чтобы несовершеннолетние таскали на себе тяжелые детали!

— Не надо, пожалуйста, не надо! Я больше не буду! И слесаря тут не причем! Это моя инициатива! — Саша не хотел доставлять своей бригаде лишние хлопоты и неприятности. Чего доброго, могут премии лишить!

— Ладно, проехали! Только вы больше таких инициатив не проявляйте! Ведь и меня наказать могут! — руководитель

практики закрыл блокнот и сунул карандаш в нагрудный карман комбинезона, давая понять, что инцидент исчерпан.

Всем практикантам выдали контрольное задание. Как всегда, это оказалось лотереей. Одним досталось задание плевое, другим очень сложное. Отличники получили простое задание, а «лжемеханики» — сложное:

— Давайте, поменяемся темами контрольных заданий! Кто будет разбираться кому какое выдано! Ведь никто нигде и ничего не записывал и не фиксировал! — скулили «троечники».

— Махнем не глядя, что ли? Тогда стимул нужен! На кой ляд нам надо над чужим заданием личное время транжирить? — выдвинули свои условия отличники.

— Предлагаю в качестве стимула пачку хороших сигарет! — подал голос Иньков.

— Каждому! — уточнил условия сделки Сивков, — хотя я и не курящий!

Контрольные задания по судоремонту все сдали вовремя. Троек не было.

Вечером, перед отбоем, мы строим планы на ближайшее будущее. Как-никак впереди отпуск, а мы, без пяти минут, — третьекурсники. Можно три курсовки на рукав пришивать, а если еще золотистый якорек над курсовками прицепить, то как раз регалии будут от плеча до локтя!

Женя Клишев зовет к столу шахматистов, сыграть партию на сон грядущий. Да разве сейчас до шахмат! Кто будет тратить время на такую ерунду? Лучше проверить еще раз готовность к поездке домой. Чтобы не упустить важных деталей, лучше записать все на бумажке, что еще надо прикупить, хотя денег у всех в обрез.

Делятся впечатлениями о последних зимних каникулах, как встречали это событие домашние. Юра Илатовский пытается рассказать о том какой у него отец, высокий, статный, черноволосый.

— А ты в кого уродился? Маленький и рыженький? — поддел неудачливого рассказчика Тестов.

Илатовский не обижается на язвительное замечание. Он терпелив и не любит спорить и конфликтовать.

— Наверное, в мамину родню, там почти все рыженькие!

Не забыты и старые, смешные истории. Поддевают Земцовского и Гороха:

— В отпуске мама вас в женскую баню не водила?!

Заметно подросшие к этому времени и повзрослевшие «цыпленыши» отвечают на вопрос руганью и бранью. После, немного успокоившись Юра Горох выдает еще одну историю, из-

за которой чуть не опоздал из отпуска:

— У нас на станции всяких мешочников, сезонников, да вербованных тьма! Очередь за билетами сумасшедшая! Я один поезд пропустил, а на другой еле-еле билет купил! Мог из отпуска опоздать!

— Зачем ты в общую очередь за билетами стоял? Надо было в воинской кассе билеты покупать! Там очередей никогда нет, а билеты всегда есть! — подсказал опытный по части передвижения по железным дорогам Баранов.

— А я не слыхал об этом! Впервые слышу!

— Чудак-человек, мы все давно пользуемся воинскими кассами. Ни минуты в очередях не стоим! Кассирше в окошечке, какое дело курсант ты или военный? Видит молодого человека в морской форме и любой билет продаст, какой спросишь! Хоть общий, хоть плацкартный, или купейный!

На время воспоминания о прошедших отпусках забываются, лишь через несколько минут Миша Пылинский говорит мне:

— Видел набор открыток с видами Каргополя! Красивый городок! Можно сказать, исторический. Много разных церквей! Много зелени!

— Да городок красивый, особенно летом! Среди зелени возвышаются церкви, храмы белоснежные! Правда давно не реставрированные, ветшают со временем.

— Чем знаменит ваш городок? В открытках об этом ничего не сказано.

— Он старше Москвы! Только потом захирел, когда железную дорогу мимо него провели, на обочине промышленного бума оказался. Там улица Ивана Болотникова есть, его в проруби утопили. А вообще-то это районный центр. Со всеми данными городов подобного ранга!

Позади учеба, зачеты, экзамены судоремонтная практика и прочие приятные и неприятные события учебного полугодия. Впереди — отпуск, каникулы! Целый месяц сладкой, безмятежной и вольготной жизни под крылом любящих родителей! К этим сказочным дням надо готовиться заранее. Чем можно поразить районную и сельскую молодежь и взрослых? Конечно, рассказами и множеством знаков отличия и регалий на одежде. Местные, Архангельские курсанты тоже любят пустить пыль в глаза, нацепить на себя все что положено и не положено. Поэтому, подкопив немного деньжат, группа ребят направляется в магазин «Военторг», тот самый, который стоял когда-то напротив театра. Витрина полна всяких знаков отличий и военной символики, разве что только боевые награды отсутствуют.

— Ребята, смотрите какие красивые курсовки, золотистые! —

жарко шепчет Теплухин, — можно сразу четыре на рукав пришить!

— Четыре — это перебор! Мы только второй курс закончили! Три — в самый раз будет!

— Какие красивые якорьки и разных размеров, пришивать не надо прямо поверх курсовок приколоть можно!

Каждый покупает один и тот же набор: три золотистых курсовки и такого же цвета якорек. Довольные удачными и красивыми покупками, идем дальше, выполнять все намеченные покупки.

— Бескозырки заказывать будем? Здесь, на Чумбаровке ателье от «Военторга», головные уборы шьют. Все что угодно заказать можно! За пару дней изготовят! Давай, раскошелимся, это не дорого! — уговаривает Теплухин, — закажем бескозырки с белым кантиком, как у военных моряков! Классно выглядеть будем!

До ателье совсем близко и все соглашаются: Илатовский, Теплухин, Перминов, Иньков и я. Заказ на бескозырки приняли быстро, дело для портних давно знакомое и поставлено на поток.

— С белым кантиком бескозырки! С белым кантиком! — который раз напоминает Теплухин, — как у военных моряков!

— Знаем! Знаем! — улыбаются портнихи, — через два дня приходите! Все сделаем согласно заказа!

— О самом главном мы позабыли! — вовремя спохватывается Теплухин, — о ленточках к бескозыркам! Я предлагаю короткую надпись: «Мореходное училище», а всякий посторонний любопытный пусть сам догадывается в каком городе оно находится!

— Верно! Классно придумано! Молодец Теплухин!

— Надпись кто сделает? Надо фирменную, тисненную, чтоб несмываемая была!

— Я знаю то место, где могут сделать золотистую, тисненую надпись на ленточке для бескозырки и с якорьками! Вот только гурьбой туда идти не стоит. Пойду я один и договорюсь о расценках и о заказе. Деньги заплатим и ленточки завтра будут уже готовы! Согласны?

— Согласны! — дружно, как по команде кричат все.

Теплухин исчезает за углом и через несколько минут появляется с торжествующей улыбкой на губах:

— Дело сделано! Договорился! Восемь одинаковых ленточек с одинаковой надписью! Деньги у всех есть? Тридцать рублей штука!

Мы молча и торопливо собираем нужную сумму. Наш посредник исчезает за углом, а любопытный Иньков незаметно

следует за ним. Прошло минут десять и Иньков появляется вновь, прикрывая ладонью рот от рвущегося наружу смеха и раскрывает секрет «мастера-частника»:

— Он работает в «Ритуальных услугах» подписывает венки клиентам! Сами догадываетесь каким!

Мы не знаем, что делать: смеяться или возмущаться. Успокоил всех Юра Илатовский:

— Ладно ребята, чего расстраиваться? Главное, чтобы качество было хорошее! Не все ли равно где их изготовили?!

Вернулся Теплухин и по выражению лиц понял, что секрет изготовления ленточек раскрыт:

— Только не говорите никому! Не треплитесь! Иначе будут неприятности у мастера и у нас тоже!

Мы возвращаемся в общежитие, все дела сегодняшнего дня выполнены. Пора собирать чемоданчики, все лишнее сдавать коменданту в каптерку и поразмыслить над тем, как и где провести каникулы. Некоторые меняют свои планы в последнюю минуту, внезапно, всякое бывает!

Глава III
Третий курс

Кто из мальчишек не мечтал о море, о кораблях, о дальних плаваниях и неизведанных землях? Романтика порождает розовые мечты, которые разбиваются о грубую и порой жестокую реальность.

Мы, курсанты третьего курса судомеханического отделения, стоим в очереди к окошечку инспектора отдела кадров тралового флота в надежде получить направление на штатную должность.

Инспектор всего один и мечется как белка в колесе. Всклоченные волосы, воспаленные белки глаз, постоянно дымящаяся сигарета. Надо полностью укомплектовать уходящие в рейс суда, еще раз просмотреть паспорта, санитарные книжки, дипломы и сотни других дел, чтобы исключить всякие неожиданности, могущие задержать выход судна в море.

В бархатный сезон август-сентябрь, большинство плавсостава рвется на берег, в отпуск. Надо и свой урожай на даче собрать и побывать в теплых краях у Черного моря, отдохнуть и позагорать, воспользоваться возможностью сэкономить деньги на сезонном снижении цен на овощи и фрукты. Поэтому вакансий много и у курсантов есть надежда получить заветное направление и, наконец, своим трудом заработать денежку. Поэтому мы рады поменять бархатный сезон и береговую благодать на волны, ветра, шторма и ураганы. Те, кому еще не исполнилось восемнадцать откровенно завидуют нам: пусть немного, но на карманные расходы все же заработают!

Инспектор Александр Перфильев заглядывает в окошечко и спрашивает меня:

— Угольщиком на РТ-68 «Енисей» пойдешь? Согласен?

Угольщик — это кочегар второго класса, обеспечивает вахтенного кочегара углем, чистит от скопившейся золы поддувала, убирает золу и шлак из кочегарки за борт специальным механическим приспособлением.

— Конечно согласен!

Инспектор просовывает в окошко направление, я расписываюсь и бегу на судно, стоящее у причала рыбокомбината под выгрузкой. Оказывается, «Енисей» — поисковик, его задача искать и находить скопления и косяки рыбы, созывать промысловые суда в перспективный район. После того как соберется группа судов в районе найденного и разведанного косяка, поисковый траулер идет в другой район, отыскивать и

находить новые скопления рыбы. Эти суда снабжены более современной рыбопоисковой аппаратурой, современными навигационными приборами и связью.

Мое направление внимательно читает старший механик, Фуфлыгин Борис Валерьянович, сдвинув к переносице черные, кустистые брови:

— Только-только восемнадцать исполнилось? Скрывать не буду: работа грязная и очень тяжелая! Справишься? Выстоишь?

Я утвердительно киваю головой. Слыхал, что есть «морская болезнь», но представление о ней имел смутное. Пока сам не переболел.

Механики, по случаю возвращения в порт все навеселе, в каютах смеются и повизгивают от счастья их жены и подруги. Третий механик, недавний выпускник нашей мореходки, говорит снисходительно:

— На первый случай дам тебе самую простую работу: заменить сальник ветрогона!

Я понятия не имею, что такое ветрогон и какой у него сальник и гляжу на механика с недоумением. Тот спохватился:

— Ты еще робы не получил? Не в чистой же морской форме работать будешь!

Приносит рабочую одежду — куртку и портки — все изрядно поношенное, с дырками, и, судя по запаху, никогда не стиранное. Но что поделаешь, возмущаться или роптать тут не принято, да еще желторотому, вновь направленному угольщику.

Заостренным и изогнутым в виде крючка электродом выковыриваю твердую как камень, старую набивку вентилятора. На острие крючка только отдельные волокна. Совсем как писал Маяковский: год работы — грамм труды.

Подходит второй механик — круглолицый, веснушчатый, рыжеволосый. Смотрит на мои тщетные старания и говорит:

— Так до морковкина заговенья ковыряться будешь и без толку! Дай я покажу как надо: единым махом выбью!

Он открывает на вентилятор свежий пар, давлением пара вышибает старую набивку как пробку из бутылки шампанского.

— Вот и вся недолга! — говорит механик, вытирая ветошью руки, — Третий механик мог бы сам это сделать, а ему обязательно надо новичка разыграть! Такой уж шутник!

Так я знакомлюсь со всей машинной командой: механиками, машинистом, слесарем и кочегарами. Все они навеселе и кажутся добрыми, отзывчивыми и словоохотливыми.

Короткая стоянка заканчивается быстро. После трех прощальных гудков траулер берет курс в Баренцево море. Надо искать и находить новые скопления трески, пикши, окуня для

целой флотилии промысловиков.

Я тоже готовлюсь к штормам и качке. Аккуратно складываю курсантскую форму в чистую наволочку и запираю в шкафчик, называемый рундуком, чтобы вовремя качки одежда не терлась о стенки и не прохудилась до дыр. Моряки рассказывали, что от однообразной, ритмичной качки новые пиджаки и куртки истирались до дыр о стенки шкафчиков. Предосторожность не повредит.

Самое невыносимое в первые дни плавания для новичка — морская болезнь. Постоянная, непрекращающаяся качка вызывает тошноту, рвоту, головную боль, слабость во всем теле. Желудок выворачивает на изнанку, хотя он совершенно пуст. Надо работать, работать интенсивно, в жаре, духоте, обливаясь потом. По рельсовой дороге, на четырехколесной тачке возить и возить уголь из резервного трюма, мучных ям в кочегарку.

— Не тыкай лопатой в кучу угля! — поучает доброжелательный и сочувствующий моим страданиям кочегар, — доберись до палубы, так легче будет! Уголь сам на лопату сыпаться станет!

Бортовую качку, когда судно валяет с борта на борт, я, к своему удивлению, переношу легче. А вот когда встречная волна поднимает судно вверх и стремительно бросает его снова в бездну, вниз (килевая качка) вызывает усиленную тошноту, головокружение и слабость. Возникает непреодолимое желание упасть прямо на прохладную, сырую кучу каменного угля, лежать, лежать и лежать не вставая.

— Уголь в кочегарке кончился! Угля давай! Скоро надо будет поддувала чистить, шлак и золу убирать! Давай, поторапливайся, шевелись! — щерится кочегар с повязкой или косынкой на лбу. Худой, жилистый, чумазый, почти беззубый, он похож на ведьму и на кровожадного пирата из «Острова сокровищ».

— О-о-о! Не надо денег! Не нужна зарплата! Скорее бы оказаться на берегу, прийти в нормальное человеческое состояние! — мелькает в голове желание, далекое и недосягаемое как берег. Огромным усилием воли собираю оставшиеся силы, наполняю тачку углем, везу по рельсам к кочегарке и опрокидываю прямо под ноги кочегару.

— Еще пару тачек и надо чистить поддувала у топки правого борта!

Откуда берутся силы просто не знаю, наверное, это от молодости, еще пару тачек опрокидываю в кочегарку. Чищу поддувало проходной топки специальным гребком, заливаю золу и горячий шлак из шланга. Ужасно хочется пить, но пить пресную воду из водомерных труб нельзя. Она набрана прямо из Двины,

неочищенная, не хлорированная и можно заразиться любой болезнью.

Наконец кончается моя вахта и я иду отдыхать в свою каюту. Принимать душ или идти в баню нет сил, ложусь в свою кровать и сразу же засыпаю.

Все мои однокурсники, впервые вышедшие в рейс угольщиками, испытали эти круги ада. Некоторым досталось еще хуже, чем мне.

На балансе флота в то время было несколько модификаций тральщиков: отечественной, шведской, финской и польской постройки. Самыми старыми были отечественные суда, а шведской, финской и польской постройки пятидесятых-шестидесятых годов были более современными, с искусственной тягой воздуха в топках, механическим удалением шлака и золы из кочегарки. Это очень облегчало физический труд кочегаров.

Юре Романову не повезло. Он попал как раз на траулер отечественной постройки тридцатых годов. Экипаж этих судов комплектовался из «козодеров», то есть нарушителей дисциплины и штрафников разного толка. Шлак и зола удалялись из кочегарки за борт вручную. Большая металлическая бадья, полная неостывшей золы, горящего угля и шлака поднималась на палубу при помощи ручной лебедки. Угольщик натужно крутил лебедку, а когда тяжелая бадья поднималась быстро отцеплял тросик и опрокидывал содержимое за борт. Порой штормовой ветер бросал в лицо и за ворот горячую золу, искры. А огромная шальная волна накрывала бадью и угольщика ледяной водой, часть воды через трубу обрушивалась в кочегарку, «освежая» мокрого от пота кочегара. В адрес угольщика неслись матюги и проклятия.

Романов слышал, как на ходовом мостике переговариваются штурмана, сдавая друг другу вахту. Им что! В тепле, как в домашнем гнездышке сидят! А тут надо вручную лебедку крутить, шлак и золу из кочегарки поднимать, да по сторонам поглядывать, как бы самого волной за борт не смыло!

Романов поднимал шестую по счету бадью и конца этой работы было не видно.

— Эх, зря я на судомеханическое отделение пошел! Ведь никакого призвания к этому не было!

А в это время, над его головой, на ходовом мостике, третий помощник, недавний выпускник мореходки, сдавая вахту второму помощнику, заметил:

— Погода хорошая стоит! Декабрь месяц, а ни разу не штормовались!

— Типун тебе на язык! — сердится суеверный второй помощник, — до конца рейса целая неделя, всякое может

случиться!

— А нам то что? План рейса уже выполнен! Можно и поштормоваться в оставшееся время! — И, уходя с мостика, молодой штурман стал насвистывать мотив модной песенки.

— Тьфу! Обязательно на мостике свистеть надо! Как будто в кают для этого места нет! — всерьез расстроился второй помощник, — свистеть в море, ветер да шторм вызывать!

И, действительно, за какие-то полчаса море почернело и вздыбилось. Чайки, в преддверии шторма, высоко парившие над мачтами, уселись на воду в ожидании лучшей погоды. Матросы за рыбоделами подняли капюшоны рыбацких курток и отворачивались от брызг. Ураган налетел неожиданно и резко. Огромные волны перехлестывали через нос и полубак судна, водопадом низвергались с козырька бака.

— Трюм быстрее закрывайте! — гремел с мостика голос капитана — И все в укрытие под полубак!

Девятый вал накрыл весь нос судна. От удара корпус задрожал мелкой дрожью. Мощная лавина воды хлынула на палубу, сметая все на своем пути. В круговороте воды плавали пустые бочки-трещанки, ивовые корзины для тресковой печени, деревянные столы — рыбоделы. Следующий вал выбил заборочные щиты на палубе, смыл за борт остатки не убранного улова и рыбные отходы.

Девятый вал застиг врасплох Юру Романова. Выпустив из рук бадью с золой и шлаком, он проворно взобрался по вертикальному трапу на крыло мостика. Бадью смыло за борт.

— Бадью смыло за борт! — несмело прокричал в трубу Романов кочегару.

— Вирай мусор портками! — злобно выкрикнул кочегар, — так-растак-перетак-туды твою!

Нашли старую дырявую бадью, залатали дыры жестью.

— До порта дотянем и закажем новую, — вздохнул старший механик, — А ты будь повнимательней, тебя тоже могло за борт смыть!

Маленькие «цыпленыши» Горох, Земцовский, Шмаков направлены на суда учениками машинистов, поскольку были к этому времени несовершеннолетними. Ученики машинистов несли вахту в машинном отделении вместе с механиками. Обязанности были простыми: уборка машинного отделения, смена машинного масла в масленках и выполнение простых указаний: сходи, принеси, почисти и промой в керосине детали, постирай фильтры и т. д. За эту самую грязную работу им не платили ни копейки, а члены экипажа насмешливо называли их «ученьми». Многие механики прошли эту школу «учеников

машинистов». Целеустремленные и любознательные старались перенять опыт специалистов, буквально ходили за ними по пятам, жадно впитывая и запоминая все их действия и операции в работе. Те, кто не собирался работать судовыми механиками, просто ждали, когда закончится рейс, закончится морская практика.

Вряд ли они могли чему-нибудь научиться.

Два курсанта Коля Баранов и Аркаша Хомченко согласились работать на палубе матросами. Эта работа им была знакома еще до поступления в мореходку. Вместе с тралмейстером и другими матросами они спускали и поднимали трал, разделывали рыбу, а на переходах выполняли обязанности матроса-рулевого. Перед выходом в море матросами они поставили условие, по документам они должны числиться кочегарами: иначе практика им не будет засчитана. Здесь уместно разъяснить специфику получения «рабочих дипломов» после окончания морского учебного заведения. Рабочий диплом, по которому судоводитель может занимать должность помощника капитана, выдается только после определенного ценза плавания в должности матроса. Аналогичные условия получения дипломов и у судомехаников: рабочий диплом выдается после определенного ценза плавания в должностях рядового состава машинной команды: слесаря, машиниста, кочегара и т. д. эти правила Кодекса Торгового Мореплавания выполняются неукоснительно.

Коле Баранову и Аркаше Хомченко пришлось вспомнить забытые за два года учебы в мореходке все навыки работы матроса-обработчика. Коля начал первый рейс матросом 3-го класса или, как говорят рыбаки — «подавалой». Стоя по пояс в трепещущий массе вылитого в ящик очередного улова, он подавал рыбу на разделочный стол «рыбодел». За вахту надо было согнуться и разогнуться тысячи раз: взять скользкую, трепещуюся рыбину в ящике и положить на рыбодел определенным образом — брюшком вперед и головой к матросу-обработчику. Но у него за плечами был почти годовой опыт работы, и он быстро перешел в матросы 2-го класса.

Однажды, в очередной выливке улова из трала в ящик, блеснула крупной чешуей, необычного вида рыба.

— Семга! — первым догадался Баранов и бросился всем телом на сильную, необычайно увертливую рыбину.

— Поймал! Килограмм пять, не меньше!

Надо сказать, что семга сильная и быстроходная рыба и в трал попадает очень и очень редко. Даже попав в трал, она, преодолевая течение и напор воды за счет силы и скорости выходит из ловушки.

— Никола! Возьми меня в пай! Ты все равно солить не умеешь! Семгу солят по особому рецепту! — набивается отведать «царской рыбы» тралмейстер.

— Конечно, конечно! Всей вахтой кушать будем! — соглашается Баранов.

— Ур-р-ра! — дружно вопит вся вахта, предвкушая всеобщий пир.

— Тише вы! Капитан услышит и, чего доброго, заберет семгу себе, а нам облизываться придется!

— Капитану лучший кусок отнесем! Он заслуживает этого! Но и нам попробовать охота! — вразнобой и уже не так громко ропочет вся вахта. Тралмейстер и его помощник умело разделывают рыбину, натирают ее крупной Елецкой солью, заворачивают в холщовую мешковину и прячут в укромное место, в сетевую кладовую, в бухту просмоленного каната. Фиг кто догадается и найдет! Через сутки, машинисты отыскали спрятанное сокровище и перетащили его к себе в туннель гребного вала, где всегда пахло соляркой и машинным маслом. Припрятанный машинистами деликатес отыскал боцман и, не мешкая, той же ночью унес рыбину к себе, в фонарную кладовую, где хранились краски, олифа и другая боцманская утварь, а для верности повесил на двери пудовый замок:

— Угощу капитана в первую очередь! Вдоволь сам наемся! Домой принесу килограммчика два! А уж потом, может и другим что-нибудь достанется!

Рано утром принес капитану к завтраку лучший кусок, даже не попробовал сам:

— Тонкими ломтиками семгу режьте! И хлебушек сливочным маслом смажьте, так вкуснее будет! — подсказывал боцман капитану секреты заготовки бутербродов.

— А где вы ее взяли? В Норвегию мы вроде бы не заходили? — поинтересовался капитан, умело следуя советам боцмана.

— В трал попала, а я первый ее ухватил! — немного исказив действительность соврал боцман.

— Вот всегда так! Все что происходит на судне я узнаю последним! В следующий раз мина в трал попадет, а я об этом узнаю только тогда, когда она рванет!

Капитан запустил в рот первый бутерброд, пожевал и скривился:

— Господи! Что за дрянь ты мне подсунул? — он сплюнул недожеванную массу себе в горсть.

— Что такое? Что такое? — засуетился боцман, испуганно вытаращив глаза.

— Надо было сначала самому попробовать, а уж потом других угощать! — рявкнул капитан, лицо и шея его побагровели.

Боцман взял надкушенный бутерброд, сунул себе в рот и начал жевать:

— Кажется того, натянула эта нежная рыба запахов в моей фонарной краски, олифы скипидара…

— Еще керосина, да масла машинного! — добавил капитан, — это надо же! Такой деликатес изгадили! Уж лучше бы не приносил, себе оставил!

Когда Коля Баранов, вернувшись с морской практики, рассказывал эту историю курсантам, поминутно вспыхивал смех, сыпались недоверчивые восклицания:

— Правда?! А ты не привираешь?

— А как у тебя с плавательским цензом? — спросил практичный Саша Шмаков, — кочегаром провели или матросом?

— С бумагами полный порядок! Дали выписку из судовой роли, что прошел морскую практику в должности машиниста 2-го класса!

Юра Илатовский получил направление на новенький, еще ни разу, не побывавший в ремонте траулер польской постройки. Старший механик, знавший практиканта еще по Рыбопромышленному техникуму неожиданно предложил:

— Слушай, зачем тебе учеником машиниста мыкаться, грязь за всеми убирать, бесплатно работать? У меня не хватает машиниста 2-го класса! Работа та же самая, что и у ученика машиниста, но оплачиваемая! Справишься?

Кто добровольно откажется от такого заманчивого предложения? Илатовский с радостью согласился, хотя внутренне немного сомневался. Как его примет море? Сумеет ли выстоять перед качкой, морской болезнью?

Сосед по каюте не стал качать права старослужащего, признался честно:

— Я тоже только во второй рейс иду, небольшой опыт есть, но морскую болезнь перенес легко! На второй день после выхода в море уже все кушал!

Илатовский осмотрелся, брезгливо сморщился:

— Судно новое, а тараканов уже наплодили! Неужели вывести их невозможно?

— А как их выведешь? Надо во всех каютах одновременно выводить, чтобы какой-то результат был! Я тоже брезглив и дедовским способом ставлю ловушки!

— Каким дедовским способом? Дустом что ли посыпаешь?

— Да нет! Беру пол-литровую стеклянную банку, обмазываю внутри тонким слоем сливочного масла. На дно кладу как

приманку кусочек рыбы. Когда рыба начинает портиться, они полчищами на этот запах бегут, а обратно уже не вырваться! Лапки по стеклу скользят! Главное, чтоб банка во время качки не опрокинулась!

Выслушав полезный практический совет по борьбе с насекомыми Юра спросил своего соседа:

— Механики у вас хорошие?

— Как специалисты и как наставники — класс! Тебя на вторую вахту определят, со вторым механиком будешь стоять! Хороший мужик, понятливый и добрый, у него многому можно научится! Кому как повезет! Одни выходят в море в первый раз и сразу попадают в жестокий шторм. К другим стихия куда милостивее и к качке приучает осторожно, медленно, как будто щадя новичка.

К Илатовскому природа была милостивой. К легкой качке он постепенно привык. В начале пропал аппетит, подташнивало, но на второй день с аппетитом скушал весь обед.

— Ты, главное, не зацикливайся! Не стой и не сиди на месте, не ложись в кровать! На вахте постоянно делай что-нибудь, отвлекайся! Привыкнешь к качке, я тебя научу подшипники «щупать», определять их температуру на ощупь и рамовые и головные и мотылевые! — обещал Илатовскому второй механик.

Для наглядности второй механик положил руку на головной подшипник, который быстро двигался вверх-вниз:

— Ну как, сумеешь тоже самое сделать? Или пока страшновато?

— Пока не смогу! — смущенно признался Юрий, — но обязательно научусь!

— А вот еще один фокус, страшноватый для новичков! — механик залил масло в жестяную масленку с очень длинным и тонким носиком и в ритм движения механизма, начал смазывать головной подшипник. Рука механика и масленка быстро-быстро ходила вслед за кривошипно-шатунным механизмом и капельки машинного масла попадали точно в цель.

— Трудно, но научусь! — уверенно ответил Илатовский.

— Главное не отвлекаться и не зевать! Иначе вышибет из рук и сломает масленку. Твои предшественники уже много их поломали!

Сосед по каюте полюбопытствовал:

— Как прошли первые вахты? Научился чему-нибудь?

— Сразу всему не научишься, а учиться надо многому! Главное наставник хороший попался! Есть чему поучиться!

Второй механик часто отлучался от пульта управления главного двигателя, занимался ремонтом динамо-машины,

разбирал для чистки масляный сепаратор, сепарировал отработанное масло. Но во всех случаях старался все делать так, чтобы молодой машинист все видел своими глазами, понимал суть выполняемой работы.

В полдень, после обеда, в машинное отделение спустился старший механик:

— Ну как у тебя, Анатольевич, помощник трудится? Научился чему-нибудь? Или я, зря его взял в машинисты?

— Не зря! Не зря! Толковый и старательный паренек! После окончания мореходки пусть снова к нам приходит!

— Рад слышать от тебя такой отзыв! Передам капитану чтобы сделал запрос в отдел кадров тралового флота на твоего помощника!

* * *

Миша Пылинский получил направление на старенький траулер отечественной постройки. О своем первом рейсе вспоминать не любил. Как и все, впервые вышедшие в море, страдал от морской болезни, тошнило терял аппетит. Мысленно твердил сам себе:

— Крепись! Со временем пройдет! Надо этот период пережить, преодолеть!

К концу первого рейса уже подменял кочегара, который уходил в каюту попить чаю минут на пятнадцать-двадцать. Возможно именно тогда пришла уверенность, что может справиться на вахте самостоятельно. Вспоминая свой первый рейс отдает должное своим учителям и наставникам, которые верили, что из этого крепкого, выносливого парня получится хороший работник.

Миша пробирается на вахту в кочегарку сменить своего коллегу. Третий помощник, высунувшись из окна рубки, кричит:

— Держись с подветренной стороны! Волна большая! И по сторонам посматривай!

Ветер уносит слова штурмана и его крика почти не слышно. Миша и сам понимает, что надо пробежать правым бортом. Но как? Ящик правого борта заполнен свежевыловленной рыбой. Придется до лебедки бежать левым бортом, а потом между лебедкой и средней надстройкой, перебежать на другой борт. Матросы спешат обработать поднятый на борт улов. Мелькают шкерочные ножи в руках, люстра над их головами, подвешенная на стальном тросике, мотается из стороны в сторону в такт качке и накатывающимся волнам.

— Миша! Меняй скорее Володю Тык-Мык! Он совсем из сил выбился! Пар держать не может! Еле-еле ползем навстречу волне! — жалуются матросы молодому кочегару.

В кочегарке Пылинского встречает уже пожилой кочегар, по прозвищу Тык-Мык, изнуренный, вспотевший и беспомощный.

— Тяги совсем нет! Выше четырнадцати килограмм давление в котле не могу поднять!

— Это погода! Циклон надвигается! Дым почти по воде стелется! — несмотря на молодость и малый опыт Пылинский знает, из-за чего давление пара в котле иногда очень трудно поднять.

— Так я пойду?! — неуверенно вопрошает Тык-Мык, подкрашенные усы обвисли, краску смыло вместе с потом и кочегар кажется старше своих пятидесяти лет.

— Беги в каюту правым бортом! С левого борта волна большая! Смоет за борт неровен час! — кричит вдогонку обрадованному кочегару Пылинский. Поднять давление пара в котле до марки дело не хитрое, был бы опыт, сноровка, да выносливость. Уже через два часа все три топки почищены, а заступивший на вахту угольщик чистит от скопившейся золы поддувала, заливает водой из шланга дымящийся шлак и начинает удалять весь мусор за борт. У Миши появляется десяток свободных минут расслабиться, отдохнуть и поболтать с вахтенным механиком. Оба вспоминают знакомых преподавателей, воспитателей, командиров. В тралфлоте почти все механики и штурмана выпускники рыбной мореходки и тем для бесед всегда предостаточно. Время летит незаметно и скоро придет смена. До следующей вахты двенадцать часов, можно выспаться, заняться личными делами. Жаль, что ни аккордеона, ни баяна ни гармошки на судне нет. Единственное развлечение — кинофильмы. Киноаппарат «Украина» закреплен на маленьком столике в столовой команды. От аппарата до экрана всего метров пять-шесть. Фильмы, в основном черно-белые, иногда попадаются цветные, недавно вышедшие на экран. Такие смотрят по нескольку раз.

Споры разгораются при выборе фильма, к общему согласию прийти трудно: одни уже видели намеченный к просмотру фильм и хотят другой, а часть зрителей не видела и хотят именно этот:

— Давай «Дело Румянцева», хороший фильм!

— Его вчера все смотрели! Давай «Ночной патруль», там Бернес играет!

Пылинский все эти фильмы видел еще в мореходке и пробирается к выходу, чтобы отдохнуть перед очередной тяжелой вахтой.

— Ребята! Тут есть фильм «Улица полна неожиданностей» в главной роли Леонид Харитонов! Перематывать бобину?

— Давай! Давай перематывай! Это то, что надо!

Консенсус найден и все устраиваются поудобней для просмотра. В луче проектора киноаппарата появились и заклубились струйки дыма. Какой-то заядлый курильщик не выдержал и закурил.

— Сколько раз говорить одно и то же? В салоне не курить ни во время приема пищи, ни во время демонстрации фильмов! — горячо возмущаются некурящие. Миша активно поддерживает этот призыв, чем вызывает гнев заядлого курильщика:

— Помолчал бы, салажонок, без году неделя в траловом флоте, а лезет с советами и указаниями!

Включили свет в салоне. Курильщик еле достает до плеча «салажонка» и поэтому быстро замолкает под дружный смех кинозрителей.

Мурманск был уже знакомым городом для Пылинского. Проспект Ленина, площадь Пяти Углов — основные ориентиры. Если немного заплутал в улочках, эти ориентиры выведут тебя куда нужно. Приближался новый год и прохожие тащили новогодние елки, пакеты с подарками и яствами. Морозец с высокой влажностью ощущался все сильней. Гулять по городу расхотелось. От сильного мороза Кольский залив парил и город окутал густой, промозглый туман. Миша направился в Рыбный порт, на свой тральщик.

На судне, старший механик, подписывая «Дневник практиканта» спросил Мишу:

— После окончания мореходки к нам не придешь? Молодые специалисты очень нужны! И по служебной лестнице у нас быстрее продвинуться можно!

Пылинский не стал лукавить и ответил чистосердечно:

— Хочется на более современных судах поработать! Там интереснее! И машинное хозяйство поновей и каюты посовременней!

— Ну вот! Всем новострой подавай! Современные тральщики! А кто на стареньких работать будет? Пенсионеры? — обиделся старший механик.

— Мне еще семь месяцев учиться надо! Трудно сейчас что-нибудь загадывать! В жизни за это время может всякое произойти! — пытался закончить разговор на миролюбивой ноте Пылинский.

— А мы с капитаном тебе такую рекомендацию дали! Думали, будешь постоянным членом машинной команды! — на прощание посетовал стармех.

На палубе, под ногами похрустывал тоненький ледок и многослойный иней. Осталось забрать собранные вещи в каюте и поспешить на вокзал, поезд отходил через два с половиной часа. Из двери каюты просачивались тонкие струйки дыма:

— Мать честная! Опять пьяненький Тык-Мык с сигаретой уснул!

На верхней койке блаженно похрапывал Володя Тык-Мык, а сбоку тлел матрас и удушливый дым уже стлался по всей кочегарской каюте. Миша схватил чайник со стола и выплеснул остывший чай вместе с заваркой на очаг возгорания. Разбуженный грубыми толчками, молодящийся кочегар закашлялся от едкого дыма:

— Что такое? Что случилось? Горим что ли?

— Вот именно! Когда-нибудь сам сгоришь и пароход сожжешь!

Разговаривать с пьяненьким кочегаром было некогда. Через два часа уходил поезд Мурманск-Архангельск.

* * *

Между тем очередная стоянка в порту РТ «Енисей» закончилась. Перед выходом в очередной трехнедельный рейс начались старые проблемы с комплектацией экипажа. С комплектацией матросов палубной команды было легче. Матросом 3-го класса можно было взять любого новичка, даже недавно демобилизованного солдата. За несколько дней, да с подсказками и помощью опытных матросов и тралмейстеров можно научить новичка всем несложным и нехитрым приемам работы. А вот с кочегарами дело посложнее. Нужна не только сноровка и смекалка, но и практический опыт. Держать пар в котле с заданным давлением, чтобы машина работала безотказно, не так-то просто.

Меня вызвал в каюту капитан:

— Понимаешь, какая ситуация, надо в море выходить, а кочегаров не хватает! Знаю, что один только рейс угольщиком работал и опыта маловато. Но тебя очень хвалят все механики и кочегары. Может попробуешь самостоятельно вахту у котла стоять? Трудно будет — поможем!

Отказываться было неудобно: капитан просит! А соглашаться страшновато. Держать пар в котле «на марке» это не только ответственность, но и довольно-таки тяжелая физическая нагрузка. Сумею ли выдержать? Выстоять?

— Сумеешь! — словно угадал мои сомнения капитан, — ну

что, согласен?

После первой ходовой вахты, когда я в конец измученный, возвращался под полубак в свою каюту, мотаясь от борта судна к борту, капитан крикнул рулевому:

— Беги, помоги парню добраться до койки, а я постою за тебя в руле!

Возможно это была кем-то придуманная шутка, но я слышал эти слова от разных лиц неоднократно. Молодость преодолевает любые трудности и тяготы. Понемногу я втянулся в эту экстремальную работу и «держал пар на марке» не хуже, а лучше опытных кочегаров. Опытные матросы, считающие работу кочегара адской, смотрели на меня с удивлением и с определенным уважением.

Будучи на практике, пришлось участвовать в спасении экипажа Мурманского траулера «Карп». Оба траулера, Мурманский и Архангельский были поисковиками и вели поиск косяков рыбы в Северной части Баренцева моря. По своим тактико-техническим данным, количеству экипажа, заданием на рейс — все было почти одинаковым. Разница была лишь в одном: РТ «Енисей» был паровик, а РТ «Карп» с дизельной силовой установкой.

Капитаны этих судов часто выходили на связь друг с другом и делились своими успехами и неудачами в поисках скопления промысловых рыб и косяков. С самого начала рейса Мурманский траулер преследовали неудачи: сначала забарахлила траловая лебедка, а потом вышла из строя вся рыбопоисковая аппаратура и эхолот. Капитан, затюканный грозными телеграммами с берега от начальства и, деморализованный собственным бессилием, принял не лучшее решение: приказал механикам своими силами устранить неисправность эхолота — отдать фланец трубки Пито, расположенный на днище судна и самостоятельно произвести необходимый ремонт.

— Как мы будем на днище судна фланец отдавать? — усомнился старший механик, — в моей практике таких работ выполнять не приходилось!

— Зато мне приходилось! — отрезал молодой и самолюбивый капитан, — выполняйте, что вам приказано!

— Знаете какой силы фонтан забортной воды ударит?! Ничем не удержишь и не заткнешь, а пластырь во льдах будет завести невозможно!

— Делайте то, что вам приказано! — снова повторил капитан, — без эхолота и рыбопоисковых приборов мы превращаемся в прогулочную яхту!

Безропотный механик отдал распоряжение выполнять приказ

капитана. Едва отдали фланец как мощный фонтан ледяной воды ворвался внутрь судна, сбивая с ног работающих людей. Попробовали завести пластырь на «рукотворную» пробоину, но бесполезно: мешали льды, вплотную облепившие судно. Траулер медленно, но уверенно набирал воду, погружаясь в ледяную пучину. Насосы не успевали откачивать поступавшую забортную воду. Затопило машинное отделение. Заглохли дизель-генераторы, остановились осушительные насосы. Во все районы океана полетел зловещий сигнал: СОС, СОС, СОС — Спасите от смерти!

Все суда, в том числе находившийся недалеко РТ «Енисей» приняли сигнал бедствия и бросив промысловую деятельность поспешили на помощь попавшему в беду РТ «Карп». Первым к тонущему судну подоспел транспорт «Индигирка». Вовремя успели снять экипаж, спасать траулер было уже поздно. Корма судна погрузилась в океан, а нос описывал последние круги перед погружением в бездну. Яркие лучи прожекторов, собравшихся к месту трагедии судов, освещали эту драматическую картину. С ревом вырывались остатки сжатого поступающей водой воздуха. Такого жуткого рева мне не доводилось слышать никогда. Затухли и исчезли огромные круги на воде и ледяные поля снова сомкнулись над морской могилой тральщика. РТ «Енисей» поднял спасательную шлюпку с затонувшего тральщика, она была пустой. На дне шлюпки каталась стеклянная банка то ли с маргарином, то ли со сливочным маслом. Видно люди готовились к худшему варианту и запасались жиром чтобы обмазать тело и не терять тепло в холодных широтах Арктики. РТ «Енисей» последовал вслед за транспортом «Индигирка» на Шпицберген в шахтерский поселок Баренцбург, чтобы доставить спасенную команду в порт Мурманск.

Вот он, знаменитый Шпицберген, когда-то называемый русскими мореходами Грумантом. Пурга и темень затрудняют видимость, но огни жилых домов русских шахтеров и административных зданий шахты мерцают довольно отчетливо. Дома и дороги к ним расположены на разных высотах и их огни напоминают огромную Новогоднюю елку со срезанной верхушкой. Издали кажется, что поселок, это огромный многоэтажный дом в виде пирамиды. В декабре закатов и рассветов в этих широтах не бывает, полярная ночь будет длиться до февраля и лишь тогда покажется из-за горизонта краешек холодного красного солнца.

Познав, что экипаж затонувшего судна переселится к нам только через несколько часов, рыбаки просят капитана отпустить их на экскурсию в поселок. Так хочется после нескольких дней

жестокой болтанки и шторма, почувствовать под ногами твердую землю.

— Заблудитесь и потеряетесь в этой темноте! Потом не разыщешь вас в метель и пургу! — отшучивается капитан.

— Или белые медведи утащат в сопки! — добавляет страху старпом, — одного шахтера месяц назад потеряли и до сих пор не нашли!

В конце концов капитан смягчается и разрешает увольнение. Желающих оказалось всего шесть человек. Легко одетые в поселок идти не рискнули, лениво побродили по бетонному причалу, покурили на свежем воздухе, поиграли в снежки и вернулись на судно. Другая часть рыбаков неровной цепочкой тронулась по направлению к мерцающим огонькам поселка. Вслед им неслись насмешливые крики оставшихся на борту:

— Намерзнитесь зазря!

— Водки магазинах у них нет!

— Вернетесь обратно, не солоно хлебавши!

Через два часа все шестеро смельчаков, совершивших экскурсию в Баренцбург вернулись. Их восхищенным возгласам и комментариям казалось не будет конца.

— В шахтерскую столовую сходили, пообедали бесплатно!

— Выбор блюд как в хорошем ресторане: бефстроганов, эскалоп, треска по-польски, гуляш, кура жареная!

— Одних салатов и холодных закусок шесть наименований!

— Первых блюд, супов разных — четыре!

После того, как самые впечатляющие новости были с восторгом выпалены слушателям, ребята поведали, что искупались в теплом бассейне и подстриглись в местной парикмахерской.

— Трудно было поверить, что за стеной холод, метель, вьюга и полярная ночь!

Через несколько часов ожидания, на наш траулер переселился весь экипаж затонувшего судна. Часть рыбаков разместилась в кают-компании. Другая часть — в столовой команды, остальные по своим собратьям по профессии. Механики у механиков, штурмана у штурманов, матросы — в каютах матросов. Переход до Мурманска занял трое суток и был необычным, и сумбурным. Спасенные рыбаки во всех подробностях описывали весь ужас того, что им пришлось пережить за эти шестнадцать часов ожидания спасения. Когда все пережитое было пересказано с подробностями, пришедшие в себя люди занялись важным для себя делом: составлением списков, затонувших вместе с судном, личных вещей, естественно надеясь на денежные компенсации.

В порту Мурманск спасенных рыбаков встречали родители, жены, родственники. Невозможно описать их радость при виде живых и здоровых мужей, сыновей, отцов и братьев.

Так закончился очередной рейс РТ «Енисей», а с ним и моя морская практика. В моем учебном дневнике по морской практике капитан и старший механик написали очень лестный отзыв:

«Занимал должность кочегара 1-го класса, отличается трудолюбием, настойчивостью в достижении цели. Может занимать должность старшего машиниста»

Для курсанта это очень лестный отзыв. Капитан и старший механик сделали запрос в отел кадров тралового флота, чтобы после окончания мореходки я был направлен на РТ «Енисей» старшим машинистом.

* * *

На Мурманском железнодорожном вокзале нос к носу сталкиваются сразу четверо прошедших морскую практику курсантов: Пылинский, Перминов, Мошков и я. Удивление, радость, восторг от случайной встречи:

— Мир тесен! Кто бы мог подумать, что здесь встретимся!

— У кого какой поезд и номер вагона?

Оказывается, все садимся на один и тот же поезд и даже в один и тот же вагон. Уже позднее узнаем, что это не случайное совпадение. Последний вагон, в который мы все попали, будет отцеплен на станции Обозерская и будет ожидать двенадцать часов подхода поезда Москва-Архангельск. Прямого поезда Мурманск-Архангельск не существует. Радость сменяется разочарованием. Что мы будем делать двенадцать часов на незнакомой станции?

— Будем сидеть в вагоне и ждать! Делать больше нечего!

— Полсуток ждать! Это же много! Ничего лучшего не могли придумать железнодорожники?

— Да это давно так! Раньше вообще шестнадцать часов ждали!

Пока мы поругивали порядки на железных дорогах, подошел еще один наш однокашник: Женя Клишев.

— Вот нас уже и пятеро! Немного постоим может еще кто-нибудь появится! — смеется Пылинский.

У всех куча новостей, но мы пока бережем их до отхода поезда. Куда спешить? В спешке рассказывать друг другу важные новости? Нет, потерпим немного, а уж потом, в дороге, все

перескажем друг другу. Наконец, поезд тронулся, в окнах вагона мелькнул рыбный порт, Кольский залив, окутанный клочьями и клубами тумана. В сильные морозы вода в заливе значительно теплее, чем воздух и залив «парит».

— У кого самые важные новости? Кто начнет первый рассказ? — вопрошает Миша Пылинский, как бывший старшина группы, и продолжает:

— Знаете, какое у меня предложение есть? Только чур никому из начальства не рассказывать! А то мне могут «припаять» за это предложение!

— Давай, говори! Может оно действительно дельное!

— Послушаем. Оценим!

— Мурманские рыбные флота намного опередили наш Архангельский траловый флот!

— Это мы давно знаем, не новость!

— У меня знакомый в отделе кадров Мурманского тралового флота работает. Когда-то нашу мореходку заканчивал. Говорит, что их флот так много новых современных судов получает, что кадровики не успевают вовремя укомплектовать экипажи!

— Нам-то что до этого? Нас туда все равно не возьмут!

— Они ведут промысел в открытом океане у берегов иностранных государств, имеют базы ремонта и отдыха в разных иностранных портах!

— Нам еще далеко до такого уровня!

— Подождите! Я не все сказал! Мой знакомый предложил перейти в Мурманский траловый флот! Говорит пусть все, кто захочет приходят! Всех достойной работой обеспечим, а выпускников мореходки в первую очередь! Визу обещают открыть за три-четыре месяца!

— Миша, ты сказки рассказываешь, или всерьез? — спросил недоверчиво Мошков, — уж очень все смахивает на сказки вербовщиков в былые времена!

Этот вопрос надо по-серьезному продумать, спросить у сведущих людей, а уж потом рубить концы! Может так повернуться, что ни туда, ни сюда не попадем! — осторожничает Женя Клишев.

— Я думаю, что до окончания мореходки к этому вопросу возвращаться не стоит! Тем более каких ни будь действий в этом направлении не предпринимать! Обещания одно, а реальность — совсем другое! — свое веское слово сказал самый старший по возрасту Леня Мошков.

За разговорами не заметили, как подъехали к станции Обозерская. Лязгнув буферами поезд остановился. За окнами светились огни незнакомой станции, по перрону сновали

спешащие куда-то люди, в купе заглянула приветливая проводница:

— Мальчики! Будем стоять здесь двенадцать часов, ждать Московского поезда! Можете сходить в ресторан, или столовую покушать, а потом поспать! Вагон будет отапливаться, не замерзнете!

В столовой, ужиная за одним столом, снова горячо обсуждали предложение Мурманского кадровика. Заманчиво! Вот если бы и у нас на флоте такое было! Утомленные прогулкой по станции, походом в столовую, разговорами о Мурманском траловом флоте, возможными перспективами на новом месте работы, о достоинствах и недостатках такого шага, незаметно и тихо уснули все.

— Подъем! Исакогорка на траверзе! — переходит на морской жаргон Миша Пылинский. Действительно, мы почти дома. Просто не вериться, что позади шесть месяцев штормов, ураганов, изматывающей болтанки и качки.

— А как все-таки с Мурманским траловым флотом решили? — задается вопросом Володя Перминов.

— Здесь все-таки дом! Все родное и знакомое!

— Останемся дома! Дома и стены помогают!

— Работать так, чтоб наш флот стал лучше Мурманского!

* * *

После гибели Мурманского РТ «Карп» море бушевало еще несколько дней. В ледяных полях волнение моря не заметно, а в открытом океане килевая и бортовая качка ощущается всегда. Особенно страдали от качки и морской болезни, не занятые работой курсанты, те, которые числились практикантами. Работа помогает преодолеть морскую болезнь, быстрее исчезают симптомы и появляется аппетит. Как только новичок начинает есть, считай, что морская болезнь отступила.

Володя Турков лежал в каюте на нижней койке и даже не пытался подняться. Время от времени свешивал голову с кровати и пытался очистить желудок, но он был давно пуст и кроме мучительных позывов к рвоте ничего не получалось. Рядом, на соседних кроватях с таким же «диагнозом» мучились Гера Копытов и Володя Бубновский.

— Ну все! Ноги нашей здесь больше не будет! Скорей бы рейс закончился! Да до берега добраться! К черту романтику, мореходку и полное государственное обеспечение! Убежим куда глаза глядят, как только к причалу станем!

Думали они все примерно одинаково, а деревенские ребята с ностальгией вспоминали размеренную деревенскую жизнь:

— К черту это море! Эти шторма и ураганы, которые никогда не стихают! Эту качку, которая все нутро выворачивает наизнанку! Лучше всю жизнь колхозником за трудодни работать, чем здесь захлебываться собственной рвотой!

Действительно: море принимает не всех и не каждого. Старая морская поговорка подтвердилась наглядно еще раз. В это же время, на соседнем траулере Юра Романов продолжал постигать азы кочегарского опыта.

— В первую очередь уголь бери из мучных ям! — наставлял его старший механик, — Через сутки придем на промысел и мучные ямы должны быть освобождены! Сюда будет складироваться рыбная мука!

И действительно, через сутки начался промысел, все рыбные отходы и не пищевая рыба пошли на выработку рыбной муки. В узком туннеле, где угольщик возил в кочегарку уголь стало жарко, душно, отвратительно запахло ворванью. В двух огромных барабанах, загруженных рыбной требухой переваривались все отходы, сушились и перемалывались в рыбную муку. Угольщик работает в настоящей преисподней. Сверху, через неплотности, капает горячая и вонючая жидкость — зловонное варево из рыбных внутренностей.

— Скорее бы все это закончилось! — Романов толкает тачку с углем по направлению к кочегарке. В резервном трюме осталось совсем немного угля на одну-две вахты. А потом уголь будут брать из карманов и бункеров, а это куда легче, чем возить его из мучных ям и резервного трюма. Из переполненных карманов и бункеров уголь почти двое суток сыплется в кочегарку сам без посторонней помощи. Настоящий отдых и блаженство для новичка-угольщика! Не надо больше нырять в туннель где варятся и перемалываются рыбные отходы. Однокурсник Романова, практикант Турков ни о какой практике не помышляет, ослабев и очумев от качки и тошноты он бессмысленно пучит глаза и спрашивает своего соседа еле слышным голосом:

— Как вы ухитряетесь в этом аду работать? И вообще жить?

— Привычка — вторая натура! Человек ко всему постепенно привыкает. Мне первую неделю тоже не сладко было, а потом потихоньку втянулся, работа помогает. Ты бы поднялся, убрал каюту, помыл палубу, глядишь и легче бы тебе стало, аппетит появился! — пытается помочь советом отчаявшемуся практиканту его сосед. Но все напрасно! Советы Туркову не помогают.

Если выйти на палубу и осмотреться, то видно, что ветер сменил направление, заметно стих, на волнах исчезли белые

гребешки пены. Вокруг, как огни большого города, светятся огоньки разбросанных штормом на десятки миль траулеров. Некоторые из них готовятся к спуску тралов.

Всего в нескольких милях к северо-востоку, на соседнем траулере проходил практику Саша Шмаков. Старательность и пытливость паренька заметил старший механик и взял на должность 2-го машиниста.

— Когда получишь диплом, — наставлял стармех Сашу, — Будешь начинать с третьего механика, поэтому я тебя к нему на вахту и поставлю, чтоб заранее о своей будущей работе имел представление!

Третий механик посмотрел на своего машиниста вначале с некоторым недоверием: худенький, маленький, больше на подростка похож, чем на курсанта. Со временем недоверие к машинисту постепенно прошло. Шмаков старательно выполнял все поручения своего механика: вовремя менял и мыл фильтры в теплом ящике, чистил змеевики опреснителя и стоял у пульта управления главного двигателя, когда механик по своим делам покидал машинное отделение. Через месяц он мог самостоятельно нести вахту в машинном отделении и последний трехнедельный рейс выполнял в качестве старшего машиниста.

Встретив случайно на причалах Мурманского морского рыбного порта своего однокашника Володю Туркова, он ахнул:

— Я тебя еле узнал! Ты как скелет! Море бьет?

— Не бьет, а убивает! — еле волоча ноги Турков шел на железнодорожный вокзал покупать билет в Архангельск.

— Ты чего так круто? Нельзя самовольно прерывать практику! Могут с третьего курса отчислить! — убеждал Шмаков упавшего духом товарища.

— Да фиг с ним! С практикой, с морем, с мореходкой! Не мое это дело! Не мое! Я это только сейчас понял!

Морская практика, неприятная для одних и приятная для других, закончилась для всех. По возвращению в порт Мурманск курсанты списывались с траулеров и возвращались в Архангельск поездом.

— Господи! Друзья встречаются вновь! — радостно верещал комендант общежития, — Подросли и возмужали за четыре месяца плаваний! Заметно! Очень заметно! В баньку, в баньку все до одного! Таков у нас порядок!

В бане, получив свежую смену нательного белья, Поликарп Земцовский с радостью оповещает всех:

— Мне новенькую, не штопанную смену белья кастелянша выдала! И трусы новые, с карманчиком сзади!

— Ты здорово подрос за это время и вверх, и вниз! —

иронизирует Тестов.

— Как это подрос и вверх и в низ? — недоумевает Земцовский.

— В верх — это значит вытянулся ростом, а вниз… — Тестов для пущего эффекта сделал паузу, — смотри, у тебя уже до колен болтается! Кастелянша первая это заметила и оценила!

Громкий хохот сотрясает раздевалку. Шутку поняли и приняли все. Земцовский, склонив лобастую голову спрашивает удивленно:

— Неужели это так заметно?

— Заметно! Еще как заметно!

Впечатления о морской практике и подробные рассказы о всех смешных и необычных случаях занимают не меньше месяца.

— Ребята! Я такую семгу в рыбном ящике выловил, что килограмм на десять потянет! — немного привирает Коля Баранов, оценивая вес семги — вот только ее сперли какие-то шакалы! Не удалось даже попробовать! Потом рассказывали, что ее до того затаскали, что испортили! Ни себе, ни людям!

Все внимательно и с охотой выслушивают уже несколько раз рассказанный Барановым случай с семгой.

— Это что! А меня чуть за борт не смыло вместе с бадьей для золы и шлака. Такая волна внезапно зашла на борт, страсть! Еле успел по трапу вскарабкаться на крыло мостика. А бадья пошла на дно.

Юра Романов упускает в своем рассказе матерную брань кочегара и его совет: Вирай штанами!

Интересуются сокурсники и эпизодом по спасению Мурманского траулера «Карп»:

— Жуткая картина была, когда судно стало тонуть?

— Особенно жутким был звук выходящего воздуха! Как будто доисторическое животное ревело! Прямо мороз по коже от этого рева!

У большинства курсантов практика прошла обыкновенно и буднично. Даже рассказывать нечего. Шторм, качка, морская болезнь — это было у всех и уже не интересно. Все излечились, у всех появился аппетит. Чего тут рассказывать? На тех, кто работал кочегарами первого класса, стоял самостоятельно вахту у котла, смотрели уважительно. Не каждый выдержит такую работу!

Выпускников и сам комендант побаивается, поэтому, не смотря на позднее время, не стоит над душой, не скрипит:

— Отбой! Спать пора!

Но по его походке, узнаем, что он идет по коридору и остановившись возле двери слушает, о чем говорят его

подопечные. А мы продолжаем рассказывать друг другу веселые и необычные истории из морской практики.

— Есть такая традиция — разыгрывать всех новичков, впервые направленных на судно.

— Мне кочегар принес большой кусок каменного угля и говорит, чтобы я отнес этот кусок в каюту старшему механику: он будет анализ топлива делать! — Рассказывает Саша Шмаков.

— Ну а ты что, поверил? Отнес старшему механику «подарок»?

— А как не поверишь, если на полном серьезе говорят! Стармех улыбнулся и сказал, чтобы я положил этот кусок кочегару в миску, когда он сядет обедать! Я так и сделал!

— Надо мной поступили вообще по-свински! До сих пор следы от этой шутки с подошв не сошли! Кто-то подсыпал чернильного порошка в тапочки, в предбаннике, пока я мылся после вахты. Порошок так въелся в распаренные подошвы, что до сих пор чернильные пятна заметны! Потом эти пятна стали на голове появляться. А я ничего не заметил, улегся на чистые простыни и перепачкал постельное белье! Боцман не хотел белье принимать! Говорит, высчитаю деньги за порчу имущества! Как будто я виноват!

— Надо было этого шутника найти и перед самым портом с ним такую же шутку сыграть! — запоздалый способ мести предложил Витя Семков.

— Нам в трал сразу две акулы-касатки попали! Еле-еле трал на борт подняли! Они уже не шевелились, погибли в трале. Опытные матросы вырезали им зубы. Красивые, как ожерелье, на сувенир себе оставили! — Володя Перминов вспомнил свой, интересный эпизод в море.

— А нам в трал попал парашют от воздушного шара, которые иностранцы запускают! Шелк бесподобный, белый как снег! Матросы его себе на кашне изрезали, — вспомнил Иньков самое важное и приметное событие в рейсе, — Красивые шарфики получились! Я поздно узнал и мне ничего не досталось!

— Перминов! Расскажи, что с акулами дальше сделали! Интересно все же! Не каждый день акулы в трал попадают! — снова задают вопросы заинтригованные ребята.

— Акула для выработки рыбной муки не годится, шкура как наждачная бумага и мясо жидкое, как желе. Выбросили туши обратно за борт за ненадобностью. Рыбаки всегда так делают. Акула в трале — это лишняя обуза.

* * *

На третьем курсе появилась еще одна дисциплина: «Технологическое оборудование судов». Это изучение всех механизмов и систем обработки рыбы: рыбомучная установка, морозильные камеры, консервная, многочисленные транспортеры и все узлы этого обширного хозяйства.

— Зачем нам знать все это? От своих предметов голова пухнет! — возмущались курсанты, пусть эти предметы изучают технологи, механики-наладчики и все, кто работает на технологическом оборудовании! Мы к нему не имеем никакого отношения!

— У нас впереди Государственные экзамены, курсовые работы, а нам какие-то посторонние знания пытаются навязать! — старшина Семенов тоже был противником новой дисциплины.

— Возмущаться можете сколько угодно! Но есть учебная программа, утвержденная Министерством, рассчитанная на определенное количество часов! Есть преподаватель и скоро начнет читать лекции! — завуч Юрий Лусь дал понять, что занятия будут и нам придется сдавать экзамены по этому предмету. Прения и возмущения прекратились, но появилось чувство неприятия и отторжения к навязанной дисциплине и к преподавателю.

Технологическое оборудование судов вела недавняя выпускница Калининградского рыб втуза, женщина под тридцать лет неброской внешности. Вела занятия она неуверенно, часто путалась в технических терминах, а однажды повесила на доске чертеж вверх ногами. На передней парте сидел Женя Клишев, который обладал способностью быстрого конспектирования. Он как бы подстегивал преподавателя говоря нетерпеливо: Дальше! Дальше! Дальше!

Другие, не поспевая записывать лекцию ворчали и возмущались:

— Куда так спешим? На пожар что ли? Мы и половины не записали!

Преподаватель бросала недовольный взгляд на сидящего на передней парте Клишева и делала небольшую паузу. Но после все снова повторялось. Тамара Ивановна, так называли нового преподавателя, в морозные дни приходила в больших серых валенках, больше похожих на мужские. Тут проявилось творчество Пылинского. В перерывах он брал в руки баян и как бы случайно, когда по коридору проходила Тамара Ивановна, начинал напевать, аккомпанируя:

— Валенки, валенки не подшиты стареньки!

— Нельзя валенки подшить, лучше к милому сходить!

Между преподавателем и учениками возникла стойкая

неприязнь, которая со временем не уменьшалась, а увеличивалась.

* * *

У мореходки два общежития. Одно более обжитое и комфортабельное располагалось в районе Фактории, другое — на Жаровихе.

— Ребята! Сегодня ночуем здесь последнюю ночь! — предупреждает старшина группы Семенов, — завтра переселяемся на Жаравиху!

Недовольный гул голосов встречает это сообщение:

— Почему? Зачем? Мы все-таки выпускники, не салаги!

Семенов пожимает плечами. Он и сам не знает истинной причины переселения. Что там на ум пришло нашему начальству? Недовольство вполне понятно: увеличивается длина пешеходного пути до столовой и учебного корпуса почти на километр. Да и общежитие на Жаравихе более ветхое и неприглядное. Казарма на Юросе сейчас нам кажется дворцом. На Жаравихе умывальники надо заливать из ведра и туалет, извините, свободного падения.

Конечно, есть и преимущества, но только для тех, кто по выходным дням любит посещать клуб 2-го лесозавода, на танцы или вечера отдыха молодежи. От общежития до клуба — рукой подать. Есть еще одно не маловажное преимущество — командиры и дежурные воспитатели редко сюда заглядывают. Кому охота в темень, да слякоть тащится к черту на кулички?

— Упрятали нас в тьму тараканью! Да еще на выпускном курсе! Каких-то полгода учится осталось! — стонут и ноют «домоседы» Семков, Иньков и Бубновский. На танцы они не ходоки, других развлечений тут нет и быть не может.

Заведовала общежитием женщина уже в годах, добрая, но не общительная и скрытная. В части ведения хозяйства, практичности, она явно уступала знаменитому коменданту Юроского общежития. Свою дочку, расцветающую красавицу с толстой косой, она держала взаперти, контролировала каждый ее шаг: уход на учебу и приход домой. Даже в магазин за хлебом не отпускала одну.

— Бабка ее в сундук запирает, когда уходит, а ключ на шею себе вешает! Я сам видел! — говорил Аркаша Хомченко и не понятно было шутит он или говорит в серьёз.

— Подберем дорожку к этому горошку! — стихами братца-Кролика заговорил Володя Шамаев.

— Не для тебя этот горошек! — обрезал весельчака Юра

Романов, хорошо зная, что Шамаев не пользуется большим успехом у девушек.

Девушка сама украдкой поглядывала на бравых парней и, наверное, не прочь была подпустить самого-самого, совсем-совсем близко.

Иногда в казарму на Жаравихе приходил Николай Трембач, самый добросовестный и пунктуальный из командиров и воспитателей. Выслушав рапорт дневального, привычно подергивал плечами обходил все комнаты, осматривал спальные, проверял заправку коек и спрашивал:

— Как у вас тут? Все в порядке? Жалоб или просьб по вопросам быта нет? — Расписывался в вахтенном журнале о произведенной проверке и неспешно уходил в ночь. Другие командиры, воспитатели и мастера на Жаравиху почти не заглядывали. А может они просто не знали, что там существует общежитие и в нем живут их подчиненные и подопечные.

— Вот и хорошо, что не ходят! Мы все-таки на последнем курсе! Выпускники! Сами у себя в состоянии навести порядок! — старшина Семенов целиком полагался на курсантов группы и отсутствие в ней нарушителей.

— В прошлый раз, проверяющий пришел в то время, когда ребята на танцы собирались! И, естественно, остограммились для храбрости! Так проверяющий воспитатель долго крутил носом, что-то вынюхивал, искал! Наверное, почувствовал запах спиртного и встревожился! — со смехом поведал об случившемся в его дежурство Гера Копытов.

Вечерняя жизнь в казарме немного оживляется в субботние, воскресные и праздничные дни. Городские парни уходят в увольнения и ночуют дома, у родителей. Взрослые завсегдатаи вечеринок и танцев тайно шушукаются, складываются деньгами, чтобы снова «остограмиться» и быть повеселее и посмелее с девушками. Впрочем, это никогда не считалось криминалом среди курсантов. Все парни совершеннолетние меру дозволенного знают и «сто грамм для храбрости» им не навредит. Пылинский, Романов, Хомченко, Шамаев, Баранов и Мошков уходят в клуб 2-го лесозавода веселиться и развлекаться, старшина Семенов едет в Соломбалу домой, в кубрике остаются одни «домоседы».

Скучно. Телевизор с экраном размером с носовой платок, еле мерцает на одной и той же программе, звук иногда исчезает совсем. Выручают от скуки только анекдоты, да смешные истории, произошедшие в разное время.

Оставшиеся в кубрике начинают рассказывать необычные и страшные истории происшедшие за время морской практики.

— Нас такой шторм настиг, что кувыркало как щепку

несколько суток! Я к качке привык, второй рейс делал. А вот один молодой матрос из Белоруссии, боялся перебегать из столовой команды к себе в каюту под полубак, — рассказывал Юра Горох.

— Чего бояться? Борт освещен, все видно!

— Он боялся волны, ему все казалось, что его смоет за борт! Так и ночевал в столовой команды! Однажды так завалило на левый борт, что бывалые рыбаки и те перетрухнули! А новичок в столовой команды вцепился в стол и завыл от страха. Еле-еле в чувство привели и успокоили. Целый час я с ним в столовой команды находился, он держал меня за руку и не хотел отпускать! Боялся одиночества!

— Ребята, а мне куда страшнее привиделось! Перебегал с кормы под полубак, а за бортом, между волнами, шлюпка спасательная обледеневшая вся и люди по бортам сидят тоже как глыбы льда! До сих пор не пойму, что это было: галлюцинация или действительность! — Саша Шмаков никогда не фантазировал и у всех слушателей по спинам пробежал холодок.

— Может это обломок айсберга такой? — предположил Семков, — а все остальное воображение нарисовало? В этих широтах маленькие обломки льда часто встречаются!

— Нет! Я иногда предположу себя в этой ледяной глыбе, то жутко становится! — Шмаков вздрогнул как будто от леденящей мысли.

— Что вы все про страсти-мордасти! Зациклились на этом! Давай что-нибудь смешное, веселенькое! — предложил заметно повзрослевший последнее время Поликарп Земцовский.

— Был у нас смешной случай! — начал рассказ Иньков, — все вы знаете, что повара и обслуга живут в общей каюте, в корме: старший повар, его помощник, буфетчица и уборщица. Причем сочетание может быть разнополое. Так вот, старший повар все время приставал к буфетчице!

— С предложением жениться?

— Если бы! Ну вот, буфетчица пожаловалась капитану на эти домогательства. Капитан тоже имел на нее свои виды. Он вызвал повара к себе в каюту и долго его песочил. Тот слушал-слушал, а уходя буркнул:

— Все равно трахну!

Громкий хохот слушателей был Инькову наградой за рассказ.

Посыпались уточняющие вопросы:

— Чем все это закончилось? Добился повар своего?

— Конечно! Подпоил буфетчицу, а пьяная баба — всеобщее достояние!

— Сколько лет вашему повару было и вашей буфетчице?

— Буфетчице лет двадцать пять! А повар старый, седой весь,

за пятьдесят!

— Старый хрыч!! Похотливый какой и наглый!

Вернулись из клуба парни расстроенные и сердитые, раздеваясь ворчали:

— Вот невезуха! Сегодня в клубе был слет молодых лесопильщиков! Производственным опытом делились! Хотя бы объявление загодя повесили!

— Если бы повесили, то вообще бы никто из молодежи не пришел! А тут много молодежи собралось, вроде нас, которые на танцы надеялись!

Коля Баранов ворчал и ругался больше всех:

— Лучше бы в казарме просидеть весь вечер, чем бродить без толку туда-сюда! Ноги-то не казенные! К тому же «остограмились» совсем за зря, впустую деньги потратили!

— Ты прав Коля! Тут ребята такие истории рассказывали! Страшные и смешные! Заслушаешься!

— У меня тоже смешная история получилась, от которой мы все пострадали! — устраиваясь удобнее в кровати сообщил Баранов.

— Какая история? Почему мы о ней ничего не знаем? — со всех сторон посыпались вопросы заинтригованных товарищей.

— Меня вызвал к себе начальник мореходки и замполит, почти полчаса воспитывали! Из-за пустяка! Однажды вечером я побежал в туалет, очень приспичило! На ходу надевал тельняшку, глаза тельняшкой закрыло ничего не вижу и на бегу столкнулся с комендантом. Он упал и заверещал своим дребезжащим голосом. Я извинился, думал дело этим и закончилось. А он пожаловался начальству будто я нарочно толкнул его!

— Он обычно любит сам всех наказывать, а не жаловаться! — заметил наблюдательный, сообразительный и всегда справедливый Шмаков.

— Только не в этот раз! Он на хорошем счету у начальства! На нем держится все общежитие и вся дисциплина в казарме! Поняли, к чему я все говорю?

— Неужели из-за этой глупой случайности нас всех сюда переселили? — догадался Шмаков.

— Именно! Замполит так прямо и сказал, что придется для вашей группы другое место проживания искать!

— Конечно! Коменданту «салаг» гонять, да наряды вне очереди раздавать куда легче, чем с выпускниками воевать! Новобранцы безропотные!

— Давайте спать! Утро вечера мудренее, а что случилось уже не исправишь! — примирительно заворчал Семков уже зевая.

Новая неделя началась с новых новостей: всем пришли

повестки из райвоенкомата на предмет явки для прохождения медицинской комиссии. Администрация, более осведомленная в этом вопросе, объясняла это событие так:

— В военные годы была очень низкая рождаемость, поэтому призывают всех, даже категорию льготников.

Эти объяснения не утешили и не успокоили призывников. Когда поступали в мореходку были одни законы, одни правила. А сейчас все поменяли, не спросив нас? Мы три года жили в казарменных условиях, носили матросскую форму, соблюдали казарменный режим и дисциплину, а сейчас снова на три года в казарму?

— Но вы получили гражданскую специальность, а не военную, а Закон о всеобщей воинской обязанности никто не отменял! — отвечали нам представители военкомата.

И вот опять мы все в чем мать родила стоим один за другим перед дверями медицинских кабинетов и врачей. Прямо конвейер какой-то, а не медицинская комиссия! Володя Турков шепчет мне на ухо крамольные слова:

— А что если прикинуться близоруким, глуховатым, или плоскостопным? Поверят?

— Сначала проверят! А потом за симуляцию могут в штрафной батальон отправить! Будешь три года земляными работами заниматься, канавы да траншеи копать!

— Будь что будет! Не буду симулировать и притворяться. Это всего лишь призывная комиссия, сразу не заберут, а потом может и позабудут про меня!

— Как бы не так! От Армии освобождаются только после двадцати пяти лет. Все равно вспомнят! Особенно, если призывников не будет хватать!

Вопрос с призывом в Армию взволновал и взбудоражил всех. Предстоящие госэкзамены временно отодвинулись на второй план. Как всегда, волнение затухло, все успокоились и смирились с неизбежностью. Некоторые даже начали между собой полемику: в каких войсках предпочтительней служить, если придется:

— На флот не хочу! Там служба на целый год больше!

— Хорошо бы здесь, в своем городе служить остаться!

— Не думали, не гадали, что «сапогами» станем!

Как известно, моряки всех сухопутных называют «сапогами». А сейчас все повернулось так, что в этот разряд мог попасть любой из нас. А возможно даже все, без каких-либо исключений. Один преподаватель Зубарев пытался встряхнуть своих учеников, приободрить и успокоить:

— Это всего лишь призывная медицинская комиссия! Не призыв на службу в Армию! Занимайтесь учебой, подготовкой к

Государственным экзаменам. Вот что должно быть для вас главным!

Время шло своим чередом. Особых, примечательных изменений в учебе и проживании на Жаравихе не происходило. Бабуля-комендант на время потеряла свою бдительность и подозрительность и сразу же опростоволосилась. Ей очень не нравилось, когда парни называли ее «бабуля» и она пожаловалась воспитателю в весьма своеобразной форме:

— Пусть лучше меня б…ю называют, чем бабулей!

Естественно, такое обращение к еще не старой женщине не могло понравиться. Воспитатель лишь руками развел:

— Что я могу поделать? Меня за глаза тоже по-всякому называют! Мальчишки же! У них дразнилки, шутки, да розыгрыши всегда на первом месте!

Комендант в расстройстве совсем забыла о дочке. И самый шустрый курсант из судоводителей, все-таки нашел ключик от заветного ларца и совсем-совсем близко подкрался к ее дочке. Слушая шум и брань за стенкой, где проживали мать и дочь некоторые посмеивались, а другие возмущались:

— Ох уж эти штурмана! Всюду свой нос сунут, даже куда их не просят!

Разумеется, вместо слова нос, они употребляли другое слово, тоже состоящее из трех букв. Аркаша Хомченко недоумевал, злился и возмущался: как такое могло случиться, чтобы девушка предпочла не его, а совсем другого?!

— Аркаша, не расстраивайся, твой удачливый соперник собирается жениться на этой девушке. Так что все произошло можно сказать, на законных основаниях! — хохотнул Коля Баранов, не одобрявший общего преклонения перед смазливыми девушками.

— Тем более она никаких авансов тебе не давала, даже не смотрела в твою сторону! Так что твои претензии не справедливы! — поддержал товарища Боря Житков. Но Хомченко не хотел понимать и принимать случившегося факта.

И уж совсем не ко времени забросили учебу Теплухин и Шамаев. Исчезали из поля зрения товарищей не только днем, но и ночью, нашли ночлег где-то в другом месте.

— Совсем распустились! Думают, что выпускникам все позволено! — горячился старшина группы Семенов, видимо забыв, что совсем недавно поступал точно также много-много раз.

— Нашли двух сестричек на втором лесозаводе, у них и проживают! Недавно сами об этом рассказывали! Чего волноваться? Хорошо устроились! — объяснил странные исчезновения курсантов всезнающий Коля Баранов.

Появившись после недолгого исчезновения, прогульщики рассказали обо всем с ненужными подробностями.

— Как родители девушек смотрят на поведение своих дочек? — спросил Боря Житков, сторонник твердых семейных устоев и высокой морали.

— Дочки уже в старших классах гуляли со взрослыми парнями! Родители привыкли и смирились с таким поведением и не вмешиваются в их личную жизнь! — объяснил по-своему поведение сестер Володя Шамаев.

— А отец? Мог бы турнуть женихов и дочек заодно с ними! — Романов тоже не мог смириться с такой вседозволенностью, похожей на распущенность.

— Нашли друг друга! И те, и другие! — с коротким смешком произнес Илатовский, — как гласит пословица — «два сапога — пара».

— Вам что! Позубоскалите и забудете! — опять вмешался старшина Семенов, — случись что, отвечать придется мне! Не хочу отвечать за других!

— Вас хотя бы немного подкармливают, когда опоздаете на обед или ужин? Можно совсем отощать с молодыми женами! — насмешничают самые любопытные.

— Иногда обедаем! Суп, да картошка на второе! У них огород возле дома, овощей много, а картошки — полный подвал! — Шамаев успел разведать и оценить запасы семьи.

— Они все работают: отец, мать, обе наши подруги! Так что не бедствуют! Иногда даже два-три рубля на дорогу дают!

— Хорошо окопались товарищи курсанты! — подражая голосу самого строгого и придирчивого воспитателя пробасил Романов, — вам сейчас и в море ходить не надо, подружки прокормят!

Все посмеялись и разошлись. В жизни случаются всякие ситуации и назидательные, и грустные, и комичные.

* * *

— Далеко, далеко я свободу искал!
И устал, от постылой чужбины устал!
На чужой стороне побратался с бедой,
И не знал, что свобода моя лишь с тобой!

Перед началом очередного занятия напевает Веня Волков песню из только что вышедшего на экраны фильма. Голос у него

приятный, волнующий, невольно хочется подпевать. Но в класс уже вошла преподаватель Тамара Ивановна, скользнула взглядом по рядам и неожиданно сказала:

— Все-таки самый симпатичный в вашей группе — это Волков и голос у него под стать внешности! Пусть другие не обижаются, но это, по моему мнению, очевидно!

Никто не обижается, может просто потому, что сама Тамара Ивановна далеко не красавица. Занятия начались и снова посыпались технические термины по технологическому оборудованию судов, в котором она явно слабо разбиралась.

В перерыве старшина Семенов принес новость из канцелярии: через две недели экзамены по пройденным предметам, потом десятидневный отпуск и подготовка к Государственным экзаменам!

— Зачем нам отпуск? Лучше сразу одним махом все закончить! — загалдели недовольные, — опять все лето в классных комнатах париться придется!

— Мы после пятимесячной морской практики не отдыхали, сразу за парты сели! Отпуск нам по закону положен! — объясняет ситуацию старшина, — так что возражать бесполезно и бессмысленно!

Экзамены и зачеты нам не страшны, все-таки выпускники и особенно придираться к нашим знаниям никто не будет. А вот с Государственными экзаменами будет сложнее, в состав комиссии будут включены наши потенциальные работодатели. Кому нужен неуч или неумеха?

Спешно назначенные экзамены проходят в том же порядке, что и раньше. Второстепенные дисциплины — со «шпаргалками», предметы по специальности — на совесть! Каждый заранее пишет шпаргалку на свой порядковый номер билета. «Слухач» — курсант с хорошим слухом и большими ушами стоит у чуть приоткрытых дверей экзаменационной комнаты. Главное для него — расслышать номер билета только что вошедшего курсанта. Идущих в это время по коридору посторонних заранее предупреждают:

— Тсс! Тихо, не шуметь!

Система доставки шпаргалок экзаменуемым всегда работала безотказно и безупречно. Один лишь преподаватель термодинамики Калицкий делал всем замечания:

— Зачем вы все так громко кричите? Я хотя по вашему мнению старенький, но вовсе не глухой!

Ему вовсе невдомек было, что за дверью аудитории стоит «слухач» и ловит выкрикнутый номер билета. Наверное, и на этот раз все прошло бы благополучно, но мстительная Тамара

Ивановна всем курсантам по своему предмету поставила «удовлетворительно». Это было отмщением за песенку «Валенки, валенки, не подшиты стареньки», откровенный смех, когда повесила на классной доске чертеж вверх ногами и многие другие промахи, в которых сама же была и виновата. Женщины никогда не прощают насмешек в свой адрес со стороны сильного пола. Возмущался только один Саша Шмаков:

— Я единственный, кто сдавал этот предмет без шпаргалки, ни разу не запнулся, ответил на все дополнительные вопросы! Она мне табель изгадила! Там даже четверок нет!

— Успокойся, Санек! Подумаешь — тройка! У других за всю учебу одни лишь тройки, и никто не возмущается! Отметки в жизни не главное! — успокаивал не на шутку разошедшегося парня Юра Илатовский.

Перед последним экзаменом ночевать в казарму пришли Теплухин и Шамаев, причем лицо Теплухина было сильно поцарапано.

— Что, с подругами поссорились? — с некоторым злорадством спросил Виктор Семенов, — я вас сразу предупреждал, что ничего хорошего от этих сестричек ждать не следует!

— Мы пришли как обычно с ночевкой, а наши места уже заняты! Из-под одеяла грязные ноги торчат! Я за ногу стащил очередного жениха, а эта дура вцепилась своими когтями мне в лицо! — рассказывал Теплухин, — я не собирался бить жениха, просто хотел вытолкать голого на мороз!

— А получилось, что сестрички вытолкали вас, да еще и фотографию крепко испортили! — хохотнул старшина.

— Получилось именно так! — под общий смех слушателей признался Шамаев.

По весне в молодых парней словно бес вселился. В общежитие приходили в полночь, возбужденные и счастливые. Бывшие «цыпленыши» Земцовский и Горох, еще недавно считавшиеся домоседами, приходили самыми последними.

— Хорошо, что не на Юросе живем! Там комендант вольностей не позволяет, после отбоя двери на засов закрывает! Говорит: где гуляли, пусть там и ночуют!

— С выпускниками он намного мягче! Это только перед новобранцами выпендривается!

— Наверное нас из-за этого и перевели сюда, чтобы конфликтов с бывшим тюремным надзирателем не было!

— Он что раньше в тюрьме надзирателем работал?

— Ты не слыхал об этом?

Перед сном ребята, переговариваясь, перемывали косточки

своим воспитателям, командирам, и коменданту. Около учебного корпуса все чаще стали появляться молоденькие девушки, а некоторые совсем молоденькие. Боясь и стесняясь зайти в учебный корпус, просили проходящих поодиночке курсантов:

— Позовите, пожалуйста Земцовского!

— Вызовите Гороха, Марина хочет с ним поговорить!

— Гену Сивкова на пару минут вызвать можно?

Командиры и воспитатели встревожились нашествием девушек: Государственные экзамены на носу, а девчонки ребят от подготовки отвлекают.

— Надо почаще оба общежития проверять!

— Думаете, это поможет? На цепь ребят не посадишь!

— Весну и Молодость не отменишь!

Лишь один преподаватель Владимир Зубарев был абсолютно спокоен и уверен в знаниях своих подопечных:

— Да сдадут они Государственные экзамены на «хорошо» и «отлично»! Даже троек не будет! Может быть только на дополнительных вопросах кое-где спотыкнуться! Если вопросы будут не по специальности!

Владимир Калицкий поддержал мысль старого друга и бывшего однокашника:

— Обязательно задам вопросы по термодинамике, чтобы еще раз убедиться в их знаниях!

Зубарев отвел своего приятеля в сторону и сказал негромко:

— Ты — Володя, и я — Володя, так что ты, Володя, на экзаменах лучше помолчи! Не задавай ненужных вопросов и не говори лишнего!

Некоторые из девушек, выискивающих своих возлюбленных в стенах учебного корпуса мореходки, были очень в этом заинтересованы, а особенно их матери.

Однажды в кабинет начальника мореходки ворвалась женщина и, не стесняясь присутствующих замполита, бухгалтера, закричала:

— Ваш курсант обрюхатил мою дочку, а она несовершеннолетняя! Уже два месяца нет месячных, врачи подтвердили беременность! А он, гад, как узнал про беременность, так и был таков: два месяца не показывается! Думает не найдем его!

— Постойте, постойте! Давайте без крика и эмоций! — начальник мореходки за свою работу уже повидал всякого, в том числе и результаты взаимоотношений молодых людей.

— Найдем проходимца! Или в тюрьму сядет и будет алименты платить, или пусть на дочке женится! — не унималась женщина.

Из ее рассказов стало ясно, что один из курсантов мореходки, рыжий и конопатый познакомился с ее дочерью и воспользовался ее доверчивостью и неопытностью.

— Вы знаете его имя и фамилию? — спросил Александр Семенович и раскрыл для записи большой, объемистый блокнот на столе.

— Откуда мне знать? Он мне не представлялся! Но в лицо его запомнила, с дочкой вместе опознаем этого мерзавца!

— Дело сложное! — вздохнул замполит, — придется весь личный состав построить для опознания! Другого выхода не вижу!

— Вот и хорошо! Через полчаса обед, построим личный состав, пригласим мамашу и дочку, пусть смотрят и опознают! — начальник захлопнул блокнот и встал из-за стола, давая знать, что разговор закончен.

По мореходке поползли преувеличенные и нехорошие слухи, о том, что какой-то рыжий курсант совратил несовершеннолетнюю девушку. Во все аудитории и классы стали заглядывать командиры и воспитатели, отыскивая взглядами рыжие головы. Илатовский и Перминов инстинктивно прятались под этими испытывающими взглядами, догадываясь о напрасных подозрениях:

— Нам что прятаться или краситься в другой цвет? — возмущенно роптали они, — какой-то негодяй наделал дел, а мы все виноватые!

— Меня тоже с некоторой натяжкой можно отнести к рыжим! — заявил Коля Баранов, приглаживая волнистую, пшеничного цвета шевелюру, — но я никогда под себя не хожу!

Все засмеялись: Баранов всегда скажет, так скажет!

Перед обедом, перед выстроившимися в два ряда шеренгами ходила женщина и ее заплаканная дочка. Виновник спрятался во второй шеренге, отворачивал лицо в сторону, в тщетной надежде, что его не опознают. Все это немного напоминало сцену из кинофильма «Вий».

— Вот он! — ткнула пальцем женщина в первокурсника Бориса Чакурина, рыжего, конопатого и с большим носом.

— Он! Он! — радостно защебетала дочка, — Боря, пойдем обедать, мама борщик сварила! Со сметаной!

Не смотря на всю серьезность положения, выражение «борщик со сметаной» вызвало веселые смешки и хихиканье.

— Отставить смех! — скомандовал начальник, — курсант Чакурин, пройдемте в мой кабинет! И вы — тоже!

Мама с дочкой и виновник всей заварухи, последовали на второй этаж учебного корпуса. Инцидент мог разрешиться только

на мамашиных условиях. Иначе — криминал, расследование и незавидная участь для шалуна.

— На-а-а лево! — скомандовал дежурный командир, — на обед, по направлению к столовой ша-а-гом марш!

За обедом все оживленно обсуждали случившееся, сочувствовали, кто к потерпевшим, а кто и к виновнику. Гадали, чем все может закончиться. Закончилось все безоговорочным принятием всех условий будущей тещи Чакурина. Он написал заявление в ЗАГС прямо в кабинете начальника мореходки, а представленное медицинское заключение о беременности несовершеннолетней невесты, послужило веским основанием для быстрого оформления брака между молодыми людьми. От этой истории со временем осталось одно только выражение: «А что сегодня на обед? Не борщик со сметаной?»

Над Чакуриным посмеивались долго:

— Первокурсник, салага, а уже семьей и ребенком обзавелся!

— Скоро ребенок появится! Хорошо, если парень! А если дочка рыженькая, конопатенькая, носатенькая?!

— Ничего! Теща молодая, боевая и пробивная! И дочку, и зятя, и внуков прокормит!

— Братцы! Мне письмо из колхоза пришло! Помните, два года назад в деревне работали, так одна девушка вспомнила и мне написала! — Гена Сивков для наглядности потрясает конвертом.

— Ну и что тебе колхозница пишет? Почему она именно тебя выбрала? — скорее из вежливости, чем из любопытства спрашивает Володя Турков. Для него все сельское, деревенское было чуждым далеким и неинтересным.

— Я ей адрес мореходки оставил, а имя и фамилию мою она и раньше знала! Если выбрала меня, значит понравился! — без тени смущения, самоуверенно заявил Сивков.

— А кто она? Коровница, телятница или пастух? — ехидничает Володя Разулевич, тоже недолюбливавший сельских жителей.

— Ребята! Мы на всякие пустяки отвлекаемся, а впереди самое главное событие нашей учебы — Государственные экзамены! — останавливает некстати затеянный разговор о сельской жизни Юра Романов, я предлагаю еще разик пройтись сообща по всем чертежам, по всем непонятным вопросам будущих экзаменов, и пусть сначала отличники расскажут, разъяснят, что еще пока не всем понятно!

— Юрушка правильно предлагает, — поддержал своего друга Аркаша Хомченко, — комиссия представительная и никаких снисхождений нам не будет! Еще раз пробежаться по всем

плакатам и чертежам не помешает!

— Все равно всё и все сдадим! Такого в жизни не бывало, чтобы выпускников на экзаменах срезали! — бесшабашный Шамаев, как всегда полагается на «авось».

Подавляющее большинство высказывается за проведение своими силами консультаций по наиболее сложным вопросам. Развесив чертежи самых сложных механизмов и узлов первым начинает отвечать прилежный и подготовленный по всем каверзным вопросам отличник Саша Шмаков. Отвечает уверенно, четко и бойко. Потом отвечает на вопросы слушателей-экзаменаторов.

— У нас хорошая и полезная игра получается! Мы, слушатели, вроде бы экзаменационная комиссия, а Шмаков — экзаменуемый! Лучше не придумаешь! Какую оценку поставим Шмакову?

— Пока еще не все самые каверзные вопросы задали! Повременим с оценками! — возражает Теплухин, у которого еще не зажили царапины на лице от неверной подруги.

— Так задавайте вопросы «на засыпку»! — хорохорится Шмаков, — я на любой вопрос отвечу!

Возбужденный, раскрасневшийся, с острым маленьким носиком, он похож на воробья. Но знания у него фундаментальные и многие ему завидуют.

— Давайте следующего послушаем! Только по другим вопросам! Надо по всей программе пройтись и повторить наиболее слабые места! — все почувствовали вкус и полезность игры и хотят продолжения.

— Следующий Виктор Тестов — объявляет Романов, — пожалуйста, к доске товарищ Тестов!

Тестов подходит к доске и выбирает первый попавшийся чертеж.

— Нет-нет, этот вопрос слишком простой, любой из нас ответит на «отлично». Давай что-нибудь из теории, из термодинамики! Ты когда-то все циклы наизусть знал! — снова просят слушатели.

Виктор перебирает чертежи, находит искомые диаграммы, развешивает и начинает рассказывать.

— Чуть помедленнее, чтобы мы успели все переварить! — просит Володя Турков, который, не смотря на свою заторможенность и флегматичность тоже вошел в азарт игры.

— Вы думаете в экзаменационной комиссии все знают термодинамику? Думаю, что кроме Калицкого о ней все дачным-давно забыли, — опять влезает с критикой Шамаев, — так что все наши старания будут вхолостую! К тому же Зубарев наказал

Калицкому помалкивать!

— Но вопрос задать могут и надо быть готовым к этому! Пусть рассказывает про циклы, он делает это лучше и понятнее, чем преподаватель! — поддерживает Тестова Боря Житков.

— Даже я стал понимать и разбираться! — хохотнул Володя Турков, — давай, Витек, продолжай, жми дальше! Все не только понятно, но даже и интересно!

Тестов, довольный похвалами товарищей и своей подготовкой к предстоящим экзаменам, садится на свое место за партой.

— Может хватит на сегодня? А то уже голова не соображает и не воспринимает всего что сегодня в нее натолкали! Время до экзаменов еще есть, репетиции можно продолжить в следующие дни!

— Согласны! Согласны! — над партами поднимается лес рук, согласных на прекращение репетиции и продолжения их в следующие дни.

По дороге в казарму обсуждали свое ближайшее будущее, строили планы, высказывали предположения и сомнения. Скоро начнется новая, самостоятельная жизнь: работа, продвижение по службе и многое будет зависеть от того, как мы сумеем показать себя перед будущими нашими руководителями и начальниками.

* * *

— Все, кто на морской практике работал на штатных должностях, могут сходить в бухгалтерию тралового флота и проверить свой депозит! Я, например, получил больше сотни рублей! — ошарашил всех новостью Аркаша Хомченко.

— Да за что-деньги-то? Ты не разыгрываешь нас? — засомневались неверующие.

— Кто не верит — пусть проверит! Деньги вполне законные! Нам за практику и пятимесячную работу положен трудовой отпуск. И деньги всем уже начислены и давно на депозите лежат! Я бы тоже не знал, но знакомая из бухгалтерии подсказала!

— Вот новость так новость! Побольше бы таких новостей!

— А какие документы надо брать с собой?

— Депозит могут проверить по курсантскому билету, а вот деньги выдают только по паспорту!

Все, кто на морской практике работал на штатных должностях, спешно побежали в бухгалтерию, проверить лицевой счет, а возможно и получить деньги. Хомченко сказал правду: деньги на депозите были у всех, кто на судах занимал штатную

должность. Практикантам и ученикам машинистов не начислили ни копейки. Самую солидную сумму около трехсот рублей, начислили мне. Сюда вошли и отпускные, деньги, за найденные поисковым траулером косяки и скопления рыб, и даже небольшая сумма за поднятую на борт спасательную шлюпку.

— Может в ресторан пригласишь? За то, что я принес хорошую новость? — хитро подмигнул Хомченко, разузнав какую сумму я получил.

— Еще чего! Самому нужны! После экзаменов поеду в Каргополь к родителям, отдохну с месяц! Очень домой хочется! Деньги всегда пригодятся!

— Да, ты прав, не о ресторане надо думать, а об экзаменах! Я что-то не очень уверенно чувствую себя по некоторым вопросам! И дополнительных вопросов побаиваюсь!

С просьбой дать денег взаймы подкатывались и другие сокурсники. Но я понимал, что дать взаймы, это всегда без отдачи. Такова у курсантов традиция.

Пришел в порт траулер «Енисей» и мне захотелось сходить в порт, увидеть свой первый пароход, на котором прошли самые первые и самые памятные рейсы в моей жизни. Траулер стоял под выгрузкой. Большинство команды уже поменялось. Как и обычно в первый день прихода рыбаки были навеселе. На верхних решетках машинного отделения никого не было, внизу слышался знакомый гул. Третий механик готовил котел к котлоочистке и производил его выдувку. Пробегавший мимо вахтенный механик не узнал меня и спросил мимоходом:

— Новенький? Замена кому-нибудь из нас?

— Костя, ты что не узнаешь меня? А я тебя сразу узнал!

— О-о-о! Прости, тебя не узнать в кителе и фуражке! — Подумал, вновь направленный механик пришел, у нас второй механик и я в отпуск собираемся!

— Я еще мореходку не закончил! Пришел посмотреть на свой первый пароход! Сейчас вижу в команде многие сменились!

— Так время же не стоит на месте! Но машинная команда почти вся прежняя! И тебя вспоминаем иногда! — Костя кивнул на ветрогон и припомнил былое, — помнишь, как набивку выкорчевывал? Пока все еще твоя набивка стоит, не меняли!

— Все помню! Первый рейс никогда не забывается!

Хлопнула входная дверь, вошел старший механик, как всегда щегольски одетый, чисто выбритый, пахнущий дорогим одеколоном:

— Кого я вижу! Наш доблестный практикант-кочегар! Давай снова к нам приходи, с удовольствием возьму старшим машинистом, надежные работники нам очень нужны!

— Спасибо за теплые слова! Закончу мореходку обязательно попрошусь к вам. Машинная команда у вас подобрана очень хорошая, да и на поисковом траулере работать интереснее!

— А чего мы стоим? Пойдем ко мне в каюту, «остограмимся», закуска хорошая: вяленый окунь и палтус. Все собственноручно готовил. Пальчики оближешь!

— Нельзя мне! Сами знаете, дисциплина! Да и Государственные экзамены на носу! Потом, как-нибудь расслабимся! Извините, я побегу, у нас консультация через двадцать минут! Нельзя пропускать, или опаздывать!

— До свидания! Не забывай о моем предложении! — крикнул старший механик вдогонку, — не забывай!

* * *

Наступили белые и тихие майские ночи. Сразу двое парней из группы надумали жениться. Видно время пришло. Аркаша Хомченко по уши влюбился в молоденькую, симпатичную медицинскую сестру, которая жила вместе с матерью в однокомнатной квартире.

— Все ребята! Завязываю с холостяцкой жизнью! Встретил девушку о которой мечтал всю жизнь! Девушку своей мечты! Не хочу упускать свой шанс! — громогласно и безапелляционно заявил он.

— Аркаша, не спеши! Впереди ответственные экзамены, итог всей учебы! Закончишь учебу, потом и женись! Время для женитьбы всегда найдется! — урезонивали его друзья и знакомые.

— Женитьба не помеха учебе, а наоборот, даже стимулирует и мобилизует! Государственные экзамены в медовый месяц! Такое редко бывает! Ручаюсь, что все экзамены сдам на пятерки!

Отговаривать Хомченко было бесполезно. На каждый аргумент он находил контраргумент, увесистый и неоспоримый.

Свадьба была скромной. Разносолья, и яств на столе не было. Зато молодежного задора, веселья, песен и танцев — хоть отбавляй! Основные гости — курсанты мореходки, друзья и однокашники жениха. Со стороны невесты — несколько девушек-подруг, да еще соседи по общему коридору. В однокомнатной квартире особо не разгуляешься, тесно и жарко. В те времена никто не задумывался о вреде курения и табачный дым клубами и волнами валил по комнатушке и общему коридору. Играл на аккордеоне Миша Пылинский, а знакомые песни гости подхватывали дружно, весело и азартно.

Чтобы проветрить комнатку, вышли танцевать в коридор. Из

всех дверей стали выглядывать любопытные соседи, хотели получше рассмотреть жениха и невесту, а заодно и гостей, молоденьких морячков.

Двери в соседние квартиры уже не закрывались. Веселье стало общим.

— Который из них жених? Все молодые, все в одинаковой форме? — вопрошали любопытные, не знакомые с женихом.

— Тот который с невестой танцует, в белой фате, которая!

— Они что, военные моряки?

— Да нет, курсанты с мореходки, которая на Фактории.

Натанцевавшись и проветрив комнату, молодые и гости снова уселись за столы. После антракта с танцами в коридоре, гостей прибавилось. С разрешения хозяйки пришли соседи, некоторые парами. Перетащили от соседей еще один стол, поставили стулья. Все быстро, как это бывает при застолье, перезнакомились, перешли на «ты».

— Горько! — басом закричал первый друг жениха Юра Романов.

— Горько! Горько! Горько! — дружно подхватили гости и приглашенные друзья мореходчики. Все выпили под поцелуи молодоженов и опять закричали: — Горько! Горько! Горько!

Часы пробили полночь, но никто и не думал расходиться, веселье было в полном разгаре. Но усталость сморила даже самых здоровых и стойких. Спать улеглись на диване, на полу комнаты, у доброжелательных соседей, которые были на свадьбе гостями. Жениху с невестой места в комнате не нашлось.

— Я им в сарае кровать приготовила, с периной, теплым одеялом, новыми подушками. Все новенькое, для приданного куплено! — охотно поделилась подробностями поливания молодых радостная мать невесты.

— Небось не замерзнут! Горько! — сотый раз прокричали курсанты вслед удаляющейся молодой паре.

В мае ночи еще холодные, но молодая супружеская пара всегда найдет способ согреть друг друга.

Вслед за Хомченко нашел свою единственную половинку и девятнадцатилетний аккордеонист-баянист Миша Пылинский. О своей свадьбе он особенно не распространялся и не афишировал этого события. Среди приглашенных курсантов мореходки почти не было. Гостей выбирали родители, курсантов пришло всего несколько человек.

После двух свадеб наступили учебные будни. Все будущие выпускники получили последние курсовые проекты: сделать чертежи различных узлов и деталей машин на полном листе ватмана. Не только начертить, но и обвести черной тушью все

контуры и штриховки. Таким образом курсовой проект превращался в наглядное пособие, в плакат по которому будущие курсанты судомеханики будут изучать дисциплины по своей будущей профессии.

— Мне опять достанется самый сложный из всех! — заранее сетовал на свою невезучесть Володя Турков. И зря. Самое простейшее задание из всех досталось именно ему. На радостях Турков даже подпрыгнул:

— С этим заданием я и сам без консультантов и помощников справлюсь!

Удачно организованные «консультации на добровольных началах» проходили уже как-то вяло, без прежнего азарта и самоотдачи. Первыми запротестовали «отличники»:

— Почему все мы, да мы! Пусть и другие у доски попарятся!

Нехотя проголосовали за новое предложение. На вопросы у доски стали отвечать «хорошисты» и даже троечники. Все по журнальному списку.

Но это было уже не то, что было в начале и это поняли все.

— Пойдем сегодня в город, на танцы! В городе есть отличные, обустроенные танцплощадки! Даже саксофонисты играют!

— Никуда и ничего не хочется! Две недели осталось до главного события нашей учебы! Может потом сходим и поищем эти первоклассные «сковородки»?

— Хорошо! Ты мне обещал! Чур потом не отказываться!

Конечно, приглашение Гены Сивкова совсем не бескорыстное. Он знает, что я получил в кассе тралового флота приличную сумму за морскую практику и надеется купить билеты для себя и для своей подружки за мой счет.

* * *

Мы впятером вытаскиваем столы, скамьи и парты из учебного кабинета судомехаников. Здесь завтра будет заседать комиссия и принимать у нас Государственные экзамены.

— Макеты не трогайте! Оставьте здесь! Солиднее будет выглядеть наш кабинет! А вот стулья, шесть штук, надо выбрать поновее и с однообразной обивкой! — командует нами Владимир Зубарев.

— Есть такие в читальном зале библиотеки! — подсказывает Юра Илатовский, — пойдем, притащим!

Но сделать это не так-то просто. Рыжая, веснушчатая библиотекарь цепляется за свой инвентарь и не дает его даже тронуть с места. Приходится искать завхоза и объяснять ему всю

ситуацию.

— «Яичница» не дает стульев для экзаменационной комиссии, как будто это ее собственность! — жалуется завхозу Илатовский.

— Какая яичница? Какие стулья? — ворчит ничего не понимающий завхоз. Ему невдомек, что из-за густых, во все лицо, веснушек мы называем библиотекаря «яичницей». Наконец, поняв нас, осторожничает:

— Надо бухгалтера спросить! А вдруг стул сломается, кто отвечать будет? — Кое-как вопрос решается в нашу пользу и мы, торжествуя, тащим стулья на первый этаж.

— Надо длинный стол на шесть персон, графин с кипяченой водой, стаканы и скатерть желательно красного цвета, стопку писчей бумаги, карандаши! И еще цветы, живые цветы в вазу, где женщина из министерства будет сидеть!

Зубарев дал столько новых заданий, что на целый рабочий день хватит, а время к ужину приближается.

— А может полевых цветов насобирать? За тепличными надо в город ехать, да и дорогие они, нам не по карману!

— Ладно, пусть будут полевые, но только большой букет и красивых цветов! — соглашается Зубарев.

— Скатерть зеленая сойдет, или обязательно алая?

— Зеленый стол — это для игроков в карты, лучше бы красного. Или алого цвета! — настаивает старший преподаватель.

Ну и ну! Это потрудней любого экзамена, отыскать все необходимое для завтрашней экзаменационной комиссии.

— Нам надеяться на снисхождение, или нет? — пытается шутить мокрый от пота Юра Илатовский.

Наступило утро, тихое, солнечное и безветреннее. В окна с восточной стороны, лился золотистый свет. До подъема еще далеко, но уже никто не спал. Сегодня самый торжественный и ответственный день для курсантов судомеханического отделения — Государственные экзамены. Старшина группы Виктор Семенов говорит негромко, но строго и внушительно:

— Думаю, все понимаете, что форма одежды летняя, парадная: черные брюки, белая матроска, обязательно белые чехлы на головные уборы! Про ботинки, и пряжки ремней не говорю, сам видел, как вчера чистили.

Хотя настроение у всех праздничное и приподнятое, но все волнуются: случайность, удача, фортуна переменчивые вещи их тоже надо учитывать, хотя большинство полагается на собственные знания.

— А как пойдем? Строем, или гурьбой?

— Гурьбой да стадом только овцы ходят, последний раз до

учебного корпуса строем пройдемся! Покажем морскую выправку! — строго говорит старшина Семенов.

— Ох! У меня просвечивает майка с пришитым лоскутком тельняшки! Только сейчас в зеркале увидел! — нашел изъян в парадной форме Шмаков.

— И у меня тоже! И у меня тоже самое! — сообщили о непорядке в форме сразу несколько человек.

Дело в том, что, когда получали летнюю парадную форму, одни получили белые форменки из плотного материала, а другие из тонкого ситца.

— Да-а! Погано будем выглядеть перед комиссией с этими тряпочками вместо тельняшек!

— Пусть зимние тельняшки оденут с рукавами!

— Зимние тельняшки в такую жару? Они потом до экзамена изойдут!

— И серое вещество размякнет, если у кого оно есть! — Володя Разулевич опять припас булавку или шило, чтобы уколоть особо старательных отличников.

— Пусть тельняшками меняются, или форменками! — нашел выход Семенов, — с теми, кто уже сдал экзамены! Не брезгуете?

— Да нет! Конечно нет! Сейчас любой выход приемлем! — хором согласились отличники, у большинства из которых просвечивали через форменку пришитые к майке лоскутки.

— Еще два часа до начала экзаменов! Сначала в столовую сходим, позавтракаем, а уж потом пойдем в учебный корпус! Зубарев соберет всех в аудитории и последние наставления даст! — Семенов больше, чем кто-либо осведомлен в порядке и последовательности последнего дня учебы.

— Нас с довольствия завтра снимут?

— А где кушать будем? Завтракать, обедать, ужинать?

— Ночевать где? Ведь не сразу все домой уедут?

— Вечером, после экзаменов получим все документы о завершении учебы и денежное довольствие в бухгалтерии! Там уже все подсчитано, только расписаться и денежку получить! А ночевать? Может тетушка-комендант сжалиться на ночь глядя и пустит иногородних! Но это все! Мы должны теперь сами о себе заботится!

К новым реалиям круто изменившейся жизни привыкать будет трудно, особенно тем, у кого родители и родственники очень далеко. Целых три года мы жили под Государственной опекой и считали это само-собой разумеющимся. Наступает новая, самостоятельная жизнь и надо к ней приспосабливаться.

Зубарев, в морской форме и белой рубашке с галстуком, выглядит непривычно и торжественно. Он взволнован не меньше

своих учеников и дает последние важные указания:

— Отвечайте бодро, уверенно, даже если слабо знаете ответ на каверзный вопрос! Не смущаться и не мямлить! Главное, произвести впечатление на весь состав комиссии, не на того, кто задал заковыристый вопрос! Поняли?

— Говорят, что в состав комиссии входит представитель нашего Министерства! Это правда, или просто слухи?

— Будет! Эта женщина — бывший капитан плавбазы с Дальнего востока. Очень опытный и знающий специалист! Она человек с пониманием, знает, что вы очень волнуетесь и вопросов «на засыпку» задавать не будет.

— Наш «умник и теоретик» Калицкий в комиссии? Вопросов по своему предмету задавать не будет? — спрашивает Хомченко, боясь, что преподаватель помнит эпизод на его уроке с подменой отвечающих.

— Володя Калицкий мой однокашник и старый друг, так что я его нейтрализую! — рассмеялся Зубарев, — нам пора заканчивать консультацию. Скоро ваш Рубикон!

Экзаменуемые небольшой группой стоят у двери аудитории, где в полном составе собралась комиссия. Если на каждого из нас отпущено времени примерно десять минут, то все мероприятие продлится около шести часов, с учетом перерыва на обед. Я в средине списка, значит, моя очередь наступит через два с половиной часа. Все эти подсчеты мелькают в голове с быстротой молнии. Зачем маяться в коридоре, нервничать? Перегоришь раньше времени. Но с другой стороны, любопытство, оценки первым из экзаменуемых, их впечатления заставляют задержаться в толчее коридора.

— Березин и Бубновский на «хорошо» сдали, сейчас Коля Баранов отвечает! — сообщает Волков. Тоже готовый предстать перед комиссией.

Кажется, очередь движется быстрее, чем я рассчитывал. Члены комиссии не заинтересованы заседать долго в жаре и духоте, хотя окна в аудитории открыты настежь и на столе постоянно крутится вентилятор иногда сдувая бумаги и документы со столов. Курсанты — не студенты, у них нет различных примет и суеверий и на этот раз сдают экзамены без всяких шпаргалок. Что будет, то и будет. Разве можно предугадать какие темы или вопросы тебе выпадут?

Из аудитории выходит потный, раскрасневшийся наш главный преподаватель и наставник Владимир Зубарев:

— Все идет хорошо! Четверки и пятерки! Так держать!

Зубарев не входит в состав экзаменационной комиссии, но будет присутствовать до конца, как консультант и классный

руководитель. Его советы и мнения тоже будут учитываться.

— Зря я не пошел прогуляться по улице! Стоял, нервничал, любопытствовал. А зачем? — с запоздалым сожалением подумалось мне, — только нервное напряжение себе повысил! Сейчас гулять уже поздно, через три человека моя очередь!

Один за другим выходят из аудитории Илатовский и Клишев. У первого четверка у второго пятерка. Они уже свободные люди.

Пора и мне. Вхожу, получаю вопросы, развешиваю нужные чертежи и схемы на специальных прищепках на доске и на стенах. Мысленно определяю состав комиссии: курящая женщина — представитель Министерства, тучный мужчина в морской форме с галунами — главный инженер тралового флота, Калицкого узнать не трудно. Слева рядышком сидят начальник нашей мореходки Александр Сергеевич Кущенко и завуч Юрий Лусь оба в форменной одежде со значками капитана дальнего плавания. Солидно и внушительно, можно даже сказать торжественно. Вопросы попались легкие, отвечаю уверенно, без запинки. Председатель комиссии, экономя время, прерывает мой ответ вопросом, который немного сбивает с толку:

— Вы закончили семилетку с отличием! Могли бы поступать без экзаменов в более престижное учебное заведение! Почему выбрали именно нашу мореходку? Не жалеете?

Вспомнилось наставления Зубарева: говорите смело, уверенно, даже если это неправда. Зачем мне неправда?

— У меня знакомый учился в этой мореходке! Много рассказывал об учебе, о жизни, будущей специальности. Вот я и решил сюда поступать!

Ответ удовлетворил всех. Даже хмурый главный инженер тралового флота заулыбался и кивнул в знак согласия:

— Честный, правдивый ответ! Я думаю, что курсант будет надежным и постоянным работником тралового флота!

Женщина погасила очередную сигарету в пепельнице:

— Общее мнение комиссии: вы сдали Государственный экзамен на отлично! Поздравляем вас!

Как будто тяжелый груз упал с плеч. Так все быстро и благополучно закончилось? Растерявшись, не зная, что говорить в таких случаях, сказал первое, что пришло в голову:

— Спасибо вам всем!

На крыльце стояли и не расходились все уже сдавшие экзамены, ждали остальных в знак солидарности. Делились впечатлениями от произошедшего, строили планы на будущее.

— Буду в Сельскохозяйственную Академию поступать. Мне из нашего колхоза рекомендацию и направление дали! — заявил Толя Березин.

— Попытаюсь поступить в Московский институт иностранных языков, на переводческий факультет! Уж очень хочется в разных странах побывать и весь мир увидеть! — высказал свою заветную мечту Володя Турков. Вышел на крыльцо и наш старший преподаватель Владимир Зубарев, обхватив за плечи группу выпускников сказал:

— Спасибо! Молодцы! С самого основания мореходки не было такой сплоченной и сильной группы! Не было!

Помолчав, добавил:

— С этих пор ваши дороги в морях и океанах!

Фотографии

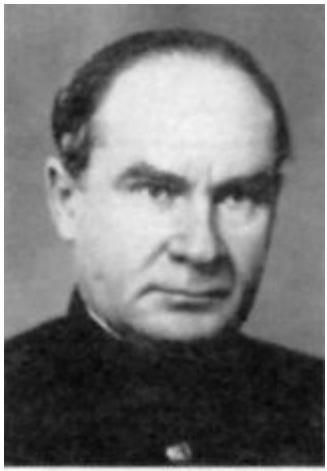
1. Головкина В.А.

Головкина В.А.

2. Зубарев В.В.

Зубарев В.В.

3. Кущенко А.С.



Кущенко А.С.

4. Лусь Ю.А.

Лусь Ю.А.

5. Пивень В.М.

Пивень В.М.

6. Точилова Д.Г.

Точилова Д.Г.

7. Трембан Р.Ф.

Трембан Н.Ф.

8. Баранов Н.Г.

Баранов Н.Г.

9. Березин А.В.

Березин А.В.

10. Бубновский В.Г.

Бубновский В.Г.

11. Волков В.В.

Волков В.В.

12. Горох Ю.И.

Горох Ю.И.

13. Житков Б.К.

Житков Б.К.

14. Земцовский П.Я.

Земцовский П.Я.

15. Илатовский Ю.С.

Илатовский Ю.С.

16. Иньков В.А.

Иньков В.А.

17. Клишев Е.П.

Клишев Е.П.

18. Колпаков В.П.

Колпаков В.П.

19. Копытов Г.Г.

Копытов Г.Г.

20. Мошков Л.С.

Мошков Л.С.

21. Новоселов В.В.

Новоселов В.В.

22. Перминов В.К.

Перминов В.К.

23. Перфильев А.П.

Перфильев А.П.

24. Пылинский М.В.

Пылинский М.В.

25. Разулевич В.А.

Разулевич В.А.

26. Романов Ю.С.

Романов Ю.С.

27. Семенов В.А.

Семёнов В.А.

28. Семков В.

Семков В.

29. Сивков Г.А.

Сивков Г.А.

30. Теплухин Ю.К.

Теплухин Ю.К.

31. Тестов В.А.

Тестов В.А.

32. Турков В.В.

Турков В.В.

33. Хомченко А.Г.

Хомченко А.Г.

34. Шамаев В.А.

Шамаев В.А.

35. Шмаков А.А.

Шмаков А.А.

Об авторе

Василий Петрович Колпаков родился в городе Каргополь Архангельской области. Закончил Архангельскую рыбопромысловую мореходную школу и Ленинградское высшее инженерно-морское училище имени адмирала С.О. Макарова в 1973 году. До 1999 года работал в Архангельском траловом флоте на больших морозильных рыболовных траулерах помощником капитана, представителем администрации флота.

Автор трех книг художественной публицистики, выпущенных Северо-западным книжным издательством и издательским центром АГМА: «Компас надежности» (1985 год), «Через три океана» (1990 год), «Корабли и капитаны» (1999 год).

Василий Петрович Колпаков родился в городе Каргополь Архангельской области. Закончил Архангельскую рыбопромысловую мореходную школу и Ленинградское высшее инженерно-морское училище имени адмирала С.О. Макарова в 1973 году. До 1999 года работал в Архангельском траловом флоте на больших морозильных рыболовных траулерах помощником капитана, представителем администрации флота.

Автор трех книг художественной публицистики, выпущенных Северо-западным книжным издательством и издательским центром АГМА: «Компас надежности» (1985 год), «Через три океана» (1990 год), «Корабли и капитаны» (1999 год).

В книге «Факторские курсанты – дети войны» на примере одной учебной группы автор описывает дни, месяцы, годы жизни и учебы молодых курсантов от момента их поступления до окончания мореходной школы. Учеба, учебная и морская практика, взаимоотношения с командирами, воспитателями и преподавателями, повседневный быт и развлечения. Живо, увлекательно и с юмором повествует о коллективных мероприятиях, поездках в колхоз, выступления с концертами художественной самодеятельности на вечерах отдыха, непростые взаимоотношения с гражданскими сверстниками, первые увлечения и первая влюбленность и многое-многое другое.

В книге размещены подлинные фотографии начальника школы, его заместителей, преподавателей, воспитателей и курсантов, всего 35 фотографий.

Фото автора, восстановление и цифровая обработка фотографии – А.В. Колпаков.